

прот. Андрей Ткачев

...что видел..., о чем думал..., что пытался понять...

ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО

*Одеяло, которое я укрывалось,
не куплено в магазине,
а сшито из лоскутов.
Оно не ахти какое красивое,
зато похоже на то что из сказки
и под ним тепло...*

ПРОТОИЕРЕИ АНДРЕЙ ТКАЧЕВ

ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО

*По благословению
Блаженнейшего Митрополита
Киевского и всея Украины
ВЛАДИМИРА*

*Рекомендовано к печати
рецензионной комиссией
Украинской Православной Церкви*

прот. Андрей Ткачев

...что видел..., о чем думал..., что пытался понять...

ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО

УДК 271.2
ББК 86-372
Т 48

Протоиерей Андрей Ткачев

Т48 Лоскутное одеяло — К.: «Послушник»,
2013 — 288 с.

ISBN 978-966-2503-05-0

Книги отца Андрея обращены к каждому, кто задумывается о жизни, кто ищет Бога, обращаясь к Нему за помощью, задавая Ему мысленно вопросы. Книга «Лоскутное одеяло» составлена из коротких заметок, рассказов и стихов. Лоскуты мыслей, «сшитые» в одну книгу, словно согревают душу искренностью автора, теплом и доверием. В эту книгу вошли рассказы из книги «Письма к Богу», а также новые размышления, стихи и рассказы протоиерея Андрея Ткачева.

© «Послушник», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Воздух похож на Бога.....	11
Без цены.....	12
Во Христе нет ни одного греха.....	14
Сказано: радость бывает на небесах.....	15
Время имеет свойство твердеть.....	17
О делах Божиих нужно помнить.....	18
Чем больше на земле настоящих святых.....	19
Поэзия, увя, всего одна.....	20
Книги.....	22
Урок.....	28
Когда мы измучиваемся от лжи.....	45
Каждый земной отец в ответе.....	45
Моисей.....	46
Машина стоит в гараже.....	48
Дороги.....	49
Экран телевизора тверд.....	54
Я — вечен.....	58
Вид из окна больничной палаты.....	60
Было время.....	62
Недоуменье и страх на лицах.....	63

21-я глава Евангелия от Матфея.....	64
Лазарь.....	64
Пути Господни.....	65
Куда человеку деваться от прошлого?.....	70
Чудеса Христовы многослойны.....	72
От любви ко Христу зависит все.....	73
Не ругайте человека.....	74
Унывать не надо.....	76
Как жалко.....	76
Как потребители западного образа жизни.....	77
Лаборатория одиночества.....	77
Вытолканный из Рая в шею, Адам.....	81
У пяти дев, ожидавших Жениха.....	83
«Небеса поведают славу Божию...».....	84
Со времен грехопадения.....	86
Проезжий.....	87
На Западе закон сильнее обычая.....	94
Миллионы людей молились.....	94
В одном большом селе.....	95
Раньше человек жил только на земле.....	99
«Я не нашел себя в списке».....	100
Как по-разному умирают люди!.....	102
Манна.....	103
Человек — это канатоходец.....	111

Братья, продавшие Иосифа в рабство.....	112
С точки зрения будущей смерти.....	113
Предчувствие.....	118
У бабы Сони на Привозе.....	119
Заповеди обращаются к одному человеку.....	119
В маленьком городке.....	119
Уметь читать.....	129
Вы уверены, что эпоха рабовладения закончилась?	132
Как часто имя Твое вспоминают все.....	134
Собрались однажды.....	135
Однажды после роскошного банкета.....	135
Где деревьев так мало.....	136
Превращение посеянного зерна в колос.....	137
Внутренний мир человека.....	138
Христос был плотником.....	138
Когда смотришь.....	143
У Бога нет мертвых.....	144
Мы многое растеряли.....	152
Все-таки любой текст предполагает толкование.....	154
Не святые.....	154
Как вкусен хлеб.....	161
Мне никогда не случилось.....	162

Говоря по совести, я уже умирал.....	163
Обязательно нужно измениться.....	164
Снег за окнами.....	169
Урок царя Навуходоносора.....	172
Вход в Иерусалим.....	178
Революция.....	180
Сказка о Рукавичке похожа на притчу.....	188
Бог — это Тот, Кто смотрит тебе в лицо.....	189
Вода сквозь пальцы и песок в часах.....	190
Не вставая с места, можно двигаться.....	192
Молодой священник совершил отпевание.....	193
Необходимо вдуматься в слова Христа.....	194
Рабство.....	195
Златоуст сказал однажды.....	200
Свободная страна.....	201
Молодые девчонки.....	207
Когда захочешь погордиться.....	208
Люди упорно и постоянно спорят.....	209
Яблоко.....	209
Если хочешь учиться.....	212
Она ведет себя вызывающе.....	212
Точное имя ада.....	216
Резиновый мяч.....	217
Чем опасна цивилизация?.....	218

Пришел однажды человек.....	219
Страна чудес.....	220
Если вы хоть раз гуляли в лесу.....	239
Протез не в счет.....	240
Согретые Пасхой.....	241
Поэзия ближе к вере.....	246
Толпа орет.....	248
Попутчик.....	250
Дух времени.....	259
Мелодия для странника.....	260
Звуки тают в воздухе.....	263
Верность.....	264
Я могу показаться веселым человеком.....	271
Встреча.....	282

Воздух похож на Бога. Он всегда рядом, и его не видно. Только когда его не хватает, узнаешь, как он нужен.

Солнце похоже на Бога. Оно может и греть, и сжигать. На его огненный диск нельзя смотреть без боли. Все живое тянется к нему. Все живое пьет его силу.

Море похоже на Бога. Когда оно прозрачно и ласково, это похоже на нежность Большого к маленькому. Когда оно бушует и пенится — с ним нельзя спорить.

На Бога похож мужчина. Когда он кормит семью и готов за нее драться. И еще когда он скуп на слова и улыбается редко.

На Бога похожа женщина. Когда она кормит грудью и ночью встает на плач. Когда она растворяется в детях и отвыкает думать о себе.

Так много в мире похожего на Бога. Откуда взялись атеисты?

прот. Андрей Ткачев...

11

БЕЗ ЦЕНЫ

Золотую монету можно разделить на части — на две части, на три. Кажется, даже можно перекусить, если золото мягкое, без добавок. Можно перерубить старинную гривну. Получится рубль. Вернее, два рубля. А вот бумажные деньги нельзя рвать. Никакие рубли не получатся. Получатся два кусочка бумаги.

Бумажные деньги — очень слабая вещь. Они могут перетираться на сгибе. Когда начинается война или революция, деньгами становятся хлеб, керосин, патроны, консервы. Бумажными деньгами тогда можно оклеивать стены или внутренность дорожного чемодана. Тем более что чемоданы в войну превращаются из кожаных в фанерные.

Жизнь человеческая чудесна хотя бы потому, что бумагу — денежные знаки — в мирное время можно менять на кирпичный дом, шерстяную одежду, вкусную еду. Так не всегда было.

Авраам был богат. Иов — тоже. Но их богатство измерялось иначе и не помещалось в бумажник. Блеяли овцы, паслись стреноженные кони, мычали телята. Эти звуки вполне заменяли шелест банкнот. Эти звуки были лучше, и само богатство было осязаемо, мас-

штабно. Еще богатством были дети. У Иова — семь сыновей и три дочери. И серебристая седина в бороде тоже была богатством. Ты жил долго. Ты много раз смотрел на огненный рассвет и мягкий закат. Зима и лето много раз сменяли друг друга у тебя на глазах. Вот ты и дожил до внуков. Их свежесть, их гибкая слабость и неопытность дают тебе забыть о том, что кости у тебя начали скрипеть и спина по утрам не спешит разгибаться. Разве их глазки, жадно смотрящие в мир, и шелковая кожа на ладонках не являются еще одной разновидностью богатства?

Ты — богач, если ты не боишься трудностей и можешь сам заработать свой хлеб, где бы ты ни оказался. Еще — если умеешь терпеть боль и не боишься смерти. Эти вещи тяжело поддаются исчислению в любой валюте. Они вообще не имеют цены, их нельзя купить, но они тебя кормят и греют, защищают и радуют.

Плохо, если при слове «богатство» в мозгах начинается калькуляция.

Кто-то говорит о себе, что он богат. Весь мир может говорить о нем как о богатом человеке. Но в глазах у него столько грусти, что его богатство кажется мне золотым ярмом на шее вьючного животного.

прот. Андрей Ткачев...

Другой сидит на циновке у порога своего дома и беззубым ртом улыбается каждому прохожему. Зайди, пригнувшись, в его хибару — и глаза не на чем остановиться. Можешь кинуть ему монету. Слава Богу, нет войны, и деньги еще имеют цену. Но не думай, что подал милостыню нищему. Нищета — не такое простое понятие. Может быть, ты дал монету настоящему богачу. А иначе — почему он так весел? Почему улыбается беззубым ртом? Почему тебе самому хочется сесть рядом с ним и замереть на час, провожая взглядом прохожих?

Во Христе нет ни одного греха и даже тени греха. Вместе с тем Он знает все. Казалось бы, Ему проще простого презирать человека, опозоренного и испорченного беззакониями. Он же, напротив, нежен с человеком, как кормилица, долготерпелив и многомилостив. Как не похожи на Христа обычные люди-грешники. Если кто-то хоть чем-то лучше ближнего, сколько сразу высокомерия и осуждения! Если кто-то знает о чужих грехах, сколько тайной радости о чужом позоре, сколько злого и презрительного шепота об этом!

Грешники и грешницы! Удивимся и прославим Единого Безгрешного. Он свят, но не гордится. Он знает о нас все, но не гнушается нами.

Сказано: радость бывает на небесах о едином грешнике кающемся. Интересно, как радуются ангелы? Как и почему радуются люди, более-менее ясно. А вот ангелы?..

В пост на всех континентах и во всех часовых поясах люди чаще будут приходить в храмы. Будут вспоминать грехи, приклонять перед Богом колени. Из многих глаз выкатятся драгоценные слезы, со многих сердец сойдет греховная накипь. Будут найдены на полках запылившиеся Библии, люди откроют их, прочтут живые слова.

Мир — любопытная сцена, на которую выходят люди, чтобы веселить бесплотных духов. Часто мы кривляемся и веселим духов падших, исторгаем из них раскаты адского хохота. Но в посту мы это исправим.

Когда на земле наступает Прощеное воскресенье, миллионы ангельских глаз с особым вниманием вглядываются в человечество. Еще немного, и небеса содрогнутся веселым оживлением. Это заплакал о грехах первый грешник...

прот. Андрей Ткачев...

Время имеет свойство твердеть и превращаться в камень. Каждая секунда прошивает человека насквозь, а оказавшись за спиной, становится историей. Вся прожитая жизнь напоминает пиршественную залу, заколдованную волшебником.

Все, кто ее наполняет, были живы. Но каждое мгновение настоящее превращается в прошлое, и они замерли в той позе, в какой их застало переменчивое время. Теперь их можно изучать или просто рассматривать.

Шут состроил гримасу, и она приросла к его лицу. Король положил руку на коленку придворной дамы, и история запомнит его в этом положении. Застыло вино в кубке у бражников, и сами бражники, запрокинув головы, замерли. Замерла с открытым клювом певшая в клетке птица. Застыл паук на отвердевшей паутине.

Такова жизнь. Она широка, как поле, и перебрать, пересмотреть все, что наполняет ее, трудно. Трудно, но возможно.

Для совести нет слова «вчера». Потому что совесть — от Бога, а Бог живет в вечном «сегодня». Совесть идет по прожитой жизни, как по залам музея. Экскурсоводом ей служит па-

прот. Андрей Ткачев...

17

мать. В отдельных залах совесть жмурит глаза и краснеет. На экспонаты этих залов смотреть стыдно. Тогда совесть тревожит душу, заставляет ее молиться. Если молитва тепла — застывшие сцены прошлого тают и теряют форму. Они превращаются из камня в воск, оплывают и становятся неузнаваемыми.

Это прощенные грехи, расплавленные стыдом и молитвой. Они не станут перед твоим лицом с обличением, и Бог на Суде их вспоминать не будет.

Но залов в «музее прожитой жизни» много. Нужно успеть пройти их все. Пока продаются билеты. Пока не устал экскурсовод.

О делах Божиих нужно помнить. Забвение напоздает на сознание так, как песок напоздает на оазис, или так, как море постепенно размывает береговую линию. С песком и водой непрестанно борются и на Востоке, и в Голландии. Нужно бороться и с забвением. Великие дела Божии, чудеса Его тускнеют в сознании людей не столько по причине их временного удаления. Большой опасностью является разрыв в преемственности благодатного опыта. Чудеса, описанные в Библии,

и чудеса, бывшие со святыми, рискуют для многих превратиться в сказку не оттого, что происходили давно, а оттого, что сердца слушающих необрезаны.

Человек, в XX веке изучающий древнюю икону, должен иметь некоторую меру тождества своего внутреннего опыта с опытом человека XII века, написавшего эту икону. Иначе все бестолку.

Так и нам нужно внутренне ощущать ужас потопа, драматизм сорокалетнего странствия и многое другое, чтобы верить Писанию сердцем, а не только читать его вслух.

Чем больше на земле настоящих святых, тем легче жить всему миру. Демонские полки ожесточенно воюют против одного подвижника и по необходимости оставляют в покое сотни людей.

Так во Вторую Мировую войну сербские и белорусские партизаны заставляли фашистов держать в тылу отборные дивизии и тем самым ослабляли фронт.

Так святые ведут духовную брань и дают множеству людей возможность наслаждаться миром.

прот. Андрей Ткачев...

*Поэзия, увы, всего одна —
Большая, длинная и грустная цитата.
Душа, сходя до мирового дна,
Всегда чужими мыслями богата.*

*Душа, спускаясь к мировому дну,
Вздыхнув всей грудью и в пути немея,
Несет почти всегда в себе одну
Большую мысль, рожденную не ею.*

порт. Ангели Ткачев...

КНИГИ

Если бы я не любил поэзию Бродского, если бы я вообще был глух к рифмованным и ритмичным звукам и сочувствовал только плотной ткани прозаического текста, то и тогда одна фраза из Нобелевской речи заставила бы меня уважать Иосифа Александровича. Он сказал: «Человек — это продукт чтения». То есть не меньше, чем родившая эпоха и воспитавшие родители, человека формируют, лепят, делают прочитанные книги.

Книга — это письмо в бутылке, написанное, главным образом, не для тех, кто рядом, а для кого-то живущего не здесь и не сейчас. Главный читатель всегда за пределами видимости. В этом есть нечто грустное и божественное одновременно. Грустное потому, что книга — это свидетельство человеческой глухоты, свидетельство невозможности докричаться и достучаться до современника. Человек пьет суету, как воду, и взглядом скользит лишь по поверхности. «Что Пушкин? Сложный человек, посредственный семьянин. Стишки, правда, временами хороши...» И только бронза, сковавшая тело, дает окрепнуть связкам, а голос, очищенный от повседневности, звучит беспримесно и чисто. Еще хуже, если пишуце-

го человека расслышали, но неверно поняли. Но в любом случае, будь мы поумнее и повнимательнее, самые главные мысли выговаривались бы нами с глазу на глаз, устами к устам, и половина типографий вынуждена была бы закрыться.

Но и тот факт, что крючочки и точечки, смело стоящие на бумаге и говорящие всем одно и то же, — тот факт, что эти значочки-буковки способны сквозь столетия доносить до людей сердцебиение далекого автора, говорит о божественной природе письменности и о бессмертии человека.

Вот история из жизни моих друзей. Муж читает «Дэвида Коперфильда», жена рядом убирает вещи в шкафу. Не поворачиваясь к мужу лицом, она окликает его и не слышит ответа. Окликает еще. Поворачивается и смотрит на мужа с удивлением. Взрослый мужик впился глазами в книгу, и глаза его влажны. Он не видит жену, не слышит ее голоса и вряд ли сейчас способен назвать свою фамилию. Через минуту он с гримасой боли отрывается от текста и упавшим голосом говорит сам себе, никому, просто говорит: «Стирфорд обольстил малютку Эмли». Это финал. Дальше ехать некуда. Если такое возможно, то дело

прот. Андрей Ткачев...

не в мастерстве Диккенса и не в чувствительности его читателей. Дело в том чуде прикосновения друг к другу сквозь столетия, в чуде, на которое способен только человек и имя которому — искусство.

Между Гомером и временами осады Трои лежала пропасть, сопоставимая с той, что лежит между нами и Мамаевым побоищем. Кто знает, что чувствовал он сам, когда описывал похороны Гектора и рыдания его матери? Но вот, спустя столетия бродячие артисты в Эльсиноре ставят античную пьесу, и Шекспир устами Гамлета произносит: «Что он Гекубе? Что ему Гекуба? А он рыдает». И мы, чувствуя иррациональную силу и правду этих слов, смешиваемся воедино, где и когда бы ни жили: Гекуба, Гектор, Шекспир, Гамлет, Козинцев, Смоктуновский, режиссеры, читатели, зрители...

Вселенная людей сжимается до размера ладони. Мы чувствуем ее тяжелое единство, как будто взвешиваем в руке слиток благородного металла. Бессмертный дух, затейливые буквы, горящая и легкая бумага. Все вместе — чудо!

Речь не идет сейчас о Книге книг. Речь идет о книгах вообще. Хотя бы потому, что все книги как-то связаны с Библией. Древние хро-

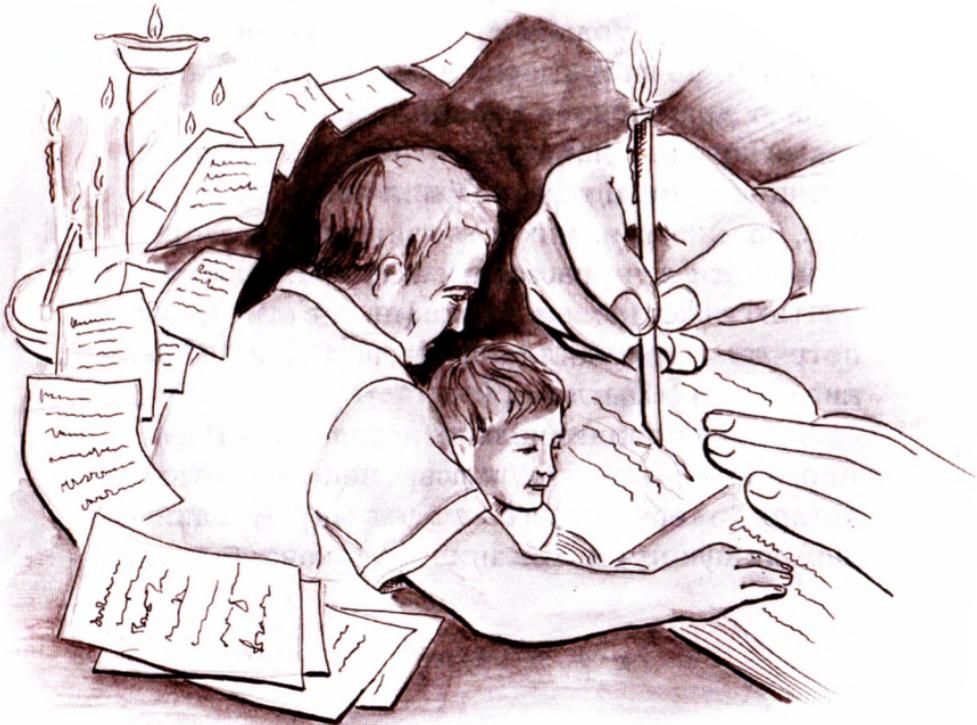
ники связаны стилем и смыслом с книгами Царств. Любовная лирика разных народов узнает свои черты в Песни песней. Письма, притчи, послания, рассказы — все эти жанры есть в Писании, и любую хорошую книгу можно считать расширенной и истолкованной цитатой из Библии.

Николай Сербский пишет: «Многие говорят: читайте Библию. Я же скажу: прочтите Библию, а затем 5 лет не читайте ее. Читайте все, кроме нее, а через 5 лет опять прочтите Библию. Тогда вы поймете, что она такое». Если кто-то исполнит эти слова на деле, он скажет нам не только о глубине, о вечности и точности Божиих слов, о том, что они слаще меда и драгоценнее отборных камней. Он также поведает нам о том, что те, за 5 лет прочитанные книги тоже не были прочитаны даром. Во многих из них есть лучи того же света, только эти лучи рассеяны, а не сфокусированы. Он скажет нам о том, что многие страницы потрясли его, будили совесть, рождали глубокие и чистые мысли.

Библия принципиально переводима. Есть много книг, и старых, и современных, смысл которых теряется за пределами породившей их культуры. Писание не таково. О нем

прот. Андрей Ткачев...

нельзя сказать то, что говорит главный герой в фильме «Ностальгия». Он слышит стихи Тарковского в итальянском переводе и говорит читающей их девушке: «Выбросьте это. Стихи не переводятся». Под этими словами, с некоторыми оговорками, подписались бы многие переводчики и знатоки литературы. Но эти слова не про Библию. Она создавалась Богом, т. е. вдохновлялась и затем проговаривалась и записывалась как Слово, через немногих обращенное ко всем.

Интересно то, что люди пишут справа налево, слева направо и сверху вниз. Но никогда — снизу вверх. Письмо — это знания, а знания всегда сверху. Это — дождь на землю, а не пар от земли. И отношение к письму традиционно сакрально. Поэтому европейцы долгими столетиями учились читать по Часослову и Евангелию. Евреи учили детей читать именно с целью общения с Богом через книгу. Таковы же и интуиции мусульман. Во всех мировых культурах через обучение грамотности человеку давали ключ к хранилищам премудрости. В новейшие времена ситуация изменилась. Человеку дают ключ, но не говорят, где дверь. Владелец ключа становится похожим на деревянного мальчика. Он ищет некую дверцу, попадает в руки разбойников, посещает страну дураков, и в реальной жизни все заканчивается не всегда так счастливо, как в сказке, содержащей намек на притчу о блудном сыне. Но все равно это похоже на окружной путь паломника. Путь совершается не по полному бездорожью. На этом пути есть знаки, и путник обязан их читать.

прот. Андрей Ткачев...

У нынешнего путешественника почти всегда в руках путеводитель. В нем могут быть ошибки, он может устареть. Но он есть. При помощи письменных знаков люди сверяют маршрут, ходят кругами, топчутся на месте, пока не дойдут до нужной точки и опять-таки не прочтут нужную надпись над воротами в Изумрудный город.

Нужно читать. И нужно учиться читать то, что нужно. Нужно читать хотя бы потому, что поговорить бывает не с кем, а человек не может жить, не разговаривая.

Человека действительно делают книги. Оказался он в притоне или во дворце, в болоте или на вершине горы, — во все эти места его привели путевые письменные знаки — книги.

Было бы лучше не уметь читать, знать Истину и не заблуждаться. Но раз уж мы заблудились, ищем дорогу и обучены грамоте, — иного пути у нас нет. Человек современный — это всегда продукт чтения.

УРОК

День обещал быть жарким. Солнце уже поднялось над черепичными и жестяными крышами, но замешкалось и на пару минут

увязло в листве деревьев. Деревья не были выше крыш. Просто молодой человек, смотревший на солнце, сидел на лавочке и снизу вверх, жмурясь, подставлял лицо пучкам тонких и беспокойных лучей. Звали молодого человека Константин, он был студентом первого курса факультета классической филологии, не окончившим второй семестр и ушедшим в академку. Было ему от роду лет двадцать.

Константин родился и вырос вдалеке от того старого города, на одной из лавочек которого он сидел и над которым сейчас поднималось июньское солнце. Молодой человек опустил голову и остановил взгляд на пляске, которую устроили на асфальте у его ног солнечные зайчики.

«А дорожка цветочная от листвы разузорена, точно лапы паучные, точно мех ягуаровый», — пробормотал он про себя строчки из Северянина, а затем вслух добавил: «Надо было на русскую филологию поступать». Ему действительно лучше было бы пойти на русскую филологию. Классическая была выбрана не по сердцу, а от головы. Пылкий юноша («Философ в осьмнадцать лет», — сказал бы Пушкин) справедливо думал, что латынь будет ключом к будущему изучению мировой

прот. Андрей Ткачев...

истории и культуры. Но одно дело читать в оригинале Тита Ливия, а другое — двигаться к этой цели, заучивая новые слова, склонять и спрягать и, что главное, видеть, как конечная цель в силу сложности не приближается, а удаляется. Тот, кто не ошибся в выборе, в этом случае напрягает силы. Ну а тот, кто ошибся, — опускает руки. Костя опустил руки и переключил внимание.

Переключаться было на что. Город, из которого он приехал, был сер и однообразен. Над ним редко летали птицы, может быть, потому, что с высоты птичьего полета взору нечем было залюбоваться. Внизу угрюмо жили простые и хорошие люди, которые многого не знали и о лишнем не любили думать. Для них жизнь была не праздником, а тяжелым путем, который нужно пройти, разгребая препятствия. Константин уехал оттуда, когда окончил школу. Уехал без радости, наоборот — с комком в горле. Он любил и родителей, и друзей, и вообще все, что пахло детством и отрочеством. Но в родном городе не было университета, а в ближайших городах не было классической филологии, и восемнадцатилетнему отличнику, влюбленному в поэзию серебряного века, пришлось собираться в далекий путь.

Новый город оказался целым откровением. Он был упрямым, как женщина, и не хотел подстраиваться под современность. Его мощные булыжником мостовые тосковали по цоканью копыт и грохоту карет. Их тоске вторила тихая грусть многовековых зданий. Если улицы с трудом терпели шуршание резиновых шин, то дома, как великаны, съевшие что-то неудобоваримое, страдали от поселившихся в них наших современников. Евроремонтам, обновившим внутренности квартир, дома снаружи мстили осыпающейся штукатуркой и трещинами в стенах. Дома помнили, как по их деревянным лестницам со скрипом, медленно поднимались местные Шейлоки, чтобы, закрывшись на засов, всю ночь звенеть монетами в зловещих бликах сального огарка. Из их подворотен, согнувшись, чтобы не удариться о низкий косяк, хоть сейчас мог выйти, закутавшись в плащ, кто-нибудь похожий на Казанову. Но вместо всего этого в городе жили обычные люди, разогревающие завтраки в микроволновках, уверенные в своем величии, не замечающие красоты и ничего толком не знающие.

Константин полюбил этот город и почувствовал его затаенную тоску. Не раз и не два, пропуская пары, он бродил по узким улицам и

прот. Андрей Ткачев...

с чувством сострадания вглядывался в каменные глаза кариадид, поддерживающих балконы, сатиров, криво ухмылявшихся всем проходившим мимо. Не раз и не два он с замиранием сердца входил в незнакомый дворик и застывал перед увиденным. Это мог быть помеченный голубями барельеф Архангела Михаила со злым сатаной под ногами. А могли быть натянутые через весь двор веревки с висящими на них, подобно морским флагам, простынями и довоенными женскими подштанниками. Это мог быть просто квадрат голубого неба, образованный сомкнутыми крышами, а Константин как будто со дна колодца смотрел на медленно проплывавшие вверху облака. Он мог стоять порою по пять и более минут, забывая про университет, вслушиваясь в биение сердца этого старого, но не желающего умирать города.

Тяжелый, низкий бас колокола на кафедральном соборе часто заставлял его вздрагивать, и он, очнувшись, выходил из двора на улицу с чувством, что живет в веке восемнадцатом. Яркая реклама на ближайшем ресторанчике тогда удивляла его не меньше, чем часы «Ролекс» на руке перуанского индейца. Он глубоко вдыхал и, засунув руки в карманы,

шел дальше. Шел медленным шагом безнадежно влюбленного человека.

Учиться в таком режиме было невозможно. Появились первые долги по зачетам, потом — проваленная сессия. Наконец — академка и вольные хлеба. Домой Константин об этом не сообщил. Решил не тревожить родителей. Из общежития его пока не гнали, книги в библиотеке давали по-прежнему. Нужно было устроиться на работу, чтобы не тянуть из родительского дома копейки и расслабиться, отдавшись на волю теплых волн океана жизни.

В этом возрасте человек безрассуден, а жизнь к нему ласкова, и это (как сказал бы Бродский) — «щедрость волны океана к щепке».

Костя устроился мыть посуду в одном из маленьких кафе, которых в городе было больше, чем в лесу деревьев. Люди здесь бродили из одного кафе в другое, выкуривали десятки сигарет, тушили бычки о недоеденные пирожные, и было непонятно, работают ли они где-либо, а если нет — за какие деньги живут.

Подсобка его кафе выходила во двор, куда также выходили двери склада продуктового магазина. Не раз Константин помогал грузчикам носить ящики с консервами или колбасой.

прот. Андрей Ткачев...

Это было нетрудно. Даже приятно. Молодое тело скучало по мускульной усталости. Разгрузив товар, работяги наливали себе и ему по «сотке» и закусывали только что разгруженной колбасой. Сам себе в это время Костя казался пассажиром с «Титаника». Пасса-

жиром, который вечером разносит публике шампанское на верхней палубе, а день проводит в машинном отделении с кочегарами.

«Чем живут эти люди?» — думал он, вглядываясь в серые лица мужиков, вслушиваясь в их однообразные матерные разговоры.

«Чем живут эти люди?» — повторял он вопрос уже в кафе, глядя на мужиков с руками без мозолей и женщин с длинными ногтями.

Свою жизнь он продолжал ощущать как учебу, только более качественную, практическую.

Большинство людей учится, читая книги. Но есть и иные пути. Антоний Великий спрашивал у философов: «Что раньше: ум или книги?» «Ум, — отвечали те, — ведь книги — из ума». «Значит, — говорил Великий, — очистившему ум книги не нужны». Этот второй способ — очищение ума — редок и тяжел. Говорить о нем может лишь имеющий опыт. Константину открылся третий путь — общение с людьми. «Каждый человек, — однажды подумал он, — живет жизнью драматической и таинственной. Будь она увековечена пером Шекспира, то быть бы ей известной и читаемой вовеки. Люди — это непрочитанные книги. Это — покрытые пылью инструменты,

прот. Андрей Ткачев...

которые зазвучат, стоит лишь коснуться их умелыми пальцами».

Эта мысль озарила его однажды под вечер, когда раковина была полна блюдец, а средство для мытья посуды закончилось. Он даже присвистнул от радости. Это же цель!

Завести разговор, познакомиться неважно где — в поезде, в баре, на пляже. Аккуратно, как кончики пальцев в волшебное озеро, окунуть душу в чужую жизнь. Без бумаги, напрямую узнавать от людей самое важное, если, конечно, они — люди — согласятся пустить тебя не только в прихожую, но и в спальню, и в кладовую своего душевного дома.

«Впивать в слова чужого языка,
Угадывать великое в немногом»,

— пробормотал он про себя из Брюсова и открыл кран горячей воды.

«Нет, все-таки можно было поступить на русскую филологию», — добавил он вслух.

Легче всего было начать со своих сверстников-студентов. Но у этих еще не было душевного дома со спальней и кладовой, с драгоценностями в сейфе и «скелетом в шкафу» (как сказали бы англичане). У них была пока лишь душевная общага, и чтобы найти в ней

высший смысл, достаточно было всего лишь поговорить с комендантом.

«Говорить нужно со стариками, — думал Костя, — с теми, кто стоит на грани и уже чувствует вечность». Он уже потихоньку почитывал Библию. Читал бессистемно, с любого места, и понимал мало. Но некоторые вещи прочеркивались в его сознании, как резцом по алмазу. Так, запомнились, запали в душу слова кого-то: «Мы — вчерашние. Пойди, спроси у древних».

«Пойду, спрошу, — подумал Костя. — Спрошу у тех, чье сердце было не раз изодрано изменами, потерями и расставаниями. У тех, чей хребет от времени согнулся. Спрошу у тех, кто в этом мире все уже видел и уж не ждет новостей».

Константин хотел спросить о том, как и для чего жить. Это необходимо узнать, чтобы не делать лишних движений, не тратить время даром. И он начал спрашивать.

Первый опыт его шокировал. Люди, от которых уже, казалось, пахло землей, которые уже одной ногой шагнули за грань, ни о вечности, ни о смысле жизни не думали и говорить не любили. Они даже обижались, нервничали, как будто подозревая собеседника в желании поторопить их смерть. Самый первый из них, к

которому Костя обратился, на вопрос, что ему больше всего запомнилось из прожитого, стал долго рассказывать о пиве, которое варили в 30-х, о товарище по имени, кажется, Юзек, который обыгрывал всех на бильярде, и о всякой подобной всячине. Разговор проходил на той самой лавочке, на которой мы познакомились с Константином. В двух шагах от этого места было кафе, где он работал.

Старик не удивился любознательности подсевшего к нему молодого человека. Он стал рассказывать о своей молодости, положив руки на палочку и упершись в них подбородком. Картины прошлого воскресали перед его выцветшими глазами, и видно было, что он любил себя тогдашнего и не хотел возвращаться мыслями назад в действительность.

А Косте хотелось плюнуть и уйти, хотелось матернуться или даже заплакать от обиды. Глупые старики, ничего не могущие сказать молодежи, были для него так же бессмысленны и гадки, как дети-развратники.

С тех пор он обжигался часто, постепенно прощаясь с самою мыслью завести умный разговор с незнакомым собеседником. Но на лавочку перед работой приходил регулярно. Он садился удобно, по-молодежному, почти

ложился, запрокинув голову и раскинув руки. Читал по памяти отрывки любимых стихов и наблюдал за солнцем. Когда оно выпутывалось из древесной листвы и в упор, без помех светило Косте в лицо, становилось ясно, что тяжелый шар земной совершил нужный поворот вокруг своей оси. На часах было десять, и пора на посудомойку.

— Подвиньтесь, пожалуйста.

Константин сел прямо и обернулся на голос. На него смотрела молодая женщина возрастом чуть старше него. В руках у нее было вязанье, а рядом стояла девочка лет пяти.

— Пожалуйста, — Константин убрал руку (в вольной позе он занимал пол-лавки). Если по уму, то нужно было бы вставать и идти на работу: кафе уже открылось. Но почему-то хотелось остаться.

— Это ваша дочка?

— Да, — женщина ответила, не отрываясь от вязанья, а девочка (прехорошенькая) стояла возле матери и внимательно изучала соседа по лавочке.

— А сколько ей лет?

— Скоро будет пять.

Поняв, что речь идет о ней, малышка прижалась к матери, но глаз от дяди не оторвала.

— Я люблю детей, — сказал Константин, чувствуя, что пауза затягивается. — У меня их будет много.

— Ну, много!.. — женщина улыбнулась. — Сначала жену найдите.

— Я... ищу.

— Разве? А я думала, загораете.

— Я память тренирую, — немного обиженно и по-детски буркнул Костя.

— Это как?

— Стихи наизусть читаю.

— И кого же?

— Северянина, например.

— А!..

Женщина вдруг оторвалась от вязания и продекламировала:

«Он тем хорош, что он совсем не то,

Что думает о нем толпа пустая,

Стихов принципиально не читая,

Раз нет в них ананасов и авто...»

— Вы знаете Северянина?!

— Знаю...

Женщина опустила голову к вязанью, а девочка внимательно и тревожно посмотрела на мать.

— Вы что-то закончили? — спросил Костя. Ему стало с ней интересно.

— Я училась, но не окончила, — ответила собеседница. — Замуж вышла. Вот мой диплом (она поцеловала дочку в лобик), а вот — моя кандидатская (показала на вязанье).

Тут Константин заметил, что животик у нее округлый, и если бы имел опыт, то понял бы, что месяц уже шестой, а то и седьмой.

Какая-то странная ревность к неизвестному мужу кольнула его в сердце. Константин вдруг почувствовал себя маленьким и несерьезным.

— А вы знаете, — прервала молчание женщина, — я и сейчас учусь. Вот мы с Полей (услышав свое имя, малышка посмотрела на мать и улыбнулась) смотрели недавно библейские гравюры какого-то немца.

— Шнорра?

— Кажется, нет.

— Карольсфельда?

— Вот. Его самого. И представляете? Поля меня спрашивает: «А почему у Адама и Евы — пупочек?» Я не понимаю вопроса. У всех, мол, пупочки. А она мне: «Нет. Их мама не рожала. Адам — из земли. Ева — из ребра. А пупочек — это от пуповинки». Представляете?!

Сильный крик оборвал их разговор.

— Ты долго будешь отдыхать, паразит? Уже пол-одиннадцатого!

Орал шеф-повар Костиного кафе. Константин вскочил на ноги, рванулся было бежать. Но потом остановился.

— Сейчас. Иду, — крикнул он шефу. — Извините, мне пора. Я должен идти.

— Идите-идите. Работа — это святое, — улыбнулась женщина и опустила глаза к вязанью.

— Вы мне очень помогли, — сказал Костя и побежал. Метров через десять он обернулся и крикнул:

— Вас мне Бог послал!

Женщина улыбнулась в ответ.

То, к чему он сейчас прикоснулся, еще требовалось осмыслить, осознать. Но однозначно, это был чудесный урок. По сути, подарок.

Уже в дверях кафе он обернулся. Женщина вязала, а Поля прыгала вокруг лавки на одной ножке.

Константин улыбнулся и переступил порог.

Константина я знал лично. В тот старый город, где он жил, не доучившись, я приехал в командировку. Что-то затянулось и не заладилось, пришлось остаться до понедельника, и в воскресенье нужно было где-то помолиться. Православный храм в городе был один. Я нашел его минут за десять до всеобщей и залюбовался молодым человеком, сидящим у свеч-

ного ящика. Он продавал свечи, писал имена в записки для службы, бойко выдавал сдачу и успевал каждому сказать одно или два нужных слова. Кому об исповеди, кому — о поминании усопших, кому — о чтении Евангелия.

После всенощной я еще раз подошел к нему и разговорился. Константин (а это был он), хотя и выглядел уставшим, охотно поддержал разговор. Мы сидели у храма на скамейке и до темноты говорили о Литургии, о святых отцах, о прожитой жизни. В тот вечер он и рассказал мне кратко историю своих поисков и своего обращения. Когда стало совсем поздно, он предложил мне заночевать в церковном доме.

— У нас возле просфорни есть комната для гостей. А в просфорне работаю я и с субботы на воскресенье в ней ночую.

Я с радостью согласился.

— Увидимся завтра на Литургии, — сказал Константин и пожелал мне спокойной ночи.

На следующий день мы увиделись, но так и не поговорили. На службе было много людей. Константин уже не сидел за свечным ящиком, а прислуживал в алтаре, выходил со свечой на входе и читал Апостол. Когда служба закончилась и, поцеловав крест, люди стали выходить из церкви, я увидел его. Он стоял на церковном

дворе напротив пономарки и разговаривал с молодой женщиной.левой рукой женщина легко покачивала коляску, в которой спал симпатичный богатырского вида мальчуган, а правой обнимала девочку лет шести. Они разговаривали о чем-то важном, и я не хотел им мешать.

С тех пор мы больше не виделись. Дела мои решились, и я уехал из старинного города, который, честно говоря, мне не очень понравился. Уже в поезде, когда я ехал домой, мне захотелось записать историю молодого человека, что я и поспешил сделать. Конечно, что-то забылось, а что-то ускользнуло от внимания, но в целом история его мне показалась интересной, и не хотелось предавать ее забвению. С тех пор прошло уже лет пятнадцать. И вот, недавно, разгребая бумаги, я нашел свою рукопись. Она истрепалась и пожелтела, а первое предложение — «День обещал быть жарким» — было написано как будто куриной лапой: в это время поезд тронулся, и ручку сильно повело по бумаге.

Я вспомнил об этом и улыбнулся.

Когда мы измучиваемся от лжи и бессмыслицы, мы спрашиваем Тебя, Боже: «Разве так должен жить человек?» И когда Ты видишь нашу усталость и недоумение, Ты говоришь нам о Небе, о будущем Небесном Царстве, где высохнут слезы, отбежит печаль и вздыхание.

А когда мы поднимаем глаза наши вверх, когда хотим получше узнать об этом будущем Царстве, Ты заставляешь нас опустить глаза на землю и показываешь нам зерно, и рыбу, и виноград. «Царство Небесное, — говоришь Ты, — подобно зерну горчичному, посаженному винограднику, пойманной рыбе...» Так мы и проводим жизнь, то задирая голову, то опуская ее, то утешаясь мыслями о Небе, то рассматривая земное, чтобы лучше понять небесное.

Каждый земной отец в ответе за сохранение у людей правильного понятия о Боге Отце. Если отец уйдет из семьи или останется, но не будет кормить и воспитывать, жалеть и наказывать, то людям будет трудно, а некоторым — невозможно усвоить евангельское учение об Отце Небесном.

прот. Анджела Ткачев...

МОИСЕЙ

*Мне сорок лет. И этот длинный срок
Я прожил во дворце у фараона.
Как я попал сюда? — Во время оно
Приказ, как злой, бесчеловечный рок,*

*Пришел: казнить детей в моем народе.
Меня ж спасли. Дочь фараона, вроде...
На новых сорок лет я уйду туда,
Где камни и песок раскалены от зноя,*

*Где горы поднимаются стеною,
А главное сокровище — вода.
Там ум от суеты опустошится
И с Богом разговаривать решится.*

порт. Ангела Ткачев...

47

Машина стоит в гараже. На ней никуда не выезжают: ни за покупками, ни на работу, ни за город — на отдых. Но в нее регулярно заливают бензин и заводят мотор. Не двигаясь с места, машина тарахтит на нейтральной скорости, пока в баке опять не станет пусто. Время от времени машине меняют масло, свечи, лампочки фар. Она методично сжигает заливаемое топливо, но так никуда и не движется. Это — образ бесполезной и бесцельной жизни. Человек ест и пьет, снашивает одежду, поглощает лекарства, но никакой полезной нагрузки не имеет. Не милиция и не скорая помощь, не такси и не почтовый курьер. Так, машина, стоящая в гараже, коптильщик неба, специалист по загрязнению атмосферы.

Я так жить не хочу.

Сядь на меня, как на ослика. Как тогда, помнишь? Дай моей спине почувствовать благодатную тяжесть.

Я буду брести и смотреть под ноги. Ты будешь смотреть вдаль и направлять движение, похлопывая меня по боку. Для любого живого существа это лучший жребий.

ДОРОГИ

Две наши главные беды назвал по имени Николай Васильевич. Это дороги и (скажем мягче) человеческий фактор. Спорить с этим может только тот, кто не общался с людьми и никуда не ездил. Если бы эту формулу не вывел Гоголь, ее вывел бы кто угодно, столь она очевидна. Но оставался бы риск, что к голосу простого человека, а не классика, прислушались бы меньше.

Наши дороги плохи в сравнении не с тропами Афганистана, а, конечно, с автобанами Запада. И этот разрыв возник вовсе не в новейшее время. Уже за два столетия до Рождества Спасителя сеть дорог общей протяженностью в 80 тыс. км (!) опоясывала Средиземноморье. Это были хорошие дороги. В их основании лежали подушки из камней и цемента. Затем шел гравий или щебень, и затем — большие плиты. По бокам дороги шли кюветы для стока воды. На любой, самой скромной повозке за день можно было, не напрягаясь, одолеть 30–35 км пути в любую сторону империи.

Фундаментальный подход к дорожному строительству, как я понимаю, на Западе у людей в крови, и хвалить их за это (а нас — ругать)

прот. Андрей Ткачев...

глупо. Эта дотошность и основательность не воспитывается за время жизни одного-двух поколений, и каждый культурный регион несет в своих генах нечто особенное и трудноповторимое.

Но дороги — это не морщины. Они не возникают сами, когда захотят. Они — плод тяжелых и планомерных усилий. Они куда-то ведут. Те, римские, вели в столицу. «Все дороги ведут в Рим». Эта тяжелая и, однако, крылатая фраза прилетела в наш язык из латинского вместе со стайей себе подобных: «Жребий брошен», «Ни дня без строчки», «Деньги не пахнут»... Как реки стекаются в море, так дороги вели в Вечный город.

В нем было все для всех. Для разношерстного сброда там — «социалка» в виде хлеба и зрелищ. Там чувство улья и льстящее всем — и патрициям, и попрошайкам — ощущение себя находящимся в центре мира. Там — возможность не работать и бродить в толпе, выискивая случай для наживы, приключения или запретного удовольствия. Для любителей старины — великолепные развалины. Для честолюбцев — карьерный рост. Для верующих — храмы. Вокруг Рима действительно все копошилось столетиями. Опасный по ночам и

грязный на окраинах, смешавший в коктейль вонь трущоб и изысканное богатство, он и сейчас угадывается в облике большинства столиц. Его бесплатным обедам и дешевому жилью подражают все империи и все социальные реформаторы. Может показаться, что из понятия исторического и географического Рим превратился в понятие мистическое, и его матрица движется туда и сюда, как облако радиоактивной пыли, как легендарный Вечный жид по миру или «призрак коммунизма» по Европе.

Я не хочу, чтобы меня в одном из ручейков неумолимо сносило в это виртуальное водохранилище. Я хочу думать и сознательно выпрыгивать из воды против течения, как те рыбы, что идут на нерест и на смерть одновременно. Путь продолжается. Ты движешься даже когда сидишь в кинотеатре или лежишь на пляже. Вопрос: куда?

Продолжаем думать.

Большинство нынешних дорог в Рим реальный не ведут. Многие дороги не догадываются о его существовании, а многие сознательно Рим огибают и оставляют в стороне. Но теперь не только Средиземноморье опоясалось ремнями путей сообщений. Ими опоясался весь мир.

прот. Александр Стаханов...

Может показаться, что как тогда, так и сейчас дороги нужны для быстрой доставки корреспонденции, перевозки грузов и налоговых сборов, а также для тяжелой поступи войск, идущих усмирять мятежную провинцию. В этом не вся правда.

Дороги нужны для того, чтобы процесс передвижения соединять с процессом мышления. Продираясь сквозь джунгли, трудно думать о смысле жизни. И вот, в нашем распоряжении — удобство в виде дорог, по гладким спинам которых можно идти, не сбивая ногу, и думать о важном.

Важно, например, то, что мы когда-то придем на кладбище. Сначала в виде посетителей. «Пройду по Абрикосовой, сверну на Виноградную...» и рано или поздно приду к кладбищенскому забору (ограде). Если мы заранее не думали об этом, то, вероятно, поморщимся и сменим маршрут. И только если готовились к подобному сюрпризу, войдем внутрь, чтоб помолиться за неизвестных братьев и ощутить на лице ветерок будущего.

Эти посещения влияют на наше воспитание и образование не меньше армии и уж точно сильнее ВУЗа. Это та точка пути, кото-

рую не объедешь. Ею завершается жизненная прямая, и из нее улетает луч в вечность.

Кладбище — тоже море. Во-первых, людские реки и ручьи стекают в эту низину. Во-вторых, это море скорби, молитвы и надежды, а та соленая вода, что вытекает из глаз скорбящего человека, если бы не впитывалась землей, на каждом кладбище встречала бы нас волной прибоя. Любой человек, работающий здесь, — готовый философ. Гробовщик в «Гамлете» рассуждает не глупее принца Датского.

По выбитым на могилах цитатам из Библии там можно совершить знакомство с текстом Вечной Книги. И кресты, старые и новые, с преобладанием старых, для внутреннего слуха будут говорить нечто важное. Особенно хорошо увидеть крест, вознесшийся на купол, т. е. увидеть храм.

Когда красная империя трещала по швам и угрожающий треск называли «перестройкой», в одном грузинском фильме нам сказали, что не нужна дорога, не ведущая к храму. Это были своевременные и очень важные слова. Они, в общем, вневременные, и помнить их нужно не только в эпоху перемен. Вот еще одна мысль для совершающего передвижение человека.

прот. Александр Сташев...

Как наша жизнь, так наши улицы и дороги не идут прямо. Они — не свет, летящий в вакууме. Они петляют, перетекают одна в другую, меняя имена и архитектурную внешность. А мы идем по ним — улицам, а значит и по ней — жизни, то отшатываясь от дурно пахнущих парадных, то перепрыгивая через лужи. Мы поднимаем воротники, всматриваемся в товары на витринах, вздрагиваем от лая дворняжки, слепнем от включенных фар. Много раз нас остановят и отвлекут от собственных мыслей. Попросят закурить, предъявить документы, заговорят от нечего делать. После этого путь продолжится.

Но однажды остановка будет серьезной.

Экран телевизора тверд. Но временами он кажется зыбким, как поверхность озера. Кажется, что сквозь него можно войти в особый мир, как в некое зазеркалье или — заэкране. Из этого мира в наш тоже могут прийти и приходят самые разные существа. Как через таможенную границу в обе стороны перемещаются потоки людей и машин, так через тонкую грань телевизионного экрана «туда» уходят мысли людей, их внимание, их немигающие

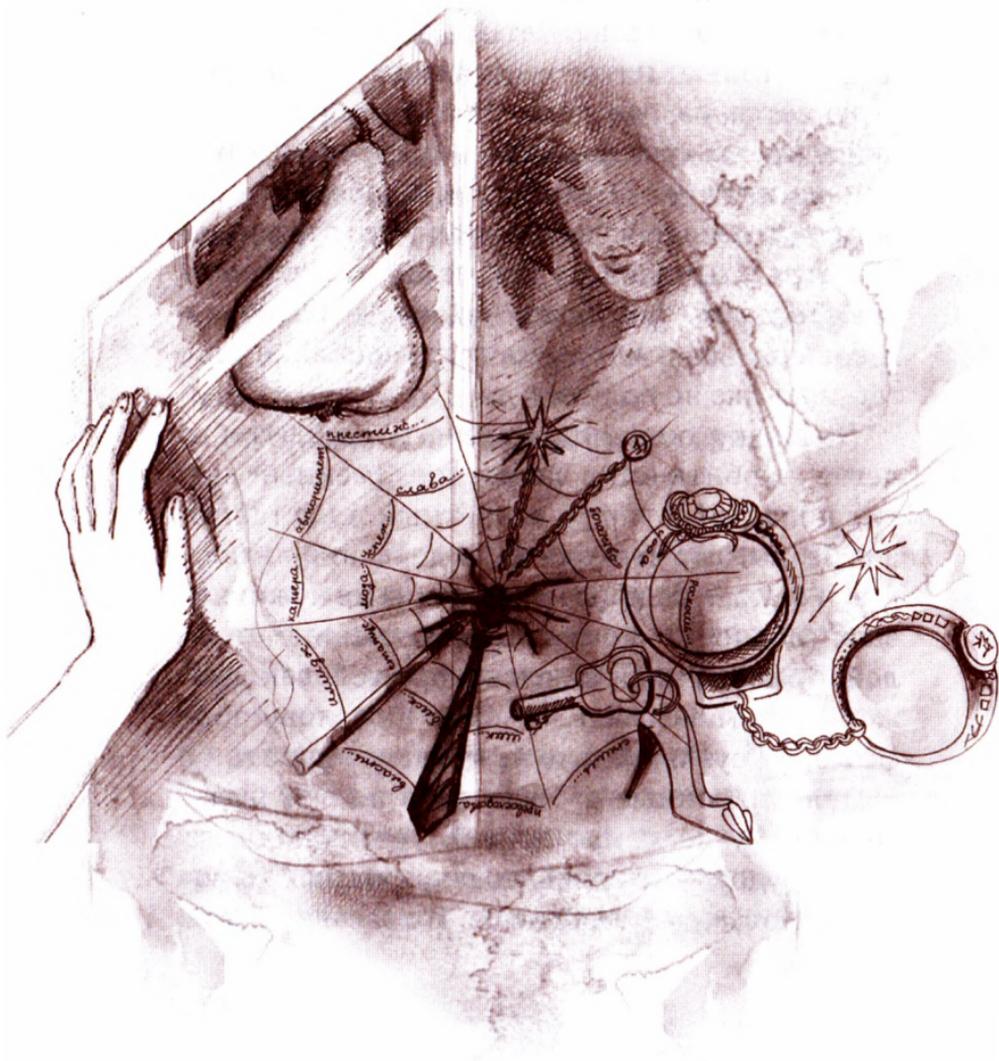
страстные взоры. «Обратно» плывут миражи и образы, по количеству сопоставимые только с бесконечными китайскими товарами.

У человека пять чувств: зрение, слух, вкус, обоняние и осязание. Четыре из пяти — в голове, и только пятое — осязание — распространяется на все тело. Телевизионное воздействие распространяется на зрение и слух. Три из пяти — осязание, вкус, обоняние — остаются незадействованными. Это все равно, что отрезать человеку три пальца и оставить два. Тогда можно будет нажимать на курок и ковыряться в носу, а сыграть на баяне или скрипке уже не получится.

Человеку оставили зрение и слух, чтобы легче влюбить его в запретное. Змеиный шепот попадает в уши, а запретный плод манит к себе, потому что красив. В действии — зрение и слух. Остальные рецепторы не нужны. И еще: главное — поменьше собственных мыслей. Прикованный к телевизору человек должен быть максимально похож на голову профессора Дуэля, только не могущую думать.

Телевизионные путешествия не обжигают холодом и не томят жарой. Телевизионные драки будоражат кровь, но не угрожают челюсти, и потому — безопасны. В красавиц с той

стороны экрана легко влюбиться: их прыщи загримированы, перхоть не видна, и от них не пахнет потом. Отсутствие осязания, запаха и

вкуса создает иллюзию идеальности и может привязать не на шутку. Куда труднее увлечься реальным человеком, у которого может пахнуть изо рта или же он может издавать смешные звуки при чихании. Что ни говори, виртуальная любовь имеет все шансы сойти за идеальную. Тогда реальную жизнь с ее потом и кровью, хлебом и простоквашей нужно будет вначале обругать, а потом — упразднить. Нужно будет перейти в мир плотских идей без самой плоти (нечто вроде виртуального секса). Это будет не мир чистых идей, о котором думали греки, а именно мир плоти без самой плоти. Если бы Платон жил в наши дни, было бы интересно его послушать на эту тему.

Ящик в углу комнаты, загораясь по вечерам, формирует внутренний мир активнее, чем мама или учитель в школе. Через тонкую грань, которая временами кажется зыбкой, то и дело в наши дома приходят те, кого мы никогда бы не согласились видеть в числе своих гостей. Единственным оружием является кнопка пульта с функцией «Выключить». Но и для нее нужна живая совесть, твердая воля и ясный смысл.

Я — ВЕЧЕН

Осел носит поклажу. Дрессированный пес — хозяйские тапочки. Ветер носит обрывки слухов, собачий лай и запах далеких пожаров.

Человек же носит в груди ощущение вечной жизни и чувство собственной уникальности.

«Я не умру». «Таких, как я, не было». Эти фразы звучат то и дело в душе человека. Этим мыслям противоречит окружающий мир, где все штампуется миллионными тиражами и ничто долго не живет. Эти мысли, как плачущего младенца, пытается задушить подушкой суеты повседневная жизнь.

А они все звучат и звучат. Все клокочут в груди человека.

Деньги человек носит в карманах. Очки — на носу. В груди человек носит мысли. Там, откуда вырываются гортанные звуки — наслаждения, страха, ненависти...

Все самое главное человек носит в груди. Не в портмоне, не в портфеле и не в карманах. Портфели хранят в своем чреве деловые бумаги, журналы, компроматы, DVD-диски.

Карманы более объемны. Если это карманы шинели, то они хранят кубики сахара, облепленные крошками хлеба, табачную пыль, пус-

тую обойму. Карман пятиклассника богат рогаткой, мятым платком, копейками мелочи.

Карманы юноши — это часто карманы джинсов. Они узки, и в них не залезть. Поэтому они бывают пусты, как и мысли юноши. Чтобы знать о карманах больше, нужно быть карманником. Боже, сохрани!

У нас есть хранилища глубже, чем ямы в огороде, и прочнее, чем ячейка в швейцарском банке. У нас есть мышца величиною с кулак. Мышца, не знающая отдыха и ежесекундно разгоняющая кровь по телу.

На краю земли — дуб, на дубе — сундук, в сундуке — утка, в утке — яйцо, в яйце — игла. Игла — это самое важное в сказке.

В хвосте Галактики — маленькое Солнце. Вокруг маленького Солнца летает махонькая Земля. На Земле живет малюсенький человек. В его крохотной груди — едва заметное сердце. И там — все. Там рай и ад. Великий Бог со Своим Царством и страшный грех со своим хаосом. Там места больше, чем во всей Вселенной.

Как радиомаяк в открытом океане, сердце человеческое звучит с правильной периодичностью. «Я — вечен». «Такого, как я, не было»...

прот. Александр Стахов...

Ветер носит обрывки далеких фраз. Мама носит на руках плачущего ребенка и слушает шум дождя за окном.

Невместимо огромный мир пульсирует вместе с человеческим сердцем. Иного импульса у него нет...

Вид из окна больничной палаты и вид из окна японского ресторана. До чего же они различны между собою! Хотя и больница, и ресторан расположены на одной улице рядом друг с другом.

Так не смешиваются вода и масло. Так сытый не понимает голодного, а люди похожи на планеты, которые как-то притягиваются и отталкиваются, но не встречаются и не сливаются воедино.

Почему этот огромный мир хранит гармонию и стройность? Ему давно следовало разлететься в куски, разделиться на атомы, которые должны удаляться и удаляться друг от друга в бесконечность. Если, конечно, мир бесконечен и если правда, что был Большой взрыв...

Мир мог бы не взрываться, а наоборот, взаимно притягиваться частями, склеиваться, слипаться в неразделимую массу. Это было бы

похоже на оргию, на мистическое совокупление. Возможно, так гаснет рассудок у сектантов на ночных собраниях, и они, не разбирая лиц и пола, смешиваются, превращаются в многорукое и многоголосое похотливое чудище. В конце концов, и пельмени, брошенные неумелой хозяйкой в холодную воду, тоже слепляются в ком. Мир мог бы быть на этот ком похожим.

Склеиться и разлететься — два имени одной и той же смерти. Два полюса, между которыми, ни за что не держась, висит и дрожит от напряжения наша Вселенная. Мир не склеивается и не разлетается. Поэтому он и жив. Деревья не отрываются от земли и не улетают в небо. Журавли летят стройным клином, а не бесформенным месивом. Почему? Мир сам управляет собой? Сам себя дисциплинирует?

Нет. Он слушается и не может выйти из подчинения.

Хаос начинается там, где есть свобода и где ею неправильно пользуются. Хаос, как запах из кухни, пролазит через малейшие щелки в мир людей, а потом на плечах человека ползет дальше, в живую и неживую природу. Но даже бедный человек, чей внутренний мир так перевернут, как вещи в доме после игры Малыша и Карлсона, вокруг себя созерцает порядок.

прот. Александр Стахов...

Солнце встает на востоке и заходит на западе. Теплые вещи весной можно прятать в шкаф.

Хаос у нас внутри. Снаружи его, слава Богу, нет. Весна вступает в свои права по графику, почти что в срок. Чуть запаздывает, как пригородный поезд. Но мы не немцы, и на такие мелочи не в обиде.

Краски мира продолжают выстраиваться в радугу. Бог продолжает править миром, и мир все еще пронзительно красив.

Как хорошо, что не мы этим миром командуем. Как хорошо, что вид на одну и ту же улицу из двух разных окон получается разный.

Было время, я хотел выучить сто языков. И на каждом из них хотел рассказать людям евангельскую историю. «Пусть миллионы поверят в Иисуса Христа», — думал я и твердил наизусть турецкие фразы, французские глаголы и персидские пословицы.

А однажды случилось увидеть в торговом центре просящего милостыню корейца (а может, вьетнамца, кто их разберет). Он не знал языка и не мог рассказать, как здесь оказался. Ему нужны были не деньги, а еда. Это читалось в его глазах.

Я взял его за руку и повел к одному из фаст-фудов. Купил суп, хлеб, второе и сок. Ничего не сказал, но подумал: «Ради Тебя, Господи».

Это было пару лет назад. Языки я так и не выучил, а то была моя лучшая проповедь.

*Недоуменье и страх на лицах.
Папка у каждого. Надпись: «Дело».
В небе закатном душ вереницы —
Душ, потерявших родное тело.*

*Красный закат багровеет раной.
Крылья у всех там, где были плечи.
В каждом лице прочитаешь: «Рано».
Души людей не готовы к встрече.*

*Ад — это факт, но страшнее ада,
Громче, чем крик, и больнее боли
То, что глазами встречаться надо
С Тем, Кто сидит на Своем престоле.*

*Встреча и будет Судом, а после
Действие ждет их еще второе:
Двери одним отворит Апостол,
Он же другим эту дверь закроет.*

прот. Андрей Ткачев...

21-я глава Евангелия от Матфея.

Отец велит двум сыновьям идти и работать в его винограднике. Первый говорит: «Не иду», а затем раскаивается и идет. Второй говорит: «Иду», но не идет. Таково все человечество. Никто не сказал: «Иду», и пошел. Упертые и непослушные дети. Печально.

Лазарь, четыре дня пролежавший во гробе, Лазарь, настолько тронутый тленом, что запах смертной гнили был слышен уже из гроба, этот библейский Лазарь ничего не рассказывал о своем загробном опыте. Вероятно, «тамошняя» реальность не вмещается в слова. Что может рассказать о тюремной жизни маленькому сыну человек, отмотавший срок?

И Афанасий Печерский, умерший и вернувшийся к жизни, после этого долгие годы молился со слезами и никому ничего не рассказывал.

Какой контраст эти реальные истории представляют в сравнении с вымышленным путешествием Данте Алигьери по раю, аду и чистилищу. Без сомнения, великий флорентинец потерял бы не только красноречие, но и сам дар речи, если бы его опыт был реальностью, а не полетом творческого воображения.

ПУТИ ГОСПОДНИ

До чего же мудр Господь. Прямо-таки — хитер в поиске заблудившегося и потерявшегося человека. Приведу в пример тому несколько слышанных мною историй.

Дело было во Львове годах в 90-х. Времена смутные. Каждый выживал, как мог. В такие годы жулики и проходимцы плодятся, как мухи. И есть среди этого народа особая категория — ряженые под монахов. Где-то они нахватываются церковных словечек, вроде «Спаси Господи» или «Простите меня грешного», шьют себе рясы и скуфейки и начинают промышлять сбором пожертвований. Не стоят под церквями с протянутой рукой, как «христарадники», а ходят по разным организациям, магазинам и обещают помолиться в обмен на крупную сумму. Народ у нас в церковном отношении, известно, дикий. Живых монахов большинство и в глаза не видало. Как услышат фразу типа: «Я архимандрит Феогност. Буду за вас сорок дней молиться Почаевской Божией Матери», — так и достают из карманов трудовую деньгу и спешат писать записки с именами живых и усопших. Мало кто замечал, что у этих «феогностов» и лица

прот. Анджий Ткачев...

припухшие, и глазки бегают. И вот одна женщина в магазине так разжалобилась, что отдала такому прохожему чуть ли не всю зарплату. У нее недавно отец умер, так она не пожалела на помин души. «Только вы, — говорит, — хорошенько помолитесь». «Хорошо, — говорит прохожему, — помолимся». Рассовал по карманам записки и деньги и — до свиданья.

А через пару дней взяли эту женщину за душу сомнения. Соседка говорит: «Дура ты, Людка. Никакой он не монах. Зря деньги отдала. Сама лучше ходи в храм молиться».

Та спать перестала. «Поеду, — думает, — найду монастырь Почаевский, найду там этого Феоктиста или Феогноста и заберу деньги». Поехала.

И случилось так, что приехала она в Лавру Почаевскую на праздник Почаевской иконы. Народу в монастыре — видимо-невидимо. Автобусы стоят: из Литвы, Молдавии, России, Белоруссии. Начала было спрашивать: «Есть ли у вас такой-то монах? Он мне, дескать, денег должен». Какое там! Найди иголку в стоге сена. Расстроилась она, но раз уж приехала, пошла на службу. Сначала раскаялась. Народу столько, что думала — задушат. Но потом вошла в нее такая светлость и легкость, что

неудобства позабылись и уже не вспомнились. Пробежала перед глазами вся жизнь и показалась какой-то мелкой, суетной. Захотелось плакать, причем не о себе, а просто. И она заплакала какими-то особыми, до сих пор не известными, радостными слезами. Так и проплакала всю службу, на которой стояла от начала до конца впервые.

Людское море вынесло ее на воздух. Начинался крестный ход. Тут Людмила увидела вблизи монахов и отчетливо поняла, что Феоктист или, как его там, Феогност — не монах никакой, а жулик. У этих, настоящих монахов все было другое: и руки, и глаза, и бороды. И пели они так, что душа переворачивалась. И чувствовалось, что есть у них в жизни что-то такое, о чем большинство даже не догадывается.

Денег своих она, конечно, уже не искала, да и не жалела о них. То, что ей открылось, оказалось несравнимо дороже того, что у нее выманили. Вот я и думаю: какой же хитрец Господь! Через ряженных проходимцев умеет приводить людей к источникам благодати.

А вот и вторая история.

Дело было на Галичине, в одном из сел, еще при Брежневe. Встречался некий юноша с

девушкой. Имел самые серьезные намерения. А у нее дядя был священник. Священники тогда на Западной Украине, в основном, жили, как сыр в масле. Был почет, были и деньги. Шутники говорили: «У пана-отца свинья заболела». Девушка, конечно, знала, как духовенство живет, и говорит парню: «Иди в семинарию. Выйду за тебя только если будешь священником». Взбалмошным девкам не впервой парней за чобитками с золотыми подковками посылать, не то что в семинарию. Вот парень и поехал. Взял рекомендацию на приходе и отправился в Санкт-Петербург, по тогдашнему — Ленинград. Поехал без особых приготовлений, так как галичане о себе твердо уверены, что они люди набожные и о религии знают все. Там и сейчас нетрудно в селах найти людей, которые считают, что русские праздники — это 1-е Мая и 23-е Февраля, а украинские — Рождество и Пасха. Наш парень решил, что раз «Отче наш» он знает, раз голос у него есть и в воскресенье на службу он ходит, то ничего больше знать и учить не надо. Да и глядя на окрестное духовенство, какие-то особые знания и таланты заметить было трудно.

В Ленинград он ехал нехотя и с опаской, к москалям все-таки. И там, в городе трех революций, пришлось ему до крайности изумиться.

Пришлось впервые в жизни увидеть по-настоящему верующих молодых людей. Там были москали, русские то есть, были молдаване, украинцы, были юноши, приехавшие из других частей огромной империи, разлегшейся на 1/6-й части суши. Они вели между собой непонятные для нашего героя разговоры о литургике, о святых отцах. Они читали Евангелие и еще какие-то незнакомые умные книги. Было видно, что они давно переварили то, что наш друг еще не съел. И еще было видно: никто из них не приехал сюда для каких-то «левых» целей: покорять чье-то сердце, делать карьеру...

Экзамены парень сдавал без огонька и успешно их провалил. Во-первых, знаний серьезных не было, во-вторых, был стыд и чувство, что находится он не в своей тарелке. Пришлось возвращаться домой. Всю обратную дорогу перед глазами, как упрек, стояли чистые и умные лица тех, кто остался в семинарии учиться и служить Богу.

На следующий год он опять поехал поступать в ту же семинарию, но уже не для того, чтобы завоевать любовь той девушки, а по назначению — чтоб стать священником. Кстати, отношения с девушкой у него не заладились. Они как-то обоюдно и одновременно друг к

прот. Андрей Ткачев...

другу охладели, и начинавшийся было роман растаял в воздухе, как мираж.

Саул искал потерявшихся ослят, а нашел Самуила и помазание на царство. И наш герой искал одной любви, эгоистичной и переменчивой, а нашел другую — вечную и настоящую.

Таких историй в мире миллионы.

С тех пор как согрешил Адам и со стыдом укрылся в райских кущах, Господь зовет и его, и всех его детей: «Адам! Где ты?» И не устает искать. И как женщина, потерявшая драхму, зажигает светильник и подметает весь дом, весь мир подметает метелкой непостижимого Промысла, чтобы найти хотя бы одну душу.

Две истории из бесчисленного количества подобных находок я подслушал и передал бумаге. Передал для того, чтобы и читатель мог со мной вместе глубоко задуматься, вздохнуть и произнести: «До чего же премудр Господь!.. Прямо-таки хитер в поиске заблудившегося и потерявшегося человека».

Куда человеку деваться от прошлого? Оно никуда не исчезло. Оно топорщится из карманов, как награбленные вещи у мародера. И одежды с чужого плеча, наспех напяленные,

выдают в тебе торопливого и жуликоватого человека. Штаны велики и непременно бы упали, если бы не ремень. А пиджак, наоборот, короток. Он трещит в плечах и не застегивается, а руки высовываются из рукавов чуть не до локтя. При этом на лице сияет искусственная улыбка, и глазки глупо смеются: «Я ничего не делал».

— Я не рвал в саду зеленые сливы.

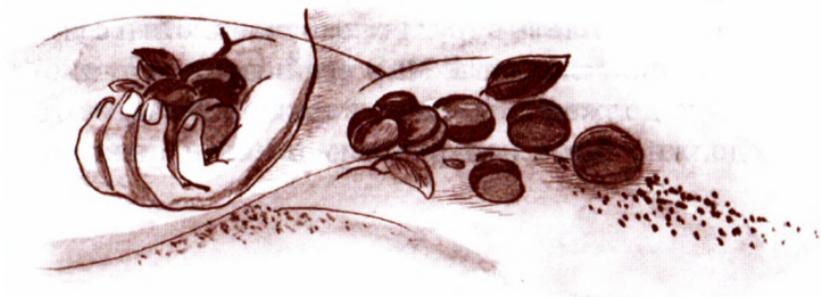
Но расстройство в желудке выдаст, и мальчишка весь день просидит в уборной. (Хотя и оттуда будет, наглец, кричать, что он не был в саду и не рвал сливы.)

— И я не ел орехов.

Хотя коричневые пятна от ореховой кожуры, как пятна йода, еще неделю не сойдут с рук.

«Я не брал. Я не видел. Я не знаю. Я там не был».

Хотя кого ты обманешь, если прошлое нарисовано морщинами на лице, мерцает в глубине зрачка и торчит из карманов, как серебряные ложки у довольного добычей мародера?

Чудеса Христовы многослойны. На первый взгляд может показаться, что все ясно: воскресил, исцелил, накормил. Но стоит присматриваться. Стоит перетирать, по слову Златоуста, лепестки розы между пальцами, чтобы извлечь большее благоухание.

Так, исцеление слепорожденного таит в себе, по крайней мере, три чуда. Во-первых, это само дарование зрения человеку, родившемуся слепым. Второе чудо в том, что Господь сделал человека способным видеть сразу. Науке известно, как постепенно привыкает к окружающему миру младенец, как он незряч в свои первые дни после рождения. Известно, как постепенно снимаются повязки с тех, кто перенес операцию на глазах. Сорвать с них повязки резко означает навсегда ослепить их уже повторно. Человек, никогда не видавший ничего, в порядке естественного процесса должен был бы постепенно привыкать к образам никогда не виденного мира, к расстояниям между предметами, к цветовой гамме. Увидеть вдруг все означает сойти с ума и вновь ослепнуть. Мир всей своей огромностью должен хлынуть в видящие глаза, и это должно быть непереносимо. Но человек по-

смотрел на мир так, как будто он его уже видел и знает. Это — второе чудо.

А третье то, что увидел он перед собой воплотившегося Бога. Многие пророки и праведники хотели видеть и не видели. А слепорожденный, прозрев, тут же посмотрел в глаза Иисуса Христа. Глаза в глаза — только что исцеленный и Источник исцелений, Богочеловек, Спаситель, стояли малое время, глядя друг на друга.

От любви ко Христу зависит все, зависит и временная жизнь, и вечная. Грешишь ты, брат, не переставая, потому, что Христа не любишь. Грех любишь, себя любишь, футбол любишь. Расплескал силы сердца по тысячам мелких любовей, а «единое на потребу» не любишь. «Нелюбящий Меня не соблюдает слов Моих».

Напротив: «Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое» (Ин. 14:23–24).

Не от силы воли и не от привычки к благочестию зависит жизнь по заповедям, а от любви к Господу Иисусу. С этой мыслью слушай, что Господь трижды спрашивает у Петра: «Симоне Ионин, любиши ли Мя?» (Ин. 21:15).

прот. Александр Стахов...

73

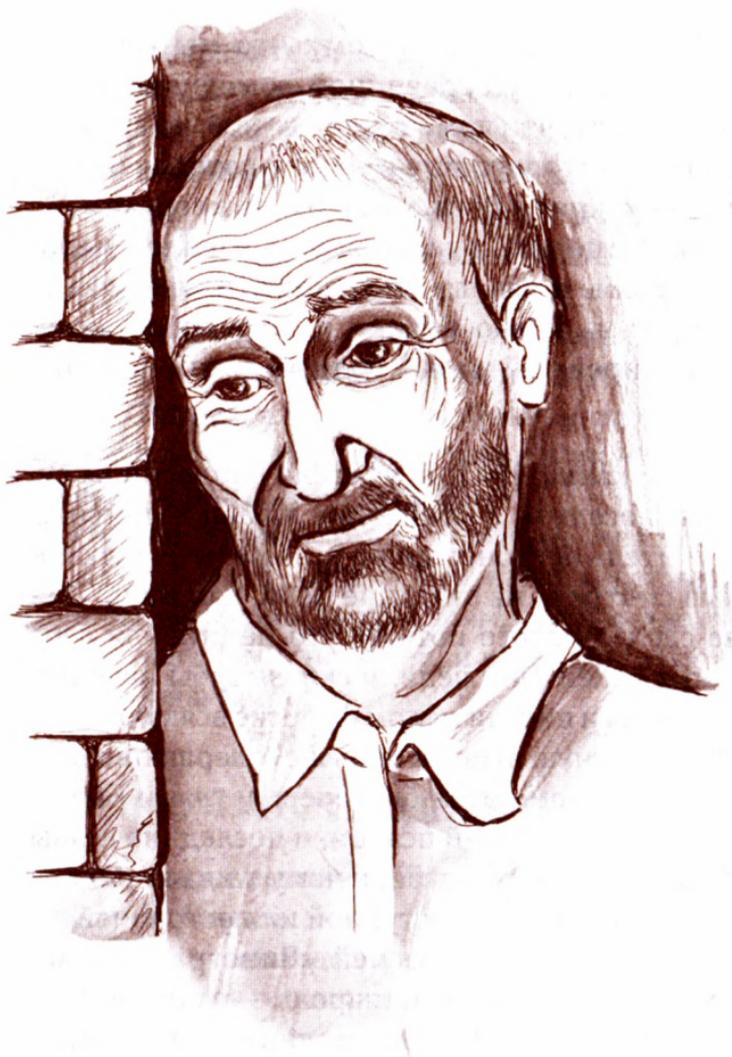
Только с этой мыслью можно, не опасаясь соблазниться, читать Песнь песней. «Если вы встретите возлюбленного моего, что скажете вы ему? Что я изнемогаю от любви» (Песнь. 5:8).

*Не ругайте человека,
Прислонившегося к стенке
На одной из узких улиц
Небольшого городка.*

*Может быть, он что-то понял.
Может быть, он вспомнил что-то.
Может, боль сдавила горло,
Как костлявая рука.*

*Человек имеет сердце,
Если глаз рождает слезы.
Вот он держится за сердце,
Мал и беден, стар и тих.*

*Мы поспешны в осужденье,
Если речь идет о ближнем.
Мы поспешны в оправданьях,
Если речь о нас самих.*

портрет Александра Ткачев...

75

Унывать не надо потому, что мы созданы не для червя и деревянной домовины. Человек — не то, что помещается в гроб, но существо, ради которого мир создан и которое никем и ничем, кроме Бога, насытиться не может.

Из великого и ничтожного слеплен человек, чтобы в печали не унывать и во славе не гордиться. Равно велики и достойны уважения смиренный царь и бодрый духом нищий.

Как жалко, что мои учителя биологии не сумели поселить в моей душе любви к природе. И учитель астрономии не научил меня с любовью смотреть на звездное небо. Как жаль. Они не сделали этого потому, что не ставили себе таких целей. Они цедили сквозь зубы научные термины и писали мелом на доске всякую никому не нужную чушь. А ведь я с совершенно особым чувством читал бы теперь и главы Бытия о творении, и 103-й псалом, и последние главы Иова. Все то в Писании, к чему живая природа является живой и доступной иллюстрацией.

Окуджава с его песней «Виноградную косточку в теплую землю зарю» — гораздо лучший учитель, чем многие дипломированные педагоги.

Как потребители западного образа жизни с его стандартами мы вовсе не уникальны и никому не интересны. Всем хочется больше жрать и меньше работать. Всем хочется творить волю свою, а слова «да будет воля Твоя» произносить лицемерно раз в неделю за службой. В этом — Европа. Но Европа в течение столетий выхаркала кровью, выстрадала, выплакала сегодняшней комфорт. А мы тут — нате! «Возьмите нас к себе». Цена сегодняшнего комфорта — это тонны крови в прошлом и полное бессмыслие в будущем.

Ужасно гадок хохол, который не знает прошлого, не думает о будущем, а сегодня, прикрывши одной рукою срам, вторую протягивает, как за милостыней, и гундосит: «Возьмите меня в Европу».

ЛАБОРАТОРИЯ ОДИНОЧЕСТВА

Есть одиночество метафизическое, и есть социальное. Первое может родить благо. Второе чаще всего — последствие неправильной жизни.

Одиночество должно находиться в гармонии с жизнью в обществе. Так же, как ночь и день не мешают друг другу, но составляют полноту.

прот. Андрей Ткачев...

77

Личность зреет в одиночестве, в холодной пустоте, в которой человеку ясно: и рождаться, и умирать ему приходится одному. В этой пустоте человек взыскует тепла и начинает молиться. И тогда пустота наполняется Богом, прошлая жизнь осмысливается, вечность становится очевидной. Вне одиночества, в толкотне эти вещи недоступны, и мы рискуем остаться на всю жизнь пустоцветом.

Одиноким считает себя человек-рецептор, человек-потребитель, слышащий «на» и не слышащий «дай». Только не умея любить, можно чувствовать себя одиноким. У тебя есть руки, и в то же время их нет у тысяч таких, как ты. У тебя есть деньги, и в то же время их нет у тысяч таких, как ты. У тебя есть мысли, песни, одежда, еда, кровь в жилах. А братья и сестры на каждом шагу лишены этого. Если бы ты имел любовь, то тебя покрыли бы благословения согретых тобою людей так плотно, как рыбу покрывает чешуя.

Одинок громоотвод на небоскребе. Одинок космический мусор, выброшенный из орбитальной станции. Никому не нужный, с жуткой скоростью он летает вокруг Земли в безвоздушном пространстве. Все остальные кому-то нужны, если им нужен кто-то.

Раньше, говорят, людей роднила беда. Мать шла на могилу к чужим солдатам в надежде, что кто-то придет на могилу к ее далеко от дома погибшему сыну. С тем же чувством люди давали чужим сыновьям хлеб и одежду. И нравственный закон работал, и кто-то где-то давал хлеб и одежду их сыновьям. Если беда опалила душу, если человек что-то понял в жизни, то он может не запирает дверей на ночь, а на праздник звать к себе всех соседей. Так люди и делали после войны.

Боюсь, что если серьезная беда придет сегодня, то люди больше озлобятся, чем очистятся, больше осатанеют, чем смягчатся, больше замкнутся, чем научатся понимать чужую беду. В обществе есть специальные институты для выделения минимума любви к никому не нужному человеку. Дом престарелых, психушка, различные интернаты. Черпак — норма. Сыт, одет — чего еще надо? Весь наш социум превращается в разбитый на ячейки улей, напичканный эгоистами. Каждый житель отдельной ячейки жужжит сам с собой, сам себе признается в любви, проклиная весь остальной улей и жалуется на черствость и однообразие.

Надо бы взять молоток или лом. Надо пробить стену в соседнюю ячейку и спросить:

прот. Александр Стахов...

«Чем я могу помочь тебе, брат?» Надо что-нибудь спеть вместе или, соединив усилия, сломать стену в ту из соседних ячеек, где голос надрывней и речи тоскливей. Нужно, другими словами, ломать сатанинскую обособленность, рожденную западным индивидуализмом.

Но все-таки весь человек на общество не делится и к социуму не сводится. Ему нужны и свой столп, и своя пустыня, и свои вериги. Ему нужно выкраивать время для своего одиночества. Можно залезать с четками под одеяло. Можно уходить на ближайшее кладбище и ставить свечи незнакомым покойникам. Можно ставить будильник на три пятнадцать и до шести, пока начнут ездить троллейбусы, вычитывать пол-Псалтири. Так или иначе, каждому живому человеку нужен свой затвор. А выходить из него обратно к людям нужно просветленным, очищенным и готовым на добрые дела.

Запад поставил перед нами ряд вопросов. Спасение — от веры или от дел? Что важнее — Писание или Предание? Иметь или быть? Быть или казаться? В разряде этих вопросов — вопрос об одиночестве: одиночество или социум? Вопрос снимается в православном синтезе. И то, и другое. Любовь к Богу хочет уединенной молитвы. Любовь к

ближнему стремится в люди. Обе любви по временам смешиваются и рвутся в небо, как одно пламя, чтоб потом разделиться и гореть отдельно. Но только до времени.

Вытолканный из Рая в шею, Адам до самой смерти не научился петь. У него был красивый голос и совершенный слух, но его сердце не рождало мелодий.

Когда петь начали дети, Адам удивился. Долгие годы и даже столетия его душа выла и плакала, тосковала и жаловалась. Дети же начали петь при сборе урожая, при рождении первенца. Некоторые, как Ламех, стали петь после кровопролития. Праотец смотрел на них глубокими, полными слез глазами и не понимал: как можно петь по таким ничтожным поводам? Он чувствовал себя виновным в их безблагодатной, лишенной Рая жизни. Если бы не он и жена, дети не родились бы в земле изгнания. Их нельзя упрекнуть в том, что они не слышали шум райской листвы. Грустные звуки земли — их единственная музыка. Однако радоваться с ними он не мог. Уделом праотца должен был стать неутешный плач длиною в столетия.

прот. Александр Стахов...

Ныне, когда душа праотца извлечена Спасителем из ада, когда Адам со всеми спасенными видит Христа и в Нем — всех своих потомков, он не перестает удивляться. О чем до сих пор поют его дети? Пропитавшие землю кровью и заразившие воздух грехами, о чем они могут петь? Не лучше ли молчать, чтобы не прогневать Небо? Те немногие, которые пели не о страстях, а о славе Бога, почти не слышны среди похотливой и грубой разногласицы.

Одни дети Адама продолжают петь, идя на войну. Слыша эту музыку, самый мирный человек становится агрессивным. Другие поют о том, что им кажется любовью. То грустные, то разнузданные, эти звуки чаще других ударяются в небесный свод. Эти песни чаще других называют музыкой. Но ни истинного плача, ни истинной радости в этих песнях нет. Адам смотрит на своих бесчисленных детей, и даже в Раю ему становится грустно.

Человек — это срединное звено; это пупок, в который завязаны все проблемы и вопросы; это фокус, в который стремятся собраться все лучи. Все для него, все ради него, а он сам — для Бога.

У пяти дев, ожидавших Жениха, в лампадах закончилось масло. Произошла естественная убыль. Если не подливать в лампаду масло, если, другими словами, не возрастать в вере, то угасание светильника неизбежно. Чего стоит доктор, который после окончания медицинского ВУЗа не читает специальной литературы, не продолжает свое практическое и теоретическое обучение? Чего стоит священник, после семинарии и, пусть даже, академии прекративший свое внутреннее образование? Разве доктору и пастырю хватит той начальной базы знаний и опыта на всю жизнь? Разве эта порция елея не истощится вскорости?

Кроме того, свет лампы мягок и нежен. Его может задуть даже ребенок. Это не факел и не бикфордов шнур, способный гореть даже под водой. Огонь лампы нужно беречь.

Нравственные выводы очевидны.

прот. Андрей Ткачев...

«НЕБЕСА ПОВЕДАЮТ СЛАВУ БОЖИЮ...»

Свет движется со скоростью триста тысяч километров в секунду. Это можно понять, но невозможно представить. Со свойственной ему скоростью свет пролетает в безжизненной тишине космоса огромные расстояния, которые также невозможно представить, а понимать это могут только астрономы.

Звезды как-то рождаются и почему-то гаснут. А мы успеваем сами родиться и умереть под их холодным блеском, потому что свет от них, уже погасших, все идет и идет в разные стороны, и в том числе в нашу. В нашу — это к Млечному Пути, к большому скоплению (sic) из двухсот миллиардов звезд, одна из которых — Солнце.

Ближайшая к Солнцу звезда — Проксима Центавра. Она в сорока двух триллионах километров от нас. И я не могу понять, почему чудовищные звезды, летающие друг от друга на чудовищных расстояниях, могут называться «скоплениями». Среди всего этого стройного и гармоничного кошмара Солнце — заурядная звездочка, и мне за него обидно.

Млечный Путь закручен в спираль, которую даже не назовешь огромной. Слова блекнут и теряют смысл. Эта спираль умудряется двигаться и крутиться.

Говоря обо всем этом, мы уже стоим на тонкой грани, отделяющей больного от здорового. Осторожно делаем полшага и... расплывшись в идиотской улыбке, продолжаем. Продолжаем бодрым голосом радиоточки «Маяк» и с уверенностью школьного учителя: «Ближайшая к Млечному Пути галактика — Туманность Андромеды. Она отстоит от Земли на два миллиона световых лет». Добавим от себя: она тоже закручена в спираль и тоже умудряется двигаться.

Пятнадцать минут чтения учебника астрономии, — и вот я уже заблудился, как геймер, залезший в компьютер и не могущий вылезти. Хочу домой, на нашу маленькую планету. Она мило водит хоровод вокруг маленького Солнца где-то в хвосте невыносимо большой Галактики.

Нужно тут же уткнуться носом в свежескошенное сено или выпить кружку парного молока. После чтения учебника по астрономии нужно упасть в траву и наблюдать за муравьями и кузнечиками. В советских фильмах так делали космонавты будущего, когда возвращались на Землю. И, Боже мой, как они были правы! Звездная пыль еще блестела на снятых скафандрах, а они уже плескались голышом в реке и хохотали, как дети.

Да, на Земле умирают. Наша скорбная планета пропитана слезами. Слезы просачиваются сквозь почву и шипят, капая на магму. Но зато на ней любят и молятся. И кому нужны были бы холодные, как могила, пространства космоса, если бы на махонькой Земле Серафим не кормил из рук медведя, Симеон не стоял на столпе, а Мария Египетская не переходила Иордан по воде, словно по суху...

Со времен грехопадения Бог зовет человека, говоря: «Адам, где ты?» Мы помним, где он (то есть — мы). Он стыдится и прячется в кустах. Стыдится!

Наука родилась из любопытства. Поэзия — из боли неразделенной любви и из благоговения. Стыд родился из ощущения того, что ты грессишь, а Он смотрит. Жгучей печатью стыда, как беглый и пойманный раб, заклеим всякий потомок Адама. Из стыда рождается покаяние. Но не из стыда только, а из стыда и веры. Из одного только стыда рождается или отчаяние, или напускная, осознанная наглость.

Нужно чувствовать Бога, каяться перед Богом и говорить: «Тебе единому согреших».

Если гордый человек мучим совестью, но не верует и не молится, то ему нет пощады. Нет пощады от самого себя, поскольку он видит себя виноватым перед самим собой и сам себя не прощает. Это сумасшедший дом, замкнутый круг и, возможно, один из кругов ада.

Если ты грызешь себя и бичуешь, но не стоишь перед Богом и не просишь у Него благодати, то это не покаяние. Как-то забывается часто, что для покаяния недостаточно личных сил и угрызений совести. Нужна благодать.

«Слезы ми даруй, Господи, якоже иногда же-не грешнице...»

И слезу, и сокрушенный вздох, и перемену жизни с худшего на лучшее дарит Он и только Он.

ПРОЕЗЖИЙ

Бедный — он всегда бедный. А вот чтобы человеку среднего достатка почувствовать себя бедняком, нужно зайти в большой магазин. Или маленький, но тогда — дорогой. Или в обычные магазины, но часто.

Елки-палки, шел себе, ни о чем не думал, был доволен жизнью, и вдруг — раз, и почувствовал себя нищим. Ничего не хотел, пока ничего не видел. Потом вдруг увидел и все захотел.

прот. Андрей Ткачев...

Так, я однажды гулял по одному городу в Прибалтике. Чуть не сказал: «по одному небольшому городу», как будто там есть большие города.

Это уже была граница. Уже были визы, таможенные сборы, декларации. А ведь я был там еще школьником. Ходил с экскурсией по всевозможным улочкам и соборам, дышал затхлым воздухом и впитывал впечатления.

А теперь оказался там опять на пару дней по личным делам и снова ходил по тем же улочкам, вспоминал детство и вглядывался в лица прохожих.

Ходить по магазинам я ненавижу. Выбирать, присматриваться для меня так же тяжело, как для приговоренного к повешению выбрать себе веревку. Но если уж я дорвусь до покупок — держите меня! Легче будет вытащить из-за стола с зеленым сукном заядлого картеж-

ника, чем меня оттащить от покупок. И накуплю же всякой дряни, так что месяц будет стыдно, но не успокоюсь.

Так было и в тот раз. Славянская моя душа презрительно отворачивалась от витрин и созерцала шпили соборов и порхающих голубей. Но так было лишь до первого захода в магазин. Стоило мне зайти в магазин мыла, как я вышел из него с полным кульком пахучего товара и без четверти денег в кармане. Потом был магазин сувениров, магазин янтаря, магазин с бальзамами (впрочем, я обещал не говорить, в каком городе был).

К вечеру, когда солнце лизнуло красным языком своим шпили церквей и черепицу крыш и закатилось на отдых, когда ночь вывела на улицу одних людей и накрыла других одеялом законного отдыха, я остался на улице чужого города. До поезда оставалось еще три часа.

Злой на себя за дурно растраченные деньги, я пошел на вокзал пешком. Есть и такое в славянской душе: проиграв миллион, экономить на спичках. И вот, по дороге, когда до вокзала оставалось идти минут десять, увидел я магазин чая. Чай мне нужен был, как зайцу стоп-сигнал. Но привлекло то, что там люди не только покупали, но и пили чай.

— Здравствуйте.

Ни одна душа не отреагировала, как будто сговорившись. «Гады, националисты», — подумал я, и к букету испорченного настроения добавилась еще одна пикантная нотка.

— Можно чаю?

— Зеленого, черного? С жасмином, с бергамотом, с липой? С сахаром, с медом?..

— С медом, — выпалил я, потому что понял: если продавщицу не прервать, то бесстрастно произносимый синонимический ряд товаров и услуг будет звучать до отхода моего поезда.

Она назвала цену и стала заваривать чай. Я прислонил к стене кульки и расстегнул пару пуговиц на плаще.

Минуты через две чай мне подал юноша лет шестнадцати, голубоглазый и курчавый, похожий на мать.

— Ваш сын? — спросил я от нечего делать.

— Да, — буркнула хозяйка, давая понять, что не хочет ввязываться в разговор.

В это время двери хлопнули, и из магазина вышел последний, кроме меня, посетитель. Было уже довольно поздно.

— Вы гость? — неожиданно спросила она, энергично вытирая прилавок.

— Да, — ответил я, тоже давая понять, что не желаю ввязываться в разговор.

— Вам понравился наш город?

— Ужасно, — сказал я, и в этом слове не было ни капли неправды.

— Вы купили, я вижу, много подарков. Может, купите у меня несколько пачек чаю? Есть чай из Цейлона, Индии, Китая...

— Нет, нет. Поверьте, я люблю чай, но сильно растратился и не могу купить ничего, кроме постели в поезде.

— Ладно, — сказала хозяйка и продолжила остервенело и молча протирать прилавок.

Лимон плавал на поверхности, чай дымился, а я дул на него, потому что не умею пить горячее.

— У вас есть дети? — спросила вдруг хозяйка.

— Да. Двое. Девочки.

— Вы счастливый человек.

— Согласен. Но ведь и вы счастливы. У вас есть сын.

— Мой сын... — она произнесла эти слова мечтательно и мягко. Потом, будто вспомнив, что здесь посторонние, добавила сдержаннее, — это мое счастье и моя опора. Вы похожи на доктора, — продолжала она. Я пожал в ответ плечами. — И мне хочется поделиться с вами тем, что лежит у меня на душе.

прот. Андрей Сташев...

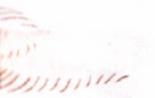
— Я — незнакомый вам иностранец.

— Тем лучше. Вы никому не расскажете и, может, никогда больше не будете в нашем городе.

Я пил чай, а она продолжала:

— Я хотела его убить. Его отец бросил меня, и я хотела сделать аборт. Подруга договорилась с доктором, тетя дала деньги, и я пошла в больницу. Мне было лет двадцать. Никто ни о чем ни разу не говорил со мной серьезно. Что я могла понимать? И вот, я вхожу в кабинет, ложусь по приказу на кресло...

Она все трет уже сияющий прилавок и, не поднимая глаз, продолжает рассказ. Из под-

собки слышно, как моет стаканы и что-то мурлычет под нос ее сын.

— А за окном больницы — храм. И там начинается служба. Был какой-то праздник. И вдруг начинают звонить колокола! Звон врывается в кабинет, а я лежу на кресле с расставленными ногами. Доктор гремит рядом своими хирургическими инструментами... И вдруг какая-то сила подбрасывает меня на ноги, я одеваюсь на ходу и пулей вылетаю из кабинета. Этот звон стоит в моих ушах до сегодняшнего дня. Я слышу его каждый раз, когда смотрю на моего мальчика. Страшно подумать, что его могло бы не быть рядом со мной.

Мой чай остывал. Я пил его и смотрел на женщину, которая, казалось, разговаривала сама с собой и вытирала прилавок.

— Спасибо. Мне пора на поезд.

— Жаль, что вы ничего не купили у меня для своих девочек. Но все равно, будьте здоровы.

Я вышел из магазина и поспешил на вокзал.

В поезд я вошел за две минуты до отправления.

На Западе закон сильнее обычая и голос Фемиды сильнее голоса крови. Папа, к примеру, шлепнул по попе тапком сына за какой-нибудь проступок. Этот немецкий (норвежский, французский) змееныш, этот Павлик Морозов звонит с мобилки, купленной папой, на номер, который в школе всем продиктовали. Через полчаса специальная служба папу штрафует или даже «закрывает». На Востоке это невозможно.

Там вековые обычаи важнее, чем рожденные вчера законы. Там голос крови и семейные связи сильнее, чем кособокое «человеколюбие».

Миллионы людей молились и молятся Богу, и всех их слышит Бог. Не только слышит, но и понимает. И понимает не потому, что Он полиглот, не потому, что знает все человеческие языки со всеми их наречиями и произношением. Не потому. А потому, что слышит Бог человека еще до того момента, как раскроются молящиеся уста. Зародыша в женской утробе видит Бог с первых секунд зачатия, и зарождающуюся молитву видит Бог в глубине чело-

веческого сердца еще до того, как она станет звуком.

Язык сердца нашего знает Бог. В этом языке нет подлежащих и сказуемых, причастий и наречий, запятых и кавычек. Но в нем есть то, чем живет человек: вера, тревога, радость, страх, сострадание. Все это видит и понимает Бог.

А если звуки, слетающие с уст человека, не соответствует тому, что живет в сердце человека, то это вовсе не считается молитвой. Как на бессмысленно и беззвучно открывающую рот рыбу, смотрит Бог на такого человека, и жалко Ему, что это не вполне человек.

В ОДНОМ БОЛЬШОМ СЕЛЕ

В одном большом селе, где была одна церковь и два магазина, возле клуба на доске объявлений появился плакат: «Помогите Иисусу Христу!» Плакат был написан от руки тушью на большом куске ватмана. Внизу приписка: «Сбор добровольцев в 16.00 во дворе храма», а в правом верхнем углу мелкими буквами: «Срочно всем, всем, всем!»

Уже в половине четвертого во дворе церкви было людно. Пришло много женщин с едой

и лекарствами. Они шептались между собою о том, что Иисус, быть может, пришел опять на землю. И какое счастье, что именно к ним. Может быть, Он голоден или болен? Каждая готова была взять Его к себе в дом, разве что боялись мужей. Еще бы. Эти грубияны не читают Евангелие, а по воскресеньям идут не в храм, а на охоту или рыбалку.

Впрочем, и мужчин собралось немало. Они несли в тяжелых и загорелых руках кто винтовку, кто тесак, кто топор. Быть может, думали они, Христу нужны наши сильные руки?

Ровно в четыре дверь храма со скрипом открылась, и наружу вышел священник. Народ замер и вытянул шеи, желая разглядеть за спиной у пастыря готовящегося выйти Господа. Но за спиной была лишь открытая дверь и полумрак церкви.

— Люди, — сказал священник громко, — слушайте!

Народ замер. Все дышали в полвздоха и, если б можно, перебили бы всех коров, как раз замычавших на дальнем выгоне.

— Вы знаете сами, и я говорил вам об этом часто, — продолжил священник, — что Господь наш Иисус Христос покорил мир, но не мечом, не огнем, не деньгами и не интрига-

ми. Он покорил мир любовью и проповедью. Ангелы удивлялись этому и просили: «Разреши, мы накажем грешников». Но Господь отвечал: «Нет, потерпите». Тогда Ангелы сказали: «Дай и нам возможность проповедовать и быть за это увенчанными». Но Господь сказал: «Это сделают люди». Содрогнулись Ангелы и в страхе сказали: «Но ведь люди слабы и непостоянны. Они болеют и умирают. Слаба их память, и мягкое у них сердце». Но Господь сказал: «Я верю людям. Я Сам стал человеком. Потрутся Петр и Павел. Потом придут другие». После этого Ангелы больше не спрашивали, а Господь больше не отвечал. Но Его очи и очи Ангелов с тех пор смотрят на землю внимательно.

Голос священника зазвучал громче:

— Кто из нас готов помочь Иисусу Христу разнести по вселенной Его Евангелие?

— Далеко ли нужно идти и на каком языке проповедовать? — спросил один из стариков.

— Для начала, — ответил священник, — простите друг другу долги, помиритесь с обидчиками и покайтесь, если кто утаил чужое или изменил жене!

Шум пробежал меж людей, как рябь пробегает от ветра по поверхности озера.

— Потом мы объявим пост и будем усердно молиться. Выберем способных юношей и отправим их учиться языкам, чтобы затем пойти во все страны с проповедью. Мы будем помогать тому из нас, кто болен, научим всех петь псалмы. Затем закроем кабак...

На слове «кабак» шум мужских голосов прекрыл голос священника.

— Ты обманул нас, отец. Мы пришли помочь Самому Иисусу, а видим тебя и слушаем то, что ты по воскресеньям рассказываешь нашим женам.

Мужики, ворча и поругиваясь, стали медленно расходиться. Некоторые досадно сплевывали.

— Но ведь Бог благословит наши пашни. Ваши дети будут здоровы! — закричал священник. — Все жители Неба о нас порадуются...

Мужчины медленно, но уверенно расходились. За ними потянулись женщины. Через десять минут площадь перед церковью опустела. Мычали коровы, кричал петух, но голоса их никого не раздражали.

Священник вошел в алтарь. Весь тот вечер и ночь он пролежал перед престолом, опустив на землю лицо. Он прослужил в том селе еще лет 15. На его глазах и через его сердце про-

шли крестины и похороны, неурожаи, болезни, падеж скота, драки соседей из-за передвинутой межи. Служить и молиться он любил. Только вот никогда с тех пор больше не поповедовал.

Потом его куда-то перевели. Люди повздыхали, пожалели и забыли. Потом и Бог забыл село. Оно как-то скисло, поредело, а затем исчезло. Забылось даже имя села. Да и как ему не забыться, если ни район, ни ближайший город, ни сама страна, где все произошло, ни у кого не удержались в памяти?

Раньше человек жил только на земле. Только ее он осквернял или освящал своей жизнью. Сегодня человек воспарил в небо и зарылся под землю. И осквернять, и освящать ему стало легче.

Миллионы людей в больших городах ежедневно спускаются в шахты метро. Сотни тысяч людей ежедневно летят над землей выше птиц, выше самых дерзких фантазий. В комфортабельном чреве больших самолетов они жуют свои завтраки и читают газеты. Нужно, чтобы на высоте 10 километров люди читали псалмы и боялись Бога.

Нужно, чтобы глубоко под землей, по дороге на службу или учебу, человек читал Евангелие или, досыпая, твердил про себя утренние молитвы.

Может быть, если из-под земли и из-под облаков к Богу будет рваться молитва, на самой земле человеку будет жить легче.

«Я не нашел себя в списке». Есть ситуации, когда ничего страшнее этих нескольких слов не придумаешь. Это знают провалившиеся абитуриенты. Они мучились с репетиторами, не спали по ночам, заходили в аудитории с потными от страха руками. Теперь экзамены позади, и уже вывесили списки тех, кто зачислен. Родители и дети, вытягивая шеи и приподнимаясь на цыпочках, пробегают глазами по столбцам с фамилиями. «Нет! Нет меня! Не поступил!» Слезы сами брызжут из глаз. Обида сжимает горло. Огорченные родители обнимают плачущих детей и плачут с ними вместе. Деньги потрачены даром, и год потерян. Но сильнее всего обида за то, что не признали, не поняли, не заметили.

Есть ситуации несравнимо более болезненные. Они тоже связаны с именами и фамилиями

в списке. Это, к примеру, списки выживших в авиакатастрофе. Лучше упасть замертво от удара молнии, направленной именно в тебя, тебя одного, чем не найти в таком списке родное имя и фамилию.

«Вас нет здесь. Вы не прописаны» — это значит, что вы — бомж. Ваше имя расплылось от воды, или стерлось на сгибе, или было неправильно записано в документе — все это означает, что у вас начались большие и непредвиденные неприятности, а может даже — жизненная катастрофа.

Не надо пренебрегать «бумажкой». Она мистична, и не зря от нее так часто зависит жизнь. Наступит день, когда все тайное станет явным. Об этом Дне сказано: «Судьи сели, и раскрылись книги» (Дан. 7:10). Речь пойдет о месте вечного жительства человека. Всякому захочется войти в ворота Небесного Иерусалима. Но хотя «ворота его не будут запираются днем, а ночи там не будет» (Откр. 21:25), войти в них сможет не каждый. Писание говорит, что не смогут войти те, кто предан мерзости и лжи (Откр. 21:27).

И здесь, на земле, открытие книг и поиск имен — это постоянное напоминание о будущем, которое заранее увидал Иоанн.

«И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими» (Откр. 20:12).

Как по-разному умирают люди! Серафим Саровский — на коленях перед образом, в молитве. Достоевский — под тихий голос жены, у его кровати читающей Евангелие. А вот другие примеры.

Арий — присев для исправления надобности в общественном туалете. Дидро — подавившись косточкой персика и гадко ругаясь.

Пушкин шептал: «В горняя, в горняя». Суворов сказал в забытьи: «Покой души — у престола Всевышнего». Чехов попросил шампанского...

У египетских отцов был совет: услышав о том, что кто-то готовится умереть, идти туда и находиться при умирающем. Нужно помочь человеку молитвой и нужно ловить последние слова уходящего брата. Умирающий не лжет и не лицемерит. В одну фразу он вмещает весь опыт прожитой жизни. И души тех, кто нахо-

дится рядом, напитываются страхом и величием происходящего.

В биографической литературе мне интересны последние страницы, описание смерти. Внезапно умер или после «долгой и продолжительной болезни». В кругу родных или в одиночестве. Успел причаститься перед смертью или об этом даже речи быть не могло. Все это — самое важное и для нас, и для покойного. Как писал Бродский: «Точка всегда очевидней в конце прямой».

МАННА

«Отцы наши ели манну в пустыне», — говорили Христу иудеи, требуя от Него подобного знамения. В пустыне за сорок лет Господь явил много чудес. Народ побеждал многочисленных врагов силою оружия (а ведь это были не воины, а пастушеский народ, прошедший через горнило многовекового рабства). Они пили воду из камня; их жалили змеи, от чьих укусов нужно было исцеляться, глядя на медное изваяние змеи. Было много и других событий, чудесных и уникальных, но именно о манне, и больше ни о чем другом из тех чудес, говорили Христу иудеи (см. Ин. 6:31)

прот. Андрей Станков...

Вся шестая глава Евангелия от Иоанна посвящена теме небесного хлеба. Этот «хлеб, спешедший с небес», «хлеб живой», «хлеб Божий» есть Плоть и Кровь Иисуса Христа. Нужно вчитаться во всю эту главу и, еще более, вжиться в Церковь, которая есть Тело Христова, чтобы понять: вопрос о Таинстве Причащения — один из немногих, вбирающих в себя христианство целиком. Именно в связи с Евхаристией, как пророчество о ней и как указание

на нее, может быть по-настоящему важна и интересна история с манной.

Само слово «манна» представляет собой вопрос. Впервые увидев «нечто мелкое, круповидное, как иней на земле», сыны Израилевы «говорили друг другу: что это? Ибо не знали, что это» (Исх. 16:14–15). Вопрос «что это?» звучит примерно как «манна». Природа этой пищи неизвестна, и собственного имени у нее, по сути, нет. Это — чудо и неизглаголанная тайна, т. е. тайна, не могущая вместиться в слове.

Именно такой тайной является и Причастие. Оно не скрывается и не утаивается от людей. Напротив, как и «та» манна, Святое Причастие преподается верующим. Но вот природа этого явления, по слову Амвросия Медиоланского, «Божественным прикровена кровом». Отцы Церкви, говоря о Причастии, отвечали на вопрос «что?», но страхом Божиим удерживались от рассуждений на вопрос «как?». «Духом Святым», — говорили они желающим узнать механизм преложения, и этого ответа должно быть довольно.

Ведь и меньшие чудеса ускользают от нашего пытливого разума. Превращение обычной пищи в нашу плоть и кровь тоже чудесно.

Оно может быть описано с использованием множества биологических терминов, таких как «ферменты», «белки», «углеводы», но природа этого процесса сохранит как чудесность, так и божественное происхождение. При всей нынешней осведомленности о внутриутробной жизни плода честный и неглупый доктор и сегодня подпишетя под словами Соломона: «Как ты не знаешь... как образуются кости во чреве беременной, так не можешь знать дело Бога, Который делает все» (Еккл. 11:5).

Манна не падала с неба. «Когда роса сходила на стан ночью, тогда сходила на него и манна» (Числ. 11:9). Роса не падает в виде дождя, но появляется при перепаде температур. Так и манна называется небесной по причине божественного происхождения, но не из-за видимого схождения с небес. Наши земные дары на Литургии — хлеб и вино — также не перемещаются в пространстве, но на них призывается Вседейственный и Всемогущий Дух Божий, осенением Которого совершается Таинство.

Книга Исхода говорит, что вкус манны был подобен вкусу лепешки с медом. Вкус меда мог напоминать о свойствах земли, в которую шли евреи. Ведь об этой земле сказано, что она «течет молоком и медом». То есть пища

странствия вполне соответствует свойствам будущей жизни. Это вполне относится к Евхаристии. Радость и благодать, свойственные Литургии, — это некие крохи, падающие с небесного стола. По вкусу этих крох можно составить представление о наслаждениях настоящего пиршества.

Книга же Чисел говорит о вкусе лепешки с елеем. Вполне возможно, что манна меняла вкус, приспособливаясь к каждому едоку. Ведь и другие свойства манны говорят о ее «живом» характере. Так, например, «у того, кто собрал много, не было лишнего, и у того, кто мало, не было недостатка» (Исх. 16:18). Манну собирали вдвое больше накануне субботы, тогда как собранная больше обычного в другой день, она червивела. Это был в полной мере хлеб насущный, о котором молятся христиане, то есть «хлеб на каждый день» (Лк. 11:3). Этим хлебом нельзя запастись, для него нет специальных амбаров. О нем нужно молиться каждый день, каждый раз заново.

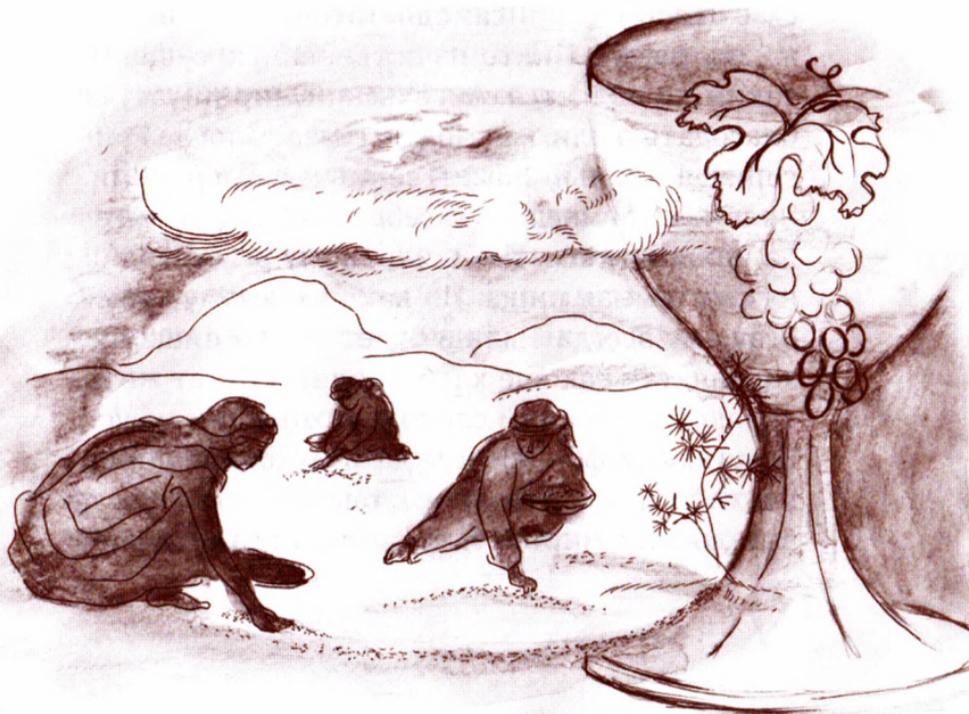
Причастие таинственно врачует человеческое естество. Оно принимается, как было сказано Христом на Тайной Вечере, «во оставление грехов». Механизм, как всегда, нам непонятен, но плоды Причащения ощутимы. Стоит

признаться, что мы не знаем себя до конца. Сами для себя мы являемся, быть может, самой большой загадкой. Не знаем мы и своей греховности. Часть совершенных грехов осознается как грех и помнится нами. Но это малая часть. Многие ускользает от сознания или забывается. Еще большим мраком покрыты внутренние, во глубине сердца сокрытые беззакония. Эти, возможно, не актуализированные через поступок грехи составляют главную «порчу» человека и опасность для него. Христос в Причащении, как некогда в схождении во ад после смерти на Кресте, сходит в жуткую глубину человеческого сердца и совершает его (сердца) исцеление. Это — тончайшая работа искусного врача. Хирургия глаза в сравнении с этой работой покажется рубкой дров.

Больное грехами сердце исцеляется не вдруг, но постепенно, и необходимость в небесном хлебе не отпадает после его однократного вкушения.

Путешествие по пустыне представляет собой величественную картину, во многих чертах схожую с жизнью верующего человека. Это — длинный и опасный путь, как струна, натянутый между землей рабства и землей свободы. Первая, Египет, — образ греховной

жизни. Вторая, Палестина, земля Обетованная, — образ спасения во Христе и вселения в вечные обители. Переход через Красное море — Крещение, питание манной — Причащение. Питание привязано к путешествию. «Манна перестала падать на другой день после того, как они стали есть произведения земли, и не было более манны у сынов Израилевых» (Нав. 5:12). Итак, израильтяне уже не ели необычную пищу, поселившись в Палестине. Только золотой сосуд, хранимый в ковчеге завета среди прочих святынь, имел в себе некоторое количество манны, взятой на память

о прошлых чудесах. Видеть этот сосуд евреи не могли. Там, где он был, во Святом Святых, появляться мог только один человек — первосвященник, да и то лишь раз в году. А что же мы? Питаясь на земле благодатными дарами Христа, будем ли мы лишены их в вечности?

Писание говорит, что нет. В Откровении говорится, что побеждающему будет дана «манна сокровенная» (Откр. 2:17), в противоположность, возможно, «той» манне, которая была явной для всех.

Человек и в Раю должен будет питаться, хотя и не так, как сейчас. Ничем не питаться означает быть самодостаточным и иметь жизнь в себе. Никто из сотворенных существ таким не является. Ангельский мир питается благодатью или, как можно сказать после Григория Паламы, Божественными энергиями. Человек совмещает в себе свойства и ангела, и животного. Как животному ему сегодня нужна земная пища. Но как духовному существу ему всегда была и будет нужна пища духовная, так как «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4:4). Нужда в духовной пище подтверждает духовное родство человека с ангельским миром. И о манне в псалмах ска-

зано: «И одождил на них манну в пищу, и хлеб небесный дал им. Хлеб ангельский ел человек» (Пс. 77:24–25).

Святые Тайны Христовы являются истинным ангельским хлебом, поскольку это хлеб одновременно и земной, и благодатный. Он двояко питает двусоставного человека, питает и его тело, и его душу.

Как планеты Солнечной системы вращаются вокруг Солнца, так жизнь Церкви вращается вокруг евхаристической Чаши. Эта пища дает нам возможность не умереть от специфического голода здесь, в пустыне временной жизни. Она же, эта пища, готовит нас к жизни будущей и еще на земле делает причастниками «дара небесного и сил будущего века» (Евр. 6:4–5).

Во все время странствования как заповедь должны звучать в сердцах христиан слова Спасителя: «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий» (Ин. 6:27).

Человек — это канатоходец. Справа и слева — одинаково опасные пропасти. Между чувством собственной значимости и скрытого

прот. Андрей Станков...

111

величия с одной стороны и чувством полного ничтожества с другой, балансируя, медленно идет человек. Небо над головой и пропасть под ногами нужно чувствовать, но ни туда, ни туда всматриваться нельзя. Рухнешь. Любой порыв ветра опасен. Любая муха, севшая на нос, грозит смертью. Идти можно только вперед.

Быстрее бы добраться до твердой почвы, до противоположного берега. Скорее бы выбросить шест из вспотевших рук, торжествуяще обернуться и сесть в изнеможении, почувствовав, как внезапно ослабели и стали ватными ноги.

Братья, продавшие Иосифа в рабство, не узнали его в Египте. Так евреи, отвергшие и распявшие Христа, не узнают родившегося от них по плоти Господа, Который уже прославился в мире и превознесся. Страдальческой судьбой, целомудрием, прозрением будущего Иосиф прообразует грядущего Господа. Не менее он изображает Христа и удивительным незлобием. Он едва удерживается от слез при виде братьев; затем он плачет во внутренней комнате (Быт. 43:30); он громко рыдает, открываясь им (Быт. 45:2). Такова любовь. Таков и Христос, до сих пор не узнаваемый евреями. Если

не узнают Его до Страшного Суда, придется им возопить и заплакать, узнав Его с опозданием.

«Они воззрят на Него, Которого пронзили, и будут рыдать о Нем, как рыдают об единородном сыне, и скорбеть, как скорбят о первенце» (Зах. 12:10). О том же говорит и первая глава Апокалипсиса.

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ БУДУЩЕЙ СМЕРТИ

Эти блины с икрой и этот бокал вина с точки зрения будущей смерти восхитительны. Неправда, что мысль о смерти тяжела и холодна. Неправда, что она отравляет чувство момента и мешает жить. Она, напротив, творчески раскрашивает жизнь, и заставляет думать, и дает перспективу.

С одной стороны человек выходит на сцену жизни и жмурится в свете рампы, чтобы вскоре уйти со сцены в другую сторону. Туда, где темнота молчит за шевелящейся кулисой. Зал тоже прячется в темноте, и человек видит лишь первые несколько рядов да макушки музыкантов в оркестровой яме. Ничего больше полуослепший артист не видит.

Кто чаще всего думает об этом? Тот, кто чаще всех встречает очередного отыгравшего

прот. Александр Стаханов...

свою роль человека на черте, отделяющей залитую светом сцену от закулисной тьмы. Это — доктор, могильщик и священник. Эти трое — мудрецы по призванию. Ловите горькие и скупые слова, слетающие с их уст. Это дорого стоит.

На искусно уложенный грим, на пыльные бутафорские костюмы и громкие заученные фразы они не обращают внимания. Пусть человек понятен для них не до конца, пусть не знают они его так, как знает его Бог. Но все же знают они человека глубже других, и взгляд их на человека

более прям и честен. Эти трое имеют больше возможности думать о сути, а не о деталях.

Доктор не всегда умен, как Чехов. Священник далеко не всегда свят. Что до работника кладбища, то и он не всегда способен, выкапывая могилу, произносить шекспировские монологи. И все же грустное «не всегда» не совпадает с безжалостным «никогда».

Сердце сильнее всего уязвляется звуками. Плачем ребенка, голосом кукушки, скрипом двери в опустевшей квартире... Сердце Богоматери разрывалось от стука молотков, вгонявших гвозди в невинную плоть Ее Сына. Молоток, методично бьющий по шляпке гвоздя, разрывает миллионы человеческих сердец, когда рабочие на кладбище прибивают крышку к гробу. Священник тоже это слышит. Он читает Трисвятое и поет «Вечную память». Он слышит стоны и всхлипы, крики и вздохи людей, которые пока остаются, но прощаются с тем, кто уже уходит. Каждый раз с кладбища священник возвращается поумневшим. Он с удивлением смотрит в тарелку с приготовленным обедом, а перед глазами у него все еще стоят венки, кресты и раскрытый зев могилы. Новости по телевизору или голос певицы из радиоточки звучат для него кошунственно,

прот. Андрей Стахов...

оскорбительно. Ведь он только что слышал звон колокола, который звонил и по нем.

Настоящий поэт тоже немного священник. Он не может не писать о смерти.

*Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверстую вдали.
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли...*

Мир для поэта щемяще красив и трагично сиюминутен.

У вас опять выборы, а у нас — вселенская панихида. У вас — презентация новых товаров и бойкий рапорт о последних успехах. А у нас — кафельный дым и светлая мысль о неизбежном.

Мысль трепещет, как птица в клетке, и рвется в Египет. Не в Шарм-аль-Шейх и не в Хургаду, а туда, во времена фараонов. Мысль рвется в те времена, когда для людей было очевидно: на земле мы живем миг, а вне земли — вечность. И люди почитали глупостью отдавать земле с ее суетой все свои силы и не готовиться к вечному и живому будущему.

Даже во время свадьбы, в разгар пира, посвященного торжеству жизни, эти люди

вносили в комнаты с пирующими мумии умерших сродников. Неважно, для чего это делалось — для приобщения мертвых к радости живых или для напоминания живым об общем исходе. Важно, что это правильно. Правильно поступают и наши молодожены, когда в канун венчания идут помолиться на могилы почивших родственников.

Если я, будущий покойник, буду думать об этом чаще, я не буду злиться на соседа (тоже будущего покойника), громко включающего музыку по вечерам. И если сосед будет думать об этом хоть изредка, разве станет он включать с наступлением темноты свою рычащую аудиосистему? Мир станет тише и задумчивее, мир будет чуток и сострадателен. Я хочу жить в таком мире.

Как же вы говорите, что мысль о смерти тяжела и несносна?

Эти капли дождя, как шмели, гулко бьющиеся в стекла, и этот запах маттиолы, заплывающий в комнату из лоджии (жена — умничка), поистине восхитительны с точки зрения будущей смерти.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

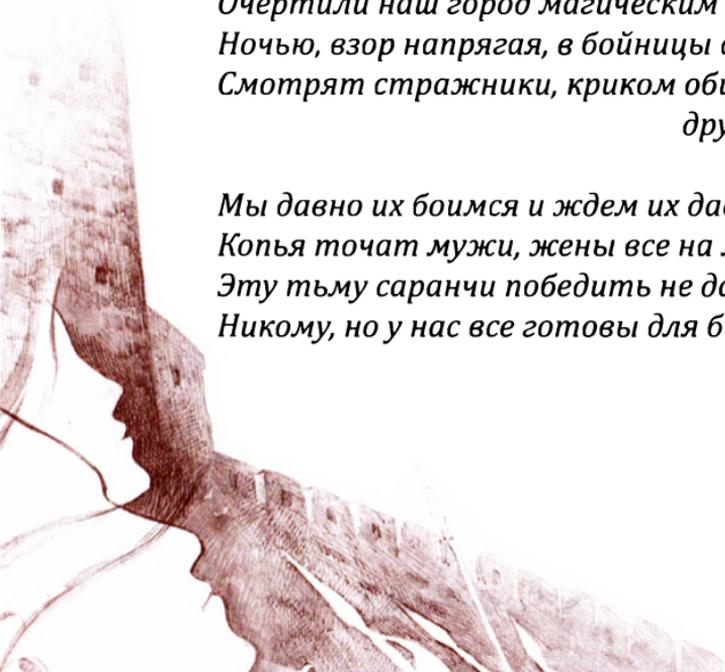
*Там, где небо ложится на кромку степи,
Там, за гранью их встречи, притихли
народы —*

*Разношерстные, злые, как пес на цепи,
Полукони, кентавры, ошибки природы.*

*В уголках их лукавого, хищного рта
Притаилась ухмылка, но лица суровы.
Их питье — не питье, их еда — не еда.
Но бесплодных там нет, и все дети здоровы.*

*Стены в дом шириной, стены выше сосны
Очертили наш город магическим кругом.
Ночью, взор напрягая, в бойницы стены
Смотрят стражники, криком общаясь
друг с другом.*

*Мы давно их боимся и ждем их давно.
Копья точат мужи, жены все на молитве.
Эту тьму саранчи победить не дано
Никому, но у нас все готовы для битвы.*

У бабы Сони на Привозе весы грубые: они для помидоров. У дяди Коли в аптеке весы тоньше: они для лекарств. Лекарство, оно такое: чуть недодашь — не вылечит. Чуть передашь — отравит.

Давайте Господа назовем с любовью «Аптекарем». Он всем все так точно отмерил. Сказал же некто из старцев: «Крылышко у мухи имеет вес. А у Бога — весы точные».

Заповеди обращаются к одному человеку: «не кради», а не «не крадите». Это для того, чтобы человек не оправдывался чужими грехами, дескать, другие крали, и я с ними. Нет. Ты не кради! К тебе Бог обращается. Можешь думать, что ты так же уникален во Вселенной, как Адам, когда он был еще без потомства. Нужна личная вера и общение с Богом один на один, в координатах «я – ты».

В МАЛЕНЬКОМ ГОРОДКЕ

Последние два месяца наш маленький городок не знал покоя. Все началось с того, что на улицах городка появился незнакомый старик. Он был одет в старую, но аккуратно выстиранную и заплатанную одежду. Мило-

прод. Александр Стаханов...

стыню не просил, хотя ему и совали в руку то медяк, то мелкую банкноту. День за днем он просиживал часами на рыночной площади, а ночью его видели то уходящим в поле за город, то стоящим на коленях у закрытых ворот кафедрального собора.

Городок у нас маленький, и новому человеку в нем затеряться невозможно. Но вместе с тем люди наши воспитанные и с лишними вопросами никогда к человеку не пристанут. Незнакомый старик мог прожить до смерти и умереть в нашем добром городке, так ни с кем и не познакомившись. Мы похоронили бы его за счет магистрата и потихоньку бы забыли о нем. Но случилось нечто.

Старика полюбили дети. Они что-то почувствовали в нем, и как только занятия в школе заканчивались, бежали целыми ватагами, чтобы с ним пообщаться. Старик уводил их на пустырь за город и там проводил с ними долгие часы. Тех, что помладше, он мог взять на колени. Старшие обступали его полукругом, и он говорил с детьми. В нашем городе старик стал еще одним, кроме школьных учителей, взрослым, говорящим с подростками.

В наш век родители слишком заняты, чтобы интересоваться жизнью детей. «Лишь

бы штаны на коленях не были протерты до дыр да изо рта табаком не пахло, — думали взрослые, — а общаются пусть со сверстниками и с телевизором». Но скоро что-то похожее на ревность шевельнулось в сердцах отцов и матерей. Дети с любовью называли старика «наш дедушка». «Твой дедушка давно умер», — объясняли одни. «Твой дедушка в доме для престарелых», — нервничали другие. Дети пожимали плечами и искали повод, чтобы ускользнуть из дома.

Давно забытые слова «верность», «жертвенность», «благодать» стали проскальзывать в детской речи. Некоторые отцы стали хмурить брови, кое-кто даже порывался снять ремень... «О чем он с вами говорит?» — стали допытываться взрослые.

Не договариваясь, дети отвечали: «Он рассказывает нам интересные истории».

— Мы должны знать, чему ты учишь наших детей!

— Мы перестали узнавать наших сыновей!

— Откуда ты пришел? Чего тебе здесь надо?

Толпа из тридцати человек окружила старика в тот момент, когда он сидел на песке с двумя мальчишками и что-то увлеченно им рассказывал.

прот. Анджело Стакков...

— Песок теплый, — отвечал старик, — садитесь рядом, и я расскажу вам что-нибудь из того, что видел за долгую жизнь.

Сердца у наших людей мягкие. Долго сердиться они не умеют. Один за другим люди сели на теплый песок и устремили настороженные и любопытные взоры на старика.

— В одной стране, — начал тот, — я видел людей, ненавидевших золото и любивших навоз. Если им случалось найти серебряную бабушкину брошку или сережку с крохотным бриллианчиком, они с торжественными криками и смехом шли к городской уборной и бросали драгоценность туда — в нечистоты. Зато грязь и гниль они брали в руки, подносили к солнечному свету, рассматривали и принимались...

— И эту чушь ты рассказываешь нашим детям? — вскрикнула одна из мам.

— Нет. Детям я рассказываю более приятные вещи, а это история для взрослых, — сказал старик и добавил: — Она про вас.

— Что-о-о? — обижено протянули двадцать взрослых человек.

— С тех пор как я стал одинок (старик прокашлялся и вытер слезу), я обошел много стран и везде видел одно и то же. В иных краях люди жили в коробках из-под телеви-

зоров и ели то, что не всякая собака съест. А в некоторых люди мыли шампунем тротуары и по субботам выбрасывали из холодильника на мусор тонны хороших продуктов. Но не это мучило меня. Сердце мое болело от того, что люди, жившие в роскоши, гордились собой. Они указывали на свои машины, телефоны, спутники и думали, что это — их слава и оправдание. А я плакал о них.

Старик замолчал и затем продолжил:

— Если бы они показали мне страну, где мужья не изменяют женам, а жены не убивают в утробе детей. Если бы они хвалились тем, что треть денег отдают бедным, а не тем, что летают в космос...

— А где есть такие люди? — раздался вызывающий голос.

— Я не знаю, где они сейчас. Но я знаю, где они были, и об этом рассказываю вашим детям.

— Интересно было бы послушать.

— Слушайте.

— Было время, когда христиане платили за молитву и веру кровью. Язычники не понимали этой новой секты, боялись ее, выдумывали про нее небылицы. Больше всего другого удивление вызывало то, что христиане боя-

лись совершить грех, как будто им за это угрожает пытка.

Они так боялись блуда или воровства, как редкий вор боится отсечения обеих рук. Сначала это просто удивляло. Потом язычники сделали свои особенные выводы. Ad leonem — ко львам, — сначала кричали они. Ad lenonem — в блудилище, — стали они кричать, когда поняли, что христиане больше боятся греха, чем смерти.

Римская империя была велика. Чтобы легче ей управлять, империю разделили на две части. Центр восточной части был в городе Никомидии. Среди христиан этого города была девушка по имени Ефросия. Ее хотели опорочить за нежелание служить римским богам и решили отдать на поругание солдатам.

Старик замолчал, как бы подбирая слова. Глаза родителей смотрели на него внимательно.

— Девушка была мудра. Она знала, что любой солдат боится смерти и хочет быть неуязвимым.

«Пойдем со мной, — сказала она. — Я знаю траву, снадобье из которой защищает человека от любого оружия. Но рвать ее может только девица. В руках женщины трава теряет силу». Солдат согласился, и они вы-

шли в лес. Ефросия нарвала любой травы, попавшейся под руку, перетерла ее в руках и сплетенный венок положила себе на шею. «Проверь ее силу, — сказала она солдату. — Бей меня по шее мечом изо всей силы. Вот увидишь, меч отскочит, как от камня». Солдат взмахнул мечом, и голова девушки покати­лась по земле.

Воцарилось молчание. Потом кто-то робко спросил:

— И что она выиграла?

— Она ушла к Богу чистой, — сказал старик.

— Она умерла и осталась лежать обезглав­ленной, — возразил один из слушателей.

— Ее душа чистой ушла к Богу, — раздался детский голос. Один из малышей не ушел и, за­тесавшись среди взрослых, слушал их разговор.

— А ну марш отсюда! — раздались возму­щенные голоса взрослых.

— Не прогоняйте его, — заступился ста­рик. — Вы сомневаетесь в том, что слышите, потому что вы многое потеряли. А они знают, что это правда, и впитывают ее, как воду.

— Расскажите нам еще что-нибудь, — робко попросила молодая женщина и, обведя взгля­дом взрослых, добавила: — Ведь это интерес­но, правда?

— С удовольствием, — сказал старик и продолжил рассказ.

— На севере Африки, там, где Средиземное море разбивается в пену о берег, стоит город Александрия. Даже во времена седой древности он был в сотни раз многолюднее вашего милого городка. Там было много купцов и ремесленников. Много храмов и дворцов. И самая большая в мире библиотека. Но из роскоши часто рождается грех, как и из плесени выползают мокрицы. В городе было много блудниц. Одни были жертвами обмана и несправедливости, другие — рабынями лени и похоти. Они ежедневно умирали духовной смертью и помогали умирать другим. Ими пользовались и их презирали, но никто не плакал о них. А ведь жить можно только если о тебе плачут.

И вдруг в город пришел старый монах. Его звали Виталий. Что привело его и как родились в нем мысли, которые он воплотил, мы не знаем. Но только Виталий переписал имена всех блудниц города и стал за них молиться. А еще он стал наниматься на грязные и тяжелые работы, чтобы с несколькими монетами отправиться вечером в одно из блудилищ.

— Что он там делал? — спросила одна из мам. Кто-то из мужчин хотел пошутить, но на него посмотрели строго, и он осекся.

— Он приходил к одной из женщин, — продолжал старик, — платил ей за ночь и говорил: «Ложись спать, а я помолюсь за тебя».

Утром, уходя, он давал ей еще монету со словами: «Прошу тебя, останься в чистоте еще ночь».

Так поступал он изо дня в день несколько лет. Люди считали его блудником, а женщины не разглашали о его подвиге, потому что с них он брал клятву молчания.

Во многих блудницах дрогнуло сердце. Во многих заговорила совесть. Прежде бесстыдные и шумные, они все чаще не открывали приходившим дверей, ссылаясь на нездоровье. В некоторых комнатах появилась Псалтирь. В некоторых по ночам были слышны слезы.

— Чем все закончилось?

— Я не буду вам рассказывать всего. Пускай у вас останется жажда. Скажу только, что Виталий умер и подвиг его стал известен. Люди плакали от удивления и радости и благословляли Бога за то, что есть на земле такие человеколюбивые герои.

прот. Андрей Ткачев...

Воцарилась глубокая тишина. Кто-то из женщин вытирал слезы.

— Уже поздно, — нарушил тишину рассказчик. — Если ваши сердца согрелись, то я не даром прожил этот день.

Когда взрослые уже расходились, в спину им раздался тихий голос:

— Прошу вас, не запрещайте детям приходить ко мне.

Вечером, шушукаясь на кухнях, отцы и матери говорили друг другу: «Где-то я это уже слышал: не запрещайте детям приходить ко мне».

Старик недолго еще потом пожил у нас. Недели через две он исчез так же незаметно, как и появился. Дети сильно к нему привязались. Они плакали, когда он ушел, везде его искали и даже молились, чтобы он вернулся.

Но старик пропал без следа.

Все это случилось за полгода до страшного землетрясения. Пять городов в нашей округе были стерты до основания, а некоторые просто ушли под землю.

По счастливой случайности наш городок остался цел и невредим. Только в доме местного патера обвалилась крыша, да трещина разделила надвое здание ночного клуба.

Уметь читать не означает только пробежать глазами по печатному листу и, составляя буквы в слова, вникать в смысл кем-то составленной фразы. Кроме почти бесчисленных книг и журналов, у нас перед глазами всегда есть одна никогда не закрывающаяся книга — небо и земля, природа, сотворенный мир.

Если безграмотность в отношении букв человеческих успешно преодолена, то безграмотность в отношении священных знаков, начертанных в природе Божией рукой, сохраняется и даже растет. Распространяются города, и вместе с их ростом растет число людей, не замечающих природу и нечувствительных к ней.

А между тем каждую весну природа представляет нашим глазам ожившую книгу Бытия, те ее страницы, на которых повествуется о сотворении Богом мира. Мы не могли быть зрителями тех величественных картин, которые описываются в самом начале Священной Книги. Но премудрость Божия изобрела средство, чтобы мы ежегодно созерцали нечто подобное.

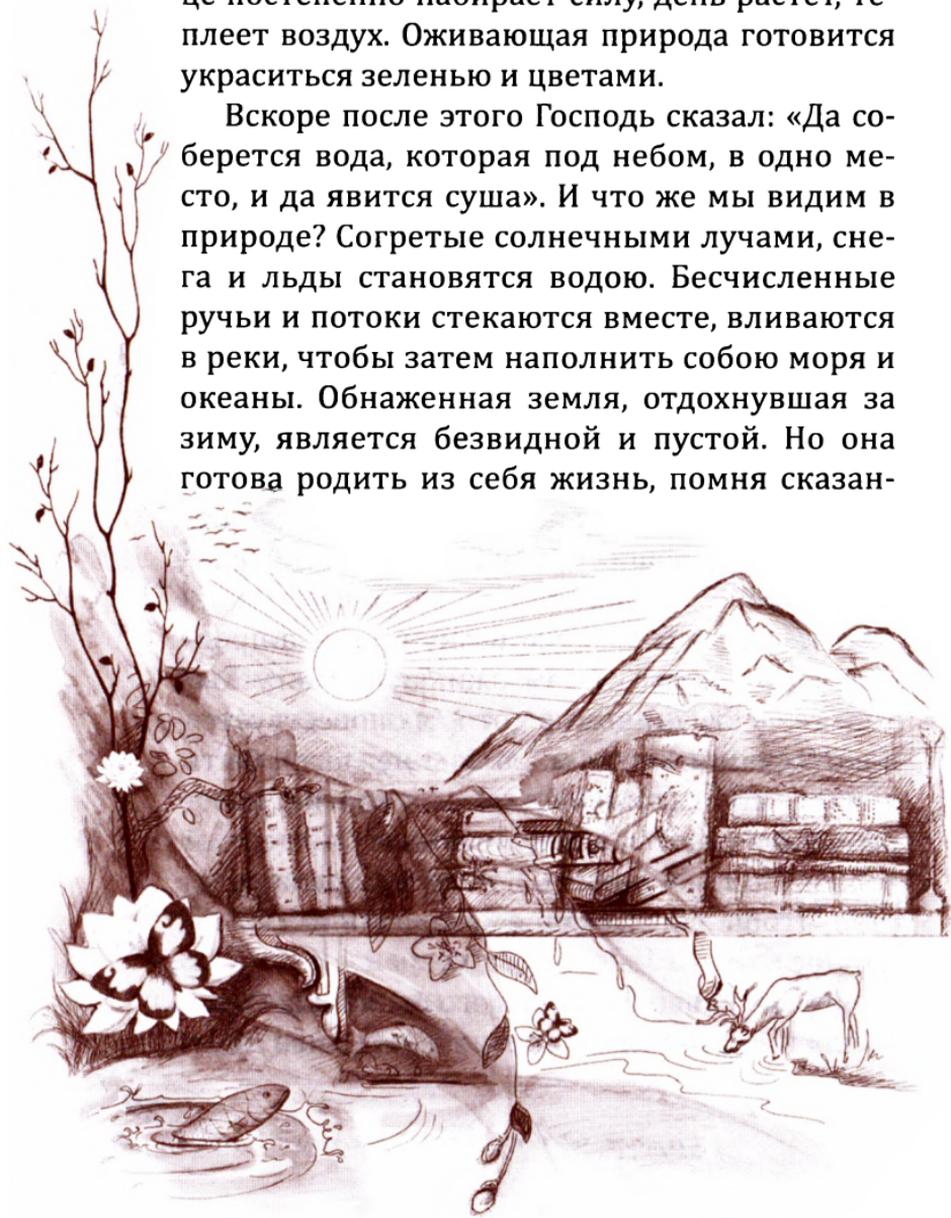
Первое слово Всемогущего было: «Да будет свет!» И весной слабо светившее зимнее солн-

прот. Андрей Ткачев...

129

це постепенно набирает силу, день растет, теплеет воздух. Оживающая природа готовится украсить себя зеленью и цветами.

Вскоре после этого Господь сказал: «Да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша». И что же мы видим в природе? Согретые солнечными лучами, снега и льды становятся водою. Бесчисленные ручьи и потоки стекаются вместе, вливаются в реки, чтобы затем наполнить собою моря и океаны. Обнаженная земля, отдохнувшая за зиму, является безвидной и пустой. Но она готова родить из себя жизнь, помня сказан-

ное некогда: «Да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод». Творческое слово Божие пребывает вовек, и послушная Творцу земля ежегодно вновь украшается ковром из бесчисленных цветов и трав, запах которых благоухает лучше всякого ладана. Нет ничего сильнее воды. И нет ничего богаче земли. Пища для животных и человека — в ее недрах. В ее целебных травах сокрыто наше здоровье. Ее красота наполняет наши сердца радостью, и мы вслед за Господом говорим, что это хорошо.

За растительным царством следует царство животное. Зимовавшие в теплых краях птицы во множестве прилетают туда, откуда отступила зима. Через огромные расстояния, оставляя внизу моря и горы, они прилетают, чтобы вить гнезда, выводить птенцов, оглашать воздух радостными звуками.

Им вторит водная стихия. Из оживших водных глубин ближе к теплу, на поверхность выплывают рыбы, играют, бьют хвостом, радуются обновленной жизни. «И увидел Бог, что это хорошо. И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле».

прот. Андрей Стахов...

И человек, этот царь видимого мира, с приходом тепла выходит из жилищ на воздух, снимает с себя тяжелые одежды, полной грудью вдыхает свежий и целебный воздух. Его, сотворенного не для лени, а для деятельности, ждет новый труд. Его плуг должен нарушить земной сон, под его веслом должна вспениться водная поверхность, свежий ветер должен надуть его паруса. Хочется сказать ему: «С Богом!» Да и сам он, щурясь от весеннего солнца и по-деловому поплевав на руки, говорит себе: «С Богом!», и берется за работу.

Книга Бытия оживает на наших глазах. Продолжается жизнь. Будем благодарны Творцу жизни.

Вы уверены, что эпоха рабовладения закончилась? Лично я — нет. Людей покупают и продают так же, как это делали на невольничьих рынках Древнего мира. Но тогда людям не тревожили душу разговорами о свободе и личном достоинстве. А сегодня человека забивают в колодки и читают при этом лекцию о правах человека. Циничный век, циничные сердца. Сытно и спокойно обедают перед лицом несчастного, умирающего от голода. Спокойно раскуривают сигару, глядя, как с ринга

в холле дорогого казино уносят очередного проигравшего в боях без правил.

Футболистов продают, как арабских скакунов: щупают мышцы, заглядывают в зубы, цокая языком, похлопывают по холке. Платят хорошо, но так ведь и скакунов поят ключевой водой и кормят отборным овсом. Дело не в кормежке, а в купле-продаже.

Самая бойкая торговля — по части продажи красивых женщин. Конкурсы красоты и подиумы уж больно похожи на женские отделы живого товара. Молоко прокисает быстро, и большинство женщин быстро теряет красоту. Для них, как и для других товаров, новейшая система рабства придумала свой секонд-хэнд и затем — свою свалку. Но об этом стараются вспоминать пореже и эти стороны жизни не рекламируют.

Матери продают детей. Люди обоих полов продают свои органы, чтобы выпутаться из долгов. Вавилон научился торговать не только мрамором и слоновой костью, пшеницей и оливами. Не только конями и колесницами и не только телами, но уже и душами человеческими (см. Откр. 18:11–13).

Забитый в колодки раб раньше мог быть свободен умом. В его распоряжении оставалась память, воображение, религиозное чувство.

От нынешнего раба требуется «умная зависимость». Он должен с любовью целовать свои цепи и думать о том, что мир ограничен забором скотного двора, на котором он работает. Идет война за кругозор, за мировоззрение. Последнее должно быть максимально сужено.

Утонченная философия, разлитая в воздухе грусть, всеобщий надрывный смех, эту самую грусть пытающийся разогнать. Ширящийся разврат, гладиаторские бои, конная полиция, жажда хлеба и зрелищ. О ком это сказано? Только ли о Древнем Риме?

Человек ничего уже не ждет от неба, не смотрит в него с надеждой, но лишь запускает в него ракеты.

Земля стала маленькой и грустной. Рабу остается переживать лишь о том, чтобы продаться подороже. Эту роскошь ему милостиво позволили.

Как часто имя Твое вспоминают все. Пользуются им, как междометием. Спорят о чем-то — вздыхают: «Господи». Судят кого-то — роняют: «Бог с ним».

Не наказывай их, Милостивый. Лучше всели в них страх Твой.

Собрались однажды десять мудрых мужиков ругать одного сумасшедшего. «С тобой, гад, — говорит один, — невозможно работать. Все люди как люди, тянут по карманам, что могут, а ты все по описи начальству сдаешь». «До каких пор, — кричит второй, — ты, паразит, по-русски говорить не научишься? Ни матюка от тебя, ни анекдота не услышишь». Третий кричит: «Ты или сам пей, или другим пить давай! А то глянешь под руку — водка во рту колом становится».

Долго ругали десять нормальных мужиков одного идиота. А тот знай плечами жмет да глазами хлопает. Да еще про себя, видно, шепчет что-то. Оно и понятное дело — сумасшедший.

Однажды после роскошного банкета, где на столе было все, чего душа желает, один из моих друзей спросил честную компанию: «Интересно, мы так плохо живем, потому что хорошо едим, или так хорошо едим в компенсацию за то, что так плохо живем?»

Вопрос тогда остался без ответа. Остается без ответа он и сейчас. Да и суть, возможно, не в том, чтобы дать ответ, но в том, чтобы задавать себе этот вопрос почаще.

прот. Андрей Стаханов...

*Где деревьев так мало,
что дом не построишь из них,
Человек в желтом царстве пустыни
задумчив и тих.*

*Только мыслям не жарко,
и если он песню заводит,
То слова, как узоры,
сплетаются в вычурный стих.*

*Там живут под шатром
голубых, неподкупных небес.
Как в псалме девяностом,
коварный полуденный бес
Искушает людей
постоянно тоской или страхом.
И не знатность, но мудрость
имеет там истинный вес.*

*Есть невидимый мир.
Он повсюду, и он населен.
Если кто-то и знает об этом,
то именно он —
Человек, признающий
богатством не жемчуг, но воду.
Тот, что беден и тих.
Тот, что тихостью этой силен.*

Превращение посеянного зерна в колос — это ежегодное чудо умножения хлебов. Оно совершается регулярно и именно по этой причине не воспринимается как чудо. Но это — дело Великого Чудотворца. Жизнь зерна, его прорастание, превращение одного зернышка в колос с десятками подобных зерен — это ли не чудо?!

Стоит ли удивляться насыщению многих тысяч людей малым числом хлебов? Тот, Кто ежегодно каждое зернышко умножает многократно, может без труда в Своих руках умножить уже готовый хлеб.

Воистину Иисус Христос есть Бог Всемогущий, и Он сотворил мир. «Имже вся быша».

прот. Андрей Ткачев...

Внутренний мир человека шире и глубже целой Вселенной. Холодные бездны космоса не могут вместить Бога. Они для Него — малая капля. А вот человеческое сердце способно и видеть, и вмещать, и хранить в себе Господа.

Более того, Господь хочет вместиться в человеческое сердце. Не значит ли это со всей очевидностью, что сердце людское и обширнее, и драгоценнее всей Вселенной? Только вот мысль эту — о превосходстве внутреннего над внешним — современный человек слышит с вершин Тибета, из дебрей Индии чаще, чем с кафедры христианского проповедника.

Оттого христианство многим показалось мелким. А люди массово окунаются в бесчеловечные пропасти восточной мистики.

ХРИСТОС БЫЛ ПЛОТНИКОМ

Его руки держали инструменты, до Него и после находившиеся в руках миллионов тружеников. Топор, сверло, рубанок... Пот льется ручьями по лицу работающего с деревом человека. Пот лился, без сомнения, и по лицу Христа. Мышечная боль по утрам напоминала о вчерашней проделанной работе. И

Христос, просыпаясь, чувствовал боль в плечах и спине, чувствовал, как не хотят сгибаться натруженные пальцы.

О чем Он думал, строгаая доску, прилаживая друг к другу части будущего дверного косяка? Возможно, Он думал о будущем Древе, о Кресте. О том, как человек подобного ремесла на заказ подгонит друг к другу два бруса — вертикальный и горизонтальный. О том, что этой нехитрой и страшной конструкции предстоит стать Великим Жертвенником, а Жертвой будет Он Сам.

Возможно, в такие мгновенья Иисус останавливался и смотрел вдаль. А затем вновь возвращался к работе, зная, что на то Он и пришел, чтобы вознестись на Древо.

Эти мысли становились ярче, когда на теплые и свежие стружки капала кровь. Нельзя без порезов и царапин трудиться с железом и деревом. Рано или поздно нож или сверло сорвутся, скользнут по сучку, вопьются в тело. Человек перевяжет рану и продолжит трудиться. От заказа зависит, будет ли хлеб на столе. Сын Божий, через Которого «все начало быть» (Ин. 1:3), живя среди людей, не ел хлеб даром. И крови Он не боялся. Она уже пролилась однажды, на восьмой день после Рожде-

ства, когда Иисуса обрезали по Закону. Тогда впервые к Нему прикоснулось железо, потекла кровь, и Он по-детски заплакал.

Обливаясь потом и временами ранясь до крови, Он думал о том поте и той Крови, которым еще предстояло пролиться.

Пастухи и плотники! Читая Библию, от вас некуда деться. Авель, Иаков, Давид — пастухи. Пастухам, а не священникам или старцам, объявляют Ангелы о Христовом Рождестве. А мы — менеджеры, компьютерщики, шоферы, продавцы — даже не знаем, как пахнет состриженная баранья шерсть. Ни разу не сторожили стадо, ни днем, ни ночью. Не кормили животных с руки, не спали с новорожденным ягненком в обнимку. Не стоит удивляться тому, что вам, а не нам, являются Ангелы. Великое приходит к простым. К сложным людям приходят лишь ночные кошмары и преждевременная старость.

И образ плотника загадочен не менее. Как червь, поедая различные книги, наугад открывая толстые фолианты и потрепанные брошюры, нашел я там, где не искал, пророческую похвалу древоделу.

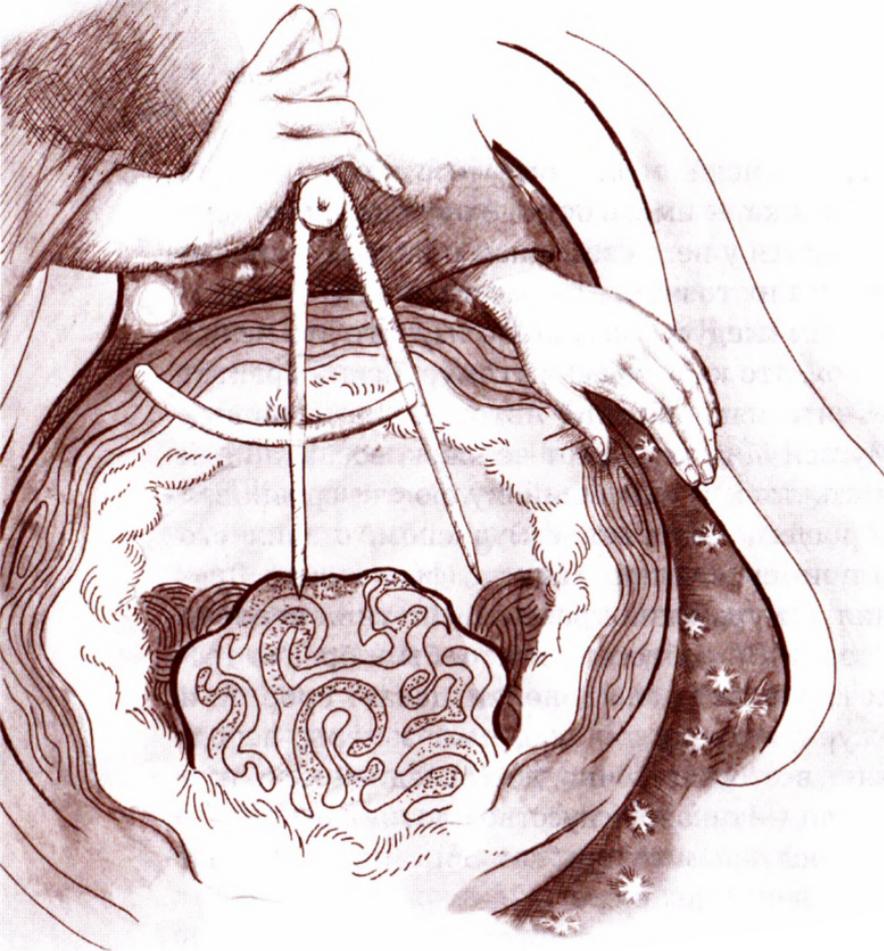
«Тщательно и хорошо учись плотницким приемам; после того как постигнешь искусство

мер, станешь мастером. Необходимость для плотника — иметь острые орудия; как только выдается у него свободная минута, он принимается их точить... Так же поступают и солдаты. Им следует тщательно изучать это искусство». Это классический самурайский трактат «Книга пяти колец». Автор — легендарный Мусаси Миямото. Этот человек, воспитанный в схватках и искавший мудрости, сравнивал хорошего плотника с мудрецом, ставил его в пример воинам. XIX век, феодальная Япония, самурайский трактат... Плотник подобен Творцу. Он «обтесывает столбы и бревна теслом, ровняет полы и полки, делает прорези и ажурную резку, точно делает замеры, исполняет все точно-точно, до последней мелочи и умело, — таково искусство плотника».

Послушаем теперь, как Бог смиряет Иова и что Он ему говорит:

«Препояшь ныне чресла твои, как муж: Я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Мне: где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь. Кто положил меру ей, если знаешь? или кто протягивал по ней вервь? На чем утверждены основания ее, или кто положил краеугольный камень ее?» (Иов. 38:3–6).

прот. Андрей Станков...

Бог обращается к человеку как Строитель, Мастер. Он говорит о «мерах, верви, камнях, положенных в основание». Он построил мироздание, как человек, разбивший шатер для своего обширного семейства.

Стремиться к совершенству значит стремиться быть похожим на Творца. Стремясь к

мудрости, японцы избирали как пример для подражания искусство людей, строящих дома и изготавливающих предметы быта.

Неожиданная находка. Глубокое прозрение. Ведь и Христос, сотворивший все, был на земле плотником. Очевидно, Япония предчувствовала Христа еще до прибытия на ее землю первых миссионеров.

Мысль отдалается от Японских островов и от вифлеемских пастбищ. Мысль переносится домой, в мое «сюда и сейчас».

Пастухи, рыбаки, плотники.

Давид пасет овец. Павел шьет палатки. Христос помогает Иосифу.

Какие поступки рождаются из этих мыслей? В какие дела превратятся эти яркие образы Писания?

Пока неясно, но думать об этом надо.

Когда смотришь в пятый, шестой раз знакомый фильм, то замечаешь самые тонкие повороты сюжета, самые неуловимые при первом просмотре фразы и интонации. Очевидно, что в работах гениев нет мелочей и что смотреть их нужно не раз и не два. Великие работы

прот. Андрей Ткачев...

надо изучать вначале в целом, а затем в деталях. Конец известен, диалоги выучены, и только затем открываются новые слои. А что же тут библейское?

А то, что мир в деталях так тонок, отчетлив, так ювелирно прописан именно потому, что Художник мира — Бог — уже додумал его до конца. В мыслях Бога этот фильм уже снят, эта картина дописана. Оттого вокруг и нет мелочей, и все важно, все вписано в общий замысел. Пространство Писания озирается свободно с высоты Апокалипсиса.

У БОГА НЕТ МЕРТВЫХ

Мудрость народная предупреждает не зарекайся от сумы и тюрьмы. Кто знает, как жизнь сложится завтра. Кто знает, с кем столкнешься лоб в лоб, глубоко задумавшись и повернув за угол. Я тоже знать не знал, что целых три месяца своей жизни мне придется прятаться в чужом и незнакомом городе, а чтобы чем-то жить, работать грузчиком в овощном магазине и там же спать, получая еще полставки сторожа. От кого и в каком городе я прятался — сегодня уже неважно. Важна одна черта моей тамошней жизни, о которой хочется рассказать.

Через два квартала от нашего магазина располагалось старое городское кладбище. На нем за недостатком места уже давно никого не хоронили. Сквозь могильные плиты проросли деревья, все кладбище утопало в зелени, и я ходил туда гулять в вечерние часы между закрытием магазина и наступлением темноты. Может быть, не в каждом городе мира найдется гражданин с фамилией Рабинович, но зато на большинстве кладбищ в нашей стране найдется еврейское поле. Шумный, неугомонный, упертый, пахнущий библейской древностью, красивый и отталкивающий одновременно, самый странный народ на земле разбрелся повсюду и везде оставил следы своего присутствия.

Та кладбищенская часть, где были похоронены евреи, находилась на самом краю, и туда я ходил чаще. Сначала меня привлекли надписи на могилах и портреты умерших. Там были похоронены евреи, служившие в Красной Армии. Те, которые поверили в революцию, повылазили на свет из всех щелей российской провинции и стали под красное знамя. Кого-то из них убили на войне, кто-то до чего-то дослужился. На их могилах надписи были сделаны по-русски, а на фотографиях они

были запечатлены в гимнастерках и портупях. Эти мне нравились меньше всего. Больше нравились старики со странными, иногда смешными для нашего уха именами. Нравились их грустные глаза и длинные бороды. Нравилось, что жены их лежат рядом, и чувствовалось, что при жизни они были нежны какой-то другой нежностью, которая редка среди славян. Там, где надписи были сделаны на иврите, к простому любопытству добавлялся священный интерес, и я подолгу ходил среди могил Корфункеров и Зильберманов, Коганов и Кацев. Как-то не было скучно и было о чем думать, хотя нельзя было предположить, что я додумаюсь до чего-то особенного. Однако додумался.

В каптерке, где я ночевал, было Евангелие. Я открывал его временами на любом месте и читал. Читал, не все понимая, но с удовольствием. Когда чувствовал, что сыт и удовольствие закончилось, — закрывал. И вот однажды поразил меня рассказ о богаче и Лазаре.

Вы не смейтесь над тем, что сторож овощного магазина гуляет на кладбище и читает Евангелие. И Боже вас сохрани думать, что это неправда. Ведь я же не всегда был сторожем и сейчас им не являюсь. В тот период времени

я скрывался, и было от кого. Значит, и дела у меня бывали поважнее, а образование и статус им соответствовали.

Так вот, в рассказе про Лазаря и богача тронула меня одна мысль, а именно: богач в аду беспокоится о братьях, оставшихся на земле. По опыту мне было известно, что когда в жизни человека наступает такой кошмар, который мы преждевременно называем адом, то можно перестать думать обо всех, даже самых близких. Тогда только воешь от душевной боли или дрожишь за шкуру. Богач, оказывается, был по-своему хорош. Он, даже попав в потустороннее пламя, сохранил в душе тревогу о родственниках. Трогательна была и просьба о том, чтоб Лазарь намочил перст в воде и прохладил ему язык. Удивило и то, что они за гробом друг друга узнали и что там могут быть длинные разговоры между святыми и грешными, между Авраамом и его потомками. С этими мыслями я и уснул в тот вечер, скрутившись в калачик, как я люблю, на вонючем одеяле синего цвета.

На следующий вечер я опять бродил среди христианских и еврейских могил, пробирался среди ржавых и колючих оград, раздвигал руками заросли папоротника и думал о своих

проблемах. Мысль о том, что евреи, лежащие вот здесь, где я сейчас хожу, похожи на евангельского богача, а может быть, кто-то из них похож и на Лазаря, пришла ко мне тихо и незаметно. Как бы сама собой. Я даже не остановился, продолжил прогуливаться, но эта мысль вдруг раскрасила евангельский рассказ и даже посягнула на большее. Сильно верующим меня всегда было назвать трудно хотя бы потому, что в жизни этого не видно. Но наученный еще в институте Достоевским, я считал и считаю, что истина — Христос, а если истина — не Он, то лучше я буду с Христом, но без истины. То, что евреи в Иисуса Христа не поверили, казалось мне жуткой ошибкой и огромной трагедией. При этом никакой неприязни к этому народу у меня никогда не было.

И вот тут я подумал: ведь там, за гробом, все всех узнали. Увидели люди и Моисея, и Авраама. Увидели и Иисуса Христа, и только там поняли свою ошибку. Это ж, наверно, они теперь просят, чтобы омочил кто-то перст и прохладил им язык. Наверно, жалуются, что их неправильно научили или они сами не хотели думать о важном и вот так расплескали жизнь по горстям, кто куда, а

теперь мучаются... Мучаются, но о родственниках думать не перестают. Нас они, может, и терпеть не могут, но уж своих-то любить умеют. У нас дети поголовно то «тупицы», то «болваны», а у них: «Ося всегда хороший мальчик». Так, по крайней мере, я тогда думал и решил следующее: пока жизнь моя непонятна, буду ходить сюда и читать мертвым евреям Евангелие.

С тех пор прошло уже достаточно лет, но я и сегодня удивляюсь тогдашней затее. Сегодня бы я этого уже не сделал. Или побоялся бы, или бы сам себя постыдился. Хотя сегодня я знаю, что решил тогда правильно. Я много потом общался со священниками и читал разные книги. У Бога нет мертвых. Внимание души приковано к месту, где лежит тело, ведь там человек воскреснет. Чтение Евангелия — это один из высоких видов молитвы. И, несомненно, покойные заботятся о живых и хотят, чтобы те не повторяли их ошибки.

На работе все было тихо и незаметно, а вот вокруг начало твориться разное всякое. Стало коротить проводку. В магазин повадились местные жулики-малолетки, и ночи перестали быть спокойными. Вдобавок у меня сильно

прот. Александр Стаханов...

разболелся желудок, и я перестал есть. Зато из дома сообщали, что дела решаются и скоро можно будет вернуться. Те, кто искал меня, сами стали скрываться. Мысль о доме тепло согревала.

На кладбище я продолжал ходить и читал там преимущественно Евангелие от Иоанна. Там много таких мест, где Господь обращался к обступавшим Его и теснившим иудеям. Он иногда ругал их, иногда учил, иногда грозил и обличал, но они так ничего толком и не понимали. Головы их были напичканы какими-то своими мыслями. А вот черно-белые лица с надгробий смотрели так, как будто понимали все, что я читал, и это меня одновременно и пугало, и радовало. Читал я вслух, но негромко. Находил удобное место, прочитывал главу, затем просил у покойников прощения за то, что потревожил, и отходил шагов на 20, на другое место.

Так продолжалось недели две. Я уже привык к ним, к тем, кого звали Шломо и Хацкель, к тем, на чьих могилах были написаны слова о скорби родных и выгравирован семисвечник. Как тут пришла новость о конце моих скитаний. Можно было пересчитать карманную мелочь и, даже не возвращаясь в каптер-

ку, бежать на вокзал, чтобы электричками добраться домой. Так я и сделал. Напоследок пришел на кладбище, но уже ничего не читал (Евангелие было собственностью сторожки). Просто посидел под деревьями, но уже на христианской части. Было приятно смотреть на кресты и было жалко, что они не стоят в той части кладбища...

Я забыл бы эту историю, как забыл сотни историй своей и чужих жизней. Но я вспомнил о ней, когда среди моих друзей все чаще стали появляться евреи. Они не решали со мной гешефты, не делали шахер-махер и не готовили гефилте-фиш. Они вообще не делали со мной ничего еврейского, но появлялись ниоткуда, говорили со мной о Боге, о Христе, о Суде и потом уходили. Некоторые стали моими друзьями, многие крестились, иных я даже не помню по имени: за несколько лет их было много.

И вот тут в мои тяжелые мозги пришло ясное понимание того, что глаза с надгробий смотрели на меня с пониманием не зря.

Евреи все же умеют любить своих и переживать о них даже из ада.

Мы многое растеряли. В каталоге потерь — самые неожиданные вещи. Куда-то исчезли дедушки. Дедушка — это не просто муж бабушки. Это добрый человек с умными глазами, седой бородой и натруженными руками. В ту нежную пору жизни, когда вы узнаете мир, дедушка должен садить вас на колени и рассказывать о далеких звездах и великих героях. Такие дедушки куда-то пропали. Причем бабушки остались. Они даже почувствовали себя хозяйками положения. Некому на них прикрикнуть. Некому поставить их на место. Бабушки застегивают вам пуговицы и кормят вас манной кашей. А разве может вырасти из человека что-нибудь дельное, если в детстве он не слышит о звездах и великих людях, а только ест кашу из женских рук?

От дедушки пахнет табаком и солнцем. Бабушку он называет «мать», а маму — «дочка». Но настоящая дружба у него с внуком. Они посвящены в одну тайну. Мир для них одинаково свеж и загадочен. Поэтому за обедом они хитро подмигивают друг другу и смеются глазами. Сейчас они встанут и пойдут вместе. Может, рыбачить, а может — ремонтировать

велосипед. Внуку интересно жить, а деду умирать не страшно.

У нас давно не было ни войн, ни эпидемий. Дедушек никто не убивал, но они куда-то исчезли. Бросили своих бабушек и ушли к другим. Глупо растратили жизнь и не дожили до внуков. Не обзавелись семьей и остались бездетными. Короче, все расшаталось и сдвинулось с основания. Поэтому в мире так много капризных и нервных детей. И много никому не нужных стареющих мужчин, пьющих с тоски и никого не называющих словом «внучек».

прот. Андрей Ткачев...

Все-таки любой текст предполагает толкование. Люди вчера придумали, скажем, конституцию. А уже сегодня разошлись во мнениях, как ее понимать. И что же? Толкуй как хочешь? Нет.

Нужен коллегиальный уважаемый орган. Нужны одетые в мантию (!) высокодостойные дяди и тети, сточившие до корней зубы в пережевывании законов. И это правильно.

А что же Библия? Неужели она меньше по значению и мельче по смыслу? Неужели для нее не нужны особые, облеченные властью толкователи, но всякий умеющий читать выскочка способен ее объяснять всему миру?

Поразительная непоследовательность...

НЕ СВЯТЫЕ

Человек должен чем-то оправдать свое существование. Конечно, мы не святые, но все-таки...

Вот, например, Любомир Зиновьевич, пьянчуга редкий. Но какой специалист! Его можно звать на роды в любое время, хоть среди ночи. Приедет через полчаса и всегда пьяный. Но пока моет руки и надевает халат — преобра-

жается. В палату или в родильный зал входит, как Юлий Цезарь: строг, собран, спокоен. Роды принимает, как Ангел. Там нажмет, тут пошепчет, здесь погладит, и бабы рожают так, что готовы завтра опять в роддом. Потом заходит в ординаторскую, принимает на грудь сотку коньяка и в полных дровах уезжает домой на такси. Когда он умрет, то множество женщин будет благодарно, со слезами молиться о нем и дома, и в храме. Может, тем и спасется.

А вот Владимир Иванович не умеет лечить. Он умеет калечить. Лет двадцать прослужил по разным горячим точкам, и даже жена не знает, где эти точки расположены. Владимир Иванович может с двухпудовой гирей кросс на время пробежать. Может разбить об голову бутылку, может на одной руке пять раз подтянуться. Еще много всякого разного может, и лучше с ним на празднике после третьей рюмки прощаться. Так вот ему, в силу особых талантов, Господь особые послушания посылает.

«Иду, — говорит, — однажды ночью домой и хочу застрелиться (это у него бывает). Вдруг слышу: “Помогите!” Бегу на крик, а там два фраера девку в машину запихивают. Ну, говорю, Володя, придется еще пожить. Подбегаю, делаю одному больно, второму очень больно. Беру девчонку за руку и веду, как дочку, домой.

прот. Александр Стаханов...

Она дрожит вся. Возле дома целует меня в щеку и говорит: “Спасибо”. Как после этого стреляться?»

И действительно — как? Но девки сами виноваты. Ту, наверно, мать перед уходом из дома перекрестила, вот ей Владимир Иванович и попался. А сколько таких, которых матери не перекрестили!

Я раз иду по улице, а мне навстречу — соплячка лет семнадцати. Платьечко на ней легкое и коротенькое. Накрашенная, причесанная, ловит на себе взгляды и смотрит вниз, будто ей все безразлично. Идем мы друг другу навстречу, и занимает это секунд десять, не больше. Вдруг к ней подъезжает машина, притормаживает и медленно едет рядом. Открывается окно, и высовывается страшная рожа (Фредди Крюгер и еще кое-кто отдыхают). Рожа ей низким басом, таким профундо, говорит: «Садись в машину». Девчонка меняется в лице. Страшная рожа повторяет требование. Тут мы с ней расходимся. Она идет. Машина медленно едет рядом. Что было дальше — не знаю.

Мать, наверняка, ее не перекрестила. А Владимир Иванович просто физически не может быть одновременно во всех местах, где мало-

летние полуголые дуры напрашиваются на неприятности.

Кстати, у него своих проблем хватает. Тяжело ему. Воевать человек привык, и не просто так, а за правду. За правду и умирать не страшно. А на гражданке для военного человека, да еще при «незалежности», жизнь — одно издевательство. Однажды от него в очередной раз жена ушла. Ни денег, ни работы не было, и решил он, наконец, освободить от себя самого свое место под солнцем.

Пришел домой, взял штык-нож, отвел руку (по-серьезному, не для шутки). Вдруг — звонок. Опустил руку, взял трубку. А это — Иннокентий, бывший хиппи по кличке Дизель. У этого красавчика был редкий дар приходиться или звонить людям тогда, когда они стоят на краю крыши или уже взвели курок.

— Дядь Вов, ты?

— Ну?

— Как дела?

— Нормально.

И Дизель начал, по традиции, нести всякую околесицу. Там были и анекдоты, и новости рок-музыки, и цитаты из святых отцов... Владимир Иванович Дизеля любил. Они с его отцом служили вместе. Потому он минут пять

слушал, нахмурившись и опустив зажатый в кулаке штык-нож. Минут через десять просветлел лицом, а через полчаса, отбросив холодное оружие, хохотал, как ребенок, над всякой чушью, которую рассказывал Иннокентий.

Вот и я говорю: нужно чаще звонить друг другу. Кто знает, может спасешь друга от непоправимого шага.

Меня и самого Дизель молиться учил. Он в советские годы лазил с хипами по всей необъятной Родине и пришел к тому, что Бог есть.

«Однажды, — говорит, — идем по трассе Москва–Минск. Ни еды, ни денег. Смеркается. Ночевать придется на обочине, а уже сентябрь. И я начал молиться: “Господи, если Ты есть — дай поесть”. Стих получился. Я иду и про себя этот стих бубню: “Если Ты есть — дай поесть”. Минут через пять проезжает мимо нас грузовик, и падает перед нашим носом с его борта ящик персиков. Мы обрадовались, наелись, а я понял, что это ответ на мою молитву, и вскоре крестился».

Дизель был редкий комик. Книг прочитал — тысячу. Слушать его было одно удовольствие. Сколько людей через него крестилось, повенчалось, причастилось — одному Богу известно.

А вырос он в бандитском районе и в соответствующей семье. Его все старые жулики в городе знали и называли «малый». Как-то раз идем с ним по улице и спорим, чьи фильмы круче — Феллини или Антониони. Вдруг нам перегораживают дорогу двое, лет за сорок. Глаза такие, что лучше не смотреть. Я уже кумекаю, куда убегать, а Дизель говорит: «О! Привет, Штык. Привет, Веталь». Они его спросили о чем-то, потрепали по плечу, и мы пошли. Дизель опять стал Феллини расхваливать, а я никак не мог поймать нить прервавшегося разговора.

Культура была вообще отдельной темой. Был у нас в городе какой-то Дом культуры, то ли работников легкой промышленности, то ли еще кого. И там регулярно при полупустом зале крутили «Джинджер и Фред», «Андрея Рублева», «И корабль плывет». Советская власть была крепка и монолитна, но дыры в ней были, пусть и небольшие. Дыры в советском монолите были драгоценнее, чем дыры в швейцарском сыре, и мы устраивали в них ниши. Там можно было спорить, грустить, думать и обмениваться мыслями.

У нас было хорошее детство и красивая юность. Это мы сами в юности были некрасивы,

а юность была прекрасна. Без ночных клубов и наркотиков нам было весело. Мы умели и подражаться, и выпить, и над книжкой поспорить. Мы хорошо, высоко думали о девушках. Каждый из нас, друзей, чему-то учил остальных. Благодаря Витьке я бегал по утрам. Благодаря Сашке стал слушать Баха.

Наверное, потому, что мы хорошо думали о людях, с тех пор и доныне нам попадаются хорошие люди. Хорошие врачи принимали роды у наших жен. Хорошие друзья звонили нам в то время, когда мы бились головой о стенку, или давали денег, когда нас сжимали долги.

Мы не чувствуем себя не то что старыми, но даже взрослыми. Душа не хочет стареть вместе с телом. Но молодежь уже подавливает нас, а мы ропщем на нее, как когда-то роптали на нас наши взрослые.

Мы всегда понимали, что просто так жить нельзя. Нужно оправдать свою жизнь: сдать кровь, посадить дерево, защитить слабого...

Нет, конечно, мы не святые. Но все-таки...

*Как вкусен хлеб, никто не может знать,
Пока на завтрак и на ужин вдоволь хлеба,
Что он не просто хлеб, а благодать,
Дождем на землю выпавшая с неба.*

*Никто не может знать, что разговор,
Прикосновенье, диалог глазами —
Сокровище, пока незримый вор
Не украдет его или мы сами
Его не растеряем по пути
И будет поздно говорить «прости».*

*Все может быть богатством: просто сон,
Беседа с интересным незнакомцем,
Болезнь, в которой тоже свой резон,
И бабочка, влетевшая в оконце.*

*Открой глаза и из ушей достань
Тот воск, которым их Улисс законопатил.
Все спят, а ты проснулся в эту рань.
На солнце глаз не замечает пятен.
Ты истинный богач. Пойми и пой!
Земля тверда и небо над тобой.*

Мне никогда не случилось бывать в королевских замках, проходить мимо немигающих грозных стражников. Не случилось жмурить глаза от блеска чужих драгоценностей. Учтивые люди в белых перчатках не наливали мне вино в хрустальный бокал. И властный голос хозяина замка не заставлял меня вздрагивать и переходить на шепот.

Зеркальный паркет, высокие окна, блики огня в камине, роскошные туалеты дам... Всего этого я не видел.

Зато сегодня я видел полевую лилию. Спаситель сказал, что она красивее, чем Соломон во всей своей славе.

Говоря по совести, я уже умирал, только не помню этого. Смертью я называю резкое и радикальное изменение существования. Умереть — это не исчезнуть, это измениться.

Ползала то по веткам, то по земле гнусная гусеница. Мохнатая, медленная. Птица увидит — склюет, если не побрезгует. Человек увидит — щелчком отбросит или, наступив, раздавит. Ползала-ползала. Заползла на ветку и скрутилась в клубочек, замерла. Упокоилась. Если животное отвратно, то куда более отвратен труп его. Но вот, из куколки, из этой гусеничной могилы рождается пестрое и воздушное существо, уже не ползающее, но грациозно порхающее. Существо с другим именем — бабочка.

Это образ нашей смерти будущей. Это как с зерном. Упало в землю, по Евангелию, умерло и многий плод принесло. «Если зерно пшеничное, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то многий плод принесет» (Ин. 12:24). Так и на могиле Достоевского написано. Думаю, не прогневается Спаситель, когда скажем: если гусеница не станет куколкой, то съест ее птица. А если станет — то со временем будет бабочкой.

прот. Александр Сташев...

163

Значит, надо умереть и продолжить жизнь в другом качестве. Ведь я уже умирал, однако вот жив и, более того, вечно жить надеюсь. Когда умирал? Когда мать покидал. Был я в ней вниз головой, весь в воде, как рыба, и питался через пуповину. А теперь хожу головой вверх, дышу легкими и жую своими зубами. Тот прежний «я», внутриутробный, умер. Потому как способ бытия изменил до неузнаваемости.

Значит, умирал я уже и еще умру. Только бояться этого не надо. Потому что Бог нас сотворил не для исчезновения, и мы еще проживем. Мы услышим Ангелов, увидим небо в алмазах и, подойдя почтительно к Давиду, сыну Иессея, с ним пропоем: «Не умру, но жив буду и повею дела Господня»...

ОБЯЗАТЕЛЬНО НУЖНО ИЗМЕНИТЬСЯ

Обязательно нужно измениться. Иначе не стоит жить. Не стоит быть пятном на одежде, ржавчиной на металле и зловонным душком, носящимся в воздухе.

Жизнь оправдана только если есть возможность и желание меняться к лучшему. О, Дарвин! О, армия атеистов! Если бы я был тем, кем вы представляете человека! Кусок земли, вре-

менно снабженный нервами и кровью. Никакой совести, никаких дерзаний, стремлений и угрызений. Одни инстинкты. О, рай бессознательности! Я был бы счастлив, хотя и не понимал бы своего счастья.

Вместо же этого внутри меня, как угли в камине, жарко горят, сменяя друг друга, сотни сердечных мечтаний и еще тоска, лишаящая мир вкуса и красок. Спросите меня: «Как твои дела?» «Снаружи прекрасно благодаря Господу Богу, — отвечу я и добавлю: — Ужасно благодаря моему добровольному безумию».

Совершенно очевидно, что человек без Христа мертв. Как-то страшно и фантастически мертв, хотя он и трудится, и маячит перед глазами, и даже чему-то смеется. А вот Христос жив. Его не видно. Он не «маячит» перед глазами и не смеется. Но Он жив по-настоящему, в отличие от нас. Это поразительно.

Живы и Его участники. Мы служили однажды в память одного из святых, и один священник сказал: «Как интересно: святой (имя рек) вроде бы мертв, но на самом деле жив и собрал нас на молитву. А мы — вроде бы живы, но, скорее всего, мертвы и пришли сюда, чтоб ожить и обновиться». Он мучительно прав, этот добрый анонимный батюшка.

Вечная смерть понятна человеку, как черта собственного лица, и противна, как змея, залезшая под одеяло. Живет по истине Христос. Живет без греха, без угрызений совести, без страха перед будущим. А человек может быть мертвым, не умирая, и это жуткое состояние нужно почувствовать, чтоб его испугаться.

Где вы, атеисты? Где вы, примитивные и невнимательные мыслители? Опять на моих устах ваши легковесные имена.

Как вы беспросветно глупы. Вы, те, кто думал, что смерть — синоним исчезновения. Это легко и не страшно — умереть и не существовать.

Гораздо страшнее умереть, но не исчезнуть. Умереть, но продолжить существование в такой же, как ты, неживой действительности.

Ад — это область, населенная неумирающими мертвецами. Они не могут исчезнуть и не умеют жить. То есть не умеют любить, благодарить, молиться, каяться, смиряться.

Смотрю внутрь и закусываю губу от резкой боли. Смотрю вокруг и зажмуриваюсь. Нужен ли еще какой-нибудь ад, кроме существующего ада?

Если мир — это кладбище движущихся мертвецов, то чтобы жить, нужно умереть для мира.

Смерть для мира — это монашество. «Если Христос в вас, то тело мертво для греха, а дух жив для Господа». «Помышляйте себе мертвыми быти греху, живыми же о Христе Иисусе, Господе нашем».

Давайте станем под прицел, под хищные дула честных и беспощадных вопросов. Нам придется признать, что самое красивое и правильное в жизни — это монашество.

Я люблю его всей душой, это предстояние Богу один на один, это презрение к суете и беспощадность к собственной «многогранной плоти». Я люблю это, понимаю, чувствую, но совершенно к этому не способен. Ведь можно же любить и понимать, к примеру, музыку или живопись, но не уметь играть ни на одном инструменте и не быть способным нарисовать даже яблоко, надрезанное и лежащее на подоконнике.

И куда теперь, с чувством и пониманием, но без воли к действию и без силы к борьбе? Куда, спрошу я вас, теперь идти человеку, не хотящему жить «так» и не умеющему жить «иначе»?

Его жизнь должна превратиться в непрерывный, не слышный для уха внутренний крик. Бесполезно звать маму и глупо кричать:

прот. Андрей Ткачев...

«ой-ей-ей!» Нужно звать Того, Кто слышит звуки, не нарушающие тишину.

Иисусе, Пастырю мой, взыщи мене.

Иисусе, Спасе мой, спаси мене.

Иисусе, желание мое...

Иисусе, надежда моя...

Иисусе...

Иисусе...

Иисусе...

Я так рад, что Ты есть, и рад, что Ты жив. Что Ты был мертв и воскрес, и теперь жив во веки. В мире так много стен, и о любую из них можно было бы во время тоски и отчаяния разбить голову, если бы не священный запах Твоего имени. В мире так много причин и условий для того, чтобы сгореть, утонуть, потеряться, исчезнуть. Разве я дожил бы до сего дня, если бы Ты не спасал меня многократно и многообразно?

Разве я писал бы сейчас эти слова на этой бумаге, если бы Ты не разрешил мне этого?

Обними меня, прошу Тебя, обними и не отпускай. Ты же видишь: я похож на больного, который срывает повязки и отказывается от процедур. Ты же видишь, что я, как безумный, говорю одно, делаю другое, а думаю третье. И мне не нравится это.

Если бы мне это нравилось, Ты стал бы моим врагом. Твои слова, Твой лик, Твое присутствие стали бы для меня нестерпимы.

Но, напротив, знаю и исповедую, что жизнь — это Ты, а человек без Тебя — живой труп. Ты живешь, а мы умираем. Я и грешу потому, что грехи исходят от меня так же естественно, как исходит смрад от разлагающегося трупа. Но худшее падение — это полюбить свое падение, согласиться с ним и придумать ему оправдание. Этого во мне пока еще нет. Покуда живет «пока», покуда я не изолгался окончательно, сжался надо мной и сделай со мною что-нибудь.

Ведь Ты же доктор, умеющий вылечить даже от смерти. Я не теряю надежды. И совесть во мне жива. Слеза, упавшая на бумагу, тому доказательством.

Снег за окнами. Если в доме тепло и тихо, то нет ничего лучше, чем смотреть на плавно опускающиеся за окном хлопья. Можно мечтать и фантазировать о том, как где-то высоко над землей кто-то из небожителей выбивает пуховую перину. Пух разлетается в стороны и затем плавно опускается на землю. В этом бе-

прот. Андрей Ткачев...

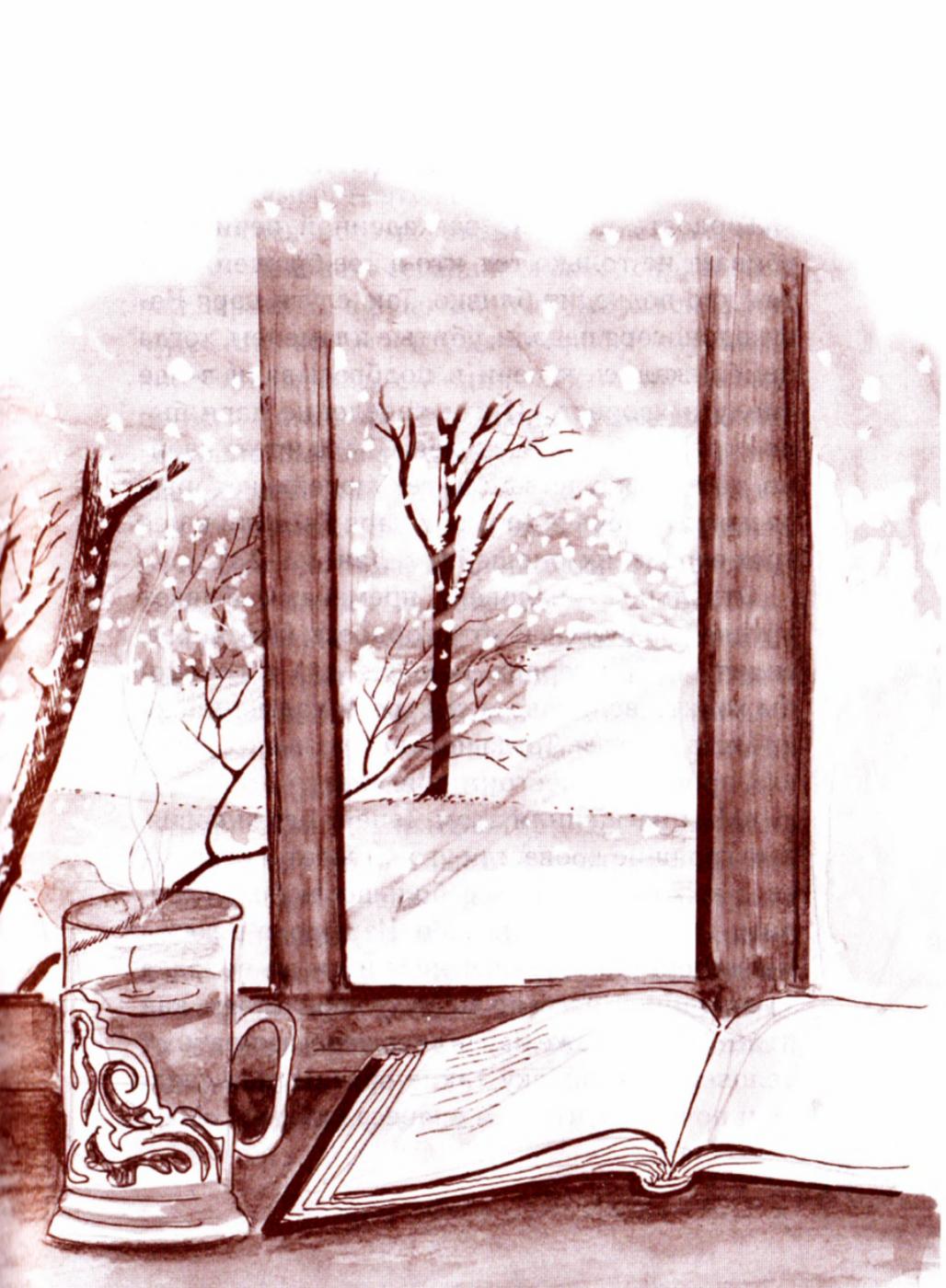
лом холодном пухе — радость для детворы, тепло для застывшей земли и напоминание об одном очень важном стихе из древней Книги.

Человек сидит у окна, разрисованного морозным узором. Рядом на столе стоит стакан горячего чая в старинном подстаканнике и лежит раскрытая книга. Человек думает о том, что в детстве он любил делать в морозном узоры окошки. Нужно было подышать на стекло или приложиться к нему на минутку кончиком носа. И тогда вид за окном становился интересней. Как будто смотришь в волшебный мир через замочную скважину.

Теперь ему не хочется дышать на стекло. Он смотрит на черно-белый, словно нарисованный черной тушью на белой бумаге, мир за окном и не спеша повторяет в уме:

«Окропиши мя иссопом, и очищуся, омыеши мя, и паче снега убелюся».

УРОК ЦАРЯ НАВУХОДОНОСОРА

Гордость подобна раскаленной печи. Она убивает не только тех, кто в нее брошен, но и тех, кто подходит близко. Так, слуги царя Навуходоносора падали, убитые пламенем, когда приближались к печи и подбрасывали в нее смолу и хворост. «И как повеление царя было строго, и печь раскалена была чрезвычайно, то пламя огня убило тех людей», которые распяляли печь и по слову царя бросали в нее трех еврейских юношей (см. Дан. 3:1–23).

Отдельному человеку временами бывает трудно гордиться. И хотя гордость, как заноза, сидит внутри сердца, поводов для того, чтобы ходить величаво и смотреть надменно, не представляется. Тогда человек возвеличивает «я», произнося местоимение «мы».

«Мы» расщепили атом. Теперь его энергия, а не горящие дрова или уголь, греет и освещает с каждым днем все больше людских жилищ. «Мы» покорили небо. Из города в город мы теперь не тащимся неделями на волах, а за считанные часы по воздуху перелетаем, как птицы. «Мы» даже научились пересаживать от человека к человеку такие органы, как сердце и почки. Да что там «пересаживать»! «Мы»

придумали искусственное сердце! Что ни говори, но «мы» — это звучит гордо.

Не имея особых жизненных достижений, любой человек сегодня может спрятаться, как партизан, в рукотворных дебрях людских чудес. Все эти мосты, небоскребы, спутники, корабли не есть ли один пыхтящий, движущийся, сияющий памятник человеческому величию? Задавая себе этот вопрос, мы опять раскрываем книгу пророка Даниила. Люди с искусственным сердцем, давайте послушаем речи великого царя древности. Не услышим ли в его интонациях мелодию собственной речи? «Расхаживая по царским чертогам в Вавилоне, царь сказал: это ли не величественный Вавилон, который построил я в дом царства силою моего могущества и в славу моего величия!» (Дан. 4:26–27).

Огромный квадратный город, разбитый на правильные кварталы, с полноводной рекой, протекающей среди его улиц, город, которому сотни народов платят обильную дань, привел в восторг хозяина этого великолепия. «Это ли не величественный Вавилон, который построил я в дом царства силою моего могущества и в славу моего величия!»

Но что было после?

прот. Александр Ткачев...

«Еще речь сия была в устах царя, как был с неба голос: “тебе говорят, царь Навуходоносор: царство отошло от тебя! И отлучат тебя от людей, и будет обитание твое с полевыми зверями; травую будут кормить тебя, как вола, и семь времен пройдут над тобою, доколе познаешь, что Всевышний владычествует над царством человеческим и дает его, кому хочет!” Тотчас и исполнилось это слово над Навуходоносором, и отлучен он был от людей, ел траву, как вол, и орошалось тело его росю небесною, так что волосы у него выросли, как у льва, и ногти у него — как у птицы» (Дан. 4:28–30).

Возгордившийся царь наказан. Точнее, не наказан, а смирен для его же пользы. В смирительную рубашку одевают и связывают разбушевавшегося душевнобольного. Смирительное унижение постигает гордеца на вершине кажущегося благополучия.

Бывшее с одним человеком может стать уроком для всех людей. И то, что случилось со всеми людьми, может быть предостережением любому отдельному человеку. Это потому, что в одном человеке вмещается все человечество, и наоборот, все человечество похоже на одного Человека, совершающего жизненный путь сквозь столетия и континенты.

История Навуходоносора произошла с одним, но касается всех. Зато история о строительстве Вавилонской башни произошла со многими, но касается каждого. Это было задолго до Навуходоносора, но на том же месте — в Вавилоне.

Залезть на небо и «сделать себе имя» — это ли не цель для изгнанного из Рая и забывшего о Рае человека?

«И сказали они: построим себе город и башню, высотой до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город [и башню]» (Быт. 11:4–8).

Что мы строим и чем гордимся? Разве мы не поместимся в гроб? Разве нас будут помнить хотя бы десять человек спустя десять лет после нашего перехода?

Те прорабы, инженеры и каменщики Вавилонского небоскреба рассеялись и

прот. Андрей Ставров...

растворились в нас. Мы — их дети. У этих отцов учиться нечему. Гораздо полезнее опыт царя Навуходоносора:

«По окончании же дней тех, я, Навуходоносор, возвел глаза мои к небу, и разум мой возвратился ко мне; и благословил я Всевышнего, восхвалил и прославил Присносущего, Которого владычество — владычество вечное, и Которого царство — в роды и роды. И все, живущие на земле, ничего не значат; по воле Своей Он действует как в небесном воинстве, так и у живущих на земле; и нет никого, кто мог бы противиться руке Его и сказать Ему: “что Ты сделал?” В то время возвратился ко мне разум мой, и к славе царства моего возвратились ко мне сановитость и прежний вид мой; тогда взыскали меня советники мои и вельможи мои, и я восстановлен на царство мое, и величие мое еще более возвысилось.

Ныне я, Навуходоносор, славлю, превозношу и величаю Царя Небесного, Которого все дела истинны и пути праведны, и Который силен смирить ходящих гордо» (Дан. 4:31–34).

Удивления достоин не только смирившийся восточный деспот. Удивления достойны его советники и вельможи. Они не разодрали

царство на части, не дали империи окунуться в водоворот кровавых стычек между претендентами на верховную власть. Они дождались выздоровления царя. Честно сказать, наше мелкое время на такие дела уже неспособно. Люди изменились. А Бог — нет. Он и ныне по воле Своей действует как в небесном воинстве, так и у живущих на земле. Он силен смирить ходящих гордо.

Строители башни рассеиваются, как пыль. Великий царь становится на четвереньки и ест солому. Но все же у него есть чему поучиться. Все-таки разум его к нему возвратился, и он прославил Царя Небесного.

Пока мы, гордо перебирающие в уме общечеловеческие победы и достижения, не упали на четвереньки, пока мы, озирающие мысленным оком всемирный Вавилон, не стали есть солому и когти, как у птиц, не отросли у нас на руках, поспешить бы нам с молитвами и хвалой Всевышнему, поскольку все живущие на земле ничего не значат и нет никого, кто мог бы противиться руке Его и сказать Ему: «Что Ты сделал?»

ВХОД В ИЕРУСАЛИМ

*Я думал, Ты тяжелый. Нет, напротив,
Сидишь так мягко. Не болит спина.
Не то что в прошлый раз. На повороте
Я был неловок, и вон та стена*

*Мне даже ободрала бок до крови.
Ослам несладко. Хорошо корове.
Коров не бьют. Их доят, кормят сытно.
Одним ослам беда на целом свете.*

*Людей так много, ничего не видно.
Все машут ветками, кричат и эти дети...
Откуда столько набралось народу?
Так много шума я не слышал сроду.*

*Гляди, одежды стелят мне под ноги.
Копытам мягко, даже непривычно.
От этих тряпок не видать дороги.
Нет, день сегодня вправду необычный.*

*И ласкова рука у седока.
Такая сильная, но добрая рука.
Скажу ослам, они мне не поверят,
Чтоб брата нашего с таким
встречали шиком.*

*И в каждом доме настезь окна, двери.
Гляди, кричат. Сочли меня великим.
Одежды, ветки... мне? Невероятно!
Седок отменный, и везти приятно.*

*Два-три клопа залезли под обои,
И две-три мысли в голове осла
Жужжат, звенят и не дают покоя.
Осел идет; душа его светла.*

*Он службу херувимскую свершает,
Пусть неосознанно, но честно, без затей.
А Тот, Кто едет, путь Свой завершает
И с грустью слышит голоса детей.*

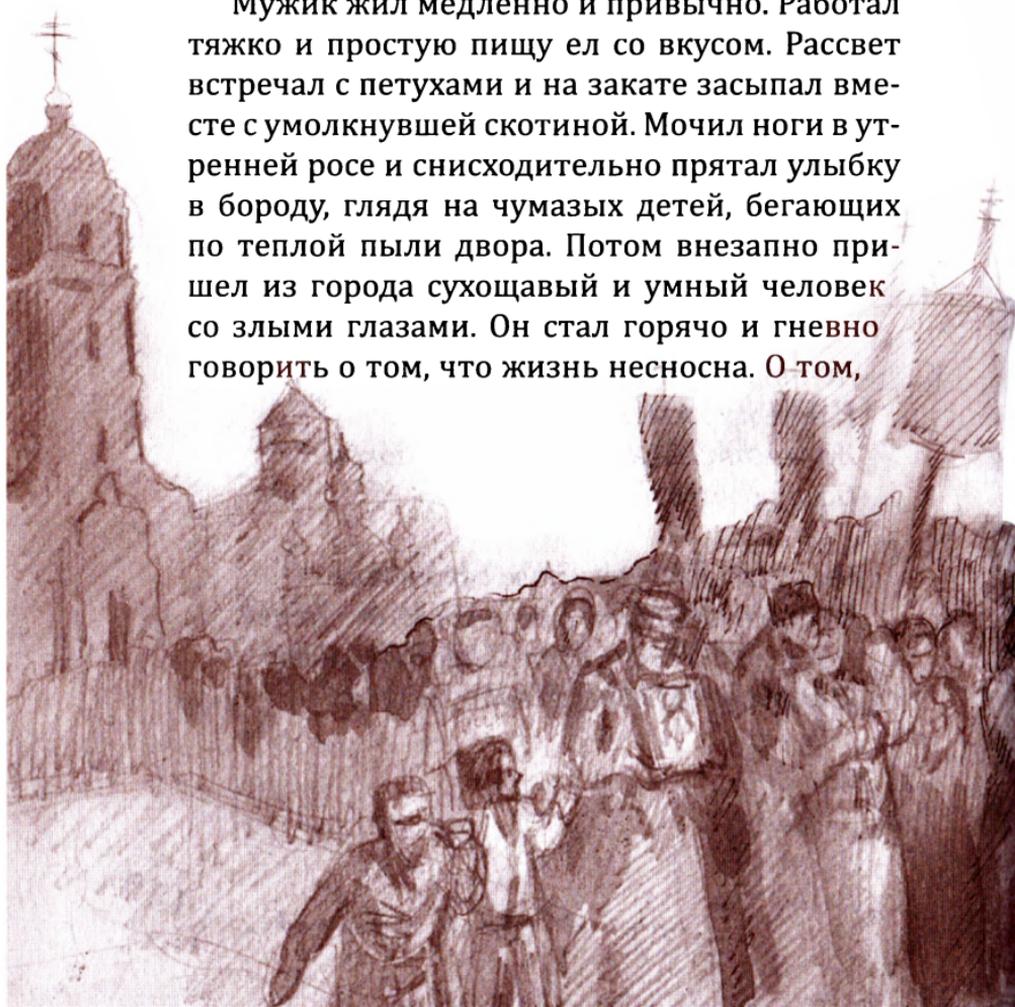
прот. Андрей Ткачев...

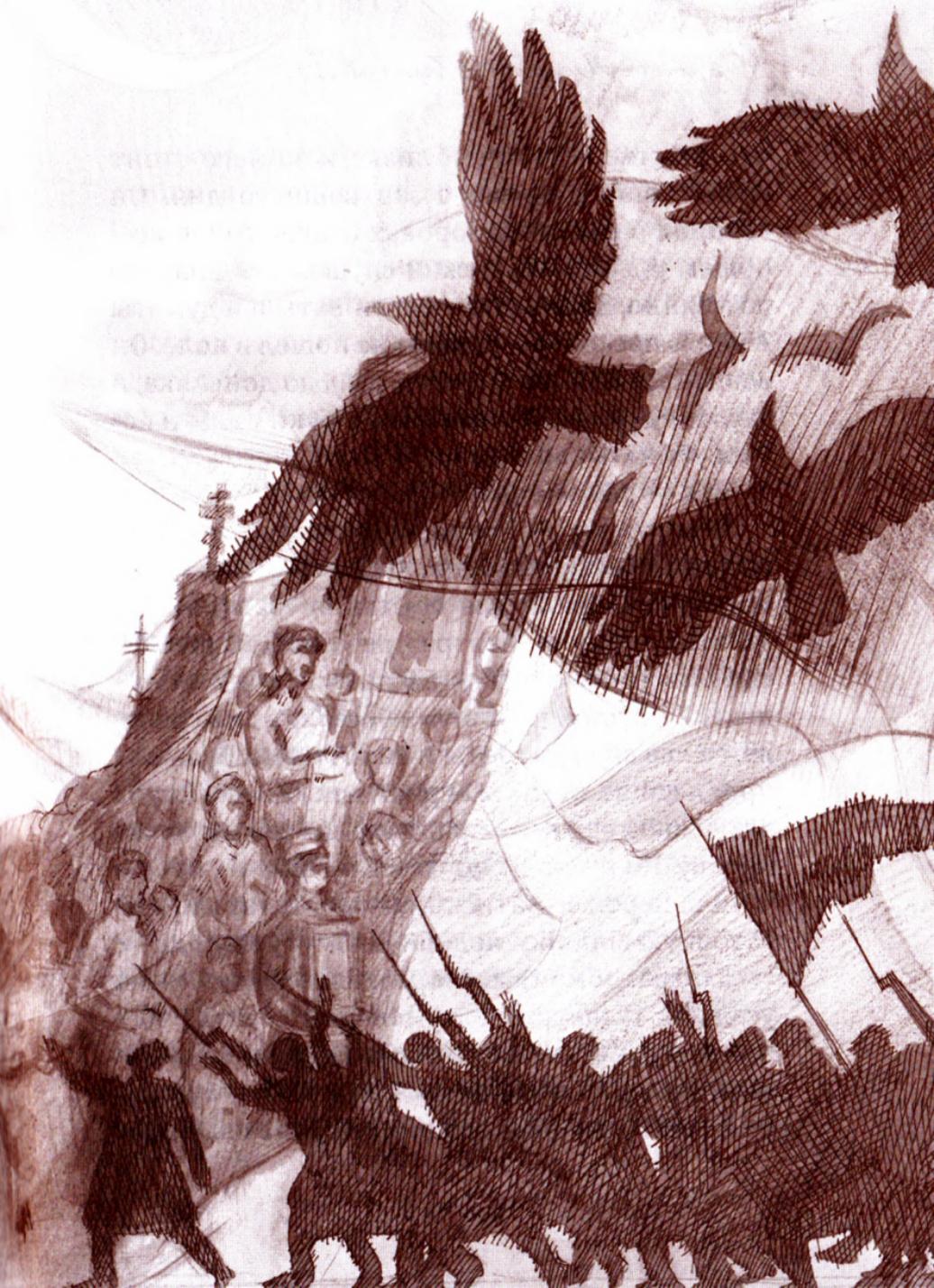
РЕВОЛЮЦИЯ

*Но, революция, ты научила нас
Верить в несправедливость добра.*

Ю. Шевчук

Мужик жил медленно и привычно. Работал тяжело и простую пищу ел со вкусом. Рассвет встречал с петухами и на закате засыпал вместе с умолкнувшей скотиной. Мочил ноги в утренней росе и снисходительно прятал улыбку в бороду, глядя на чумазых детей, бегающих по теплой пыли двора. Потом внезапно пришел из города сухощавый и умный человек со злыми глазами. Он стал горячо и гневно говорить о том, что жизнь несносна. О том,

что счастье есть, оно близко и за него стоит начать войну прямо с завтрашнего дня. Он говорил о сияющих городах будущего и о всеобщем равенстве. Мужик слушал его вначале рассеянно. Затем стал вслушиваться и думать. А через несколько дней он не пошел в поле. Он возненавидел свою жизнь, всю, до донышка, и захотел другую. Мужик взял в руки вилы и пошел убивать барина.

Это — революция.

Революция — это вера в счастье, которое географически находится где-то «там», а во времени избрало для обитания «завтра». Ради этих «там» и «завтра» революция требует сжечь все, что здесь, и распять все, что «сегодня». Будь она проклята за все, что она сделала, за все свои декреты и гильотины. Будь она проклята за свой лжехристианский пафос, за всю свою теорию и практику, догматику и аскеттику. Но пусть будут помилованы те, кто не устоял перед ее натиском и кого затянуло в ее глубокую воронку, подобную омуту на воде.

Завтра обманутые крестьяне будут жечь усадьбы. И завтра едва умеющий читать рабочий под действием прокламаций начнет выворачивать из мостовой свое оружие — булыжник. А сегодня обедневшие дворяне еще пьют

на террасах чай, еще мечтают о нездешней любви и бренчат на расстроенных гитарах. Они поют о том, как в «измученной груди» бушуют «роковые страсти». Закрывая глаза, они поют «Отвори потихоньку калитку», а прислуга глядит на них исподлобья и уже не спешит явиться по первому зову. Скоро слова «Ступай, милейший» или «Поди прочь, болван» исчезнут из лексикона. Их место займут фраза, унесенная с митинга, и крепкое словцо из подворотни.

Но редкий барин сегодня чувствует это, и завтра жизнь будет наказывать его за бесчувствие.

Революция — это женщина. Больше того, она — языческая богиня. На ее шее, как у богини Кали, ожерелье из черепов. Пощады она не знает. Вся она — смесь одинаково ненасытных жестокости и сладострастия. Чаша мерзостей в руках Вавилонской блудницы из Апокалипсиса не полна ли именно этой смесью? Когда чужие дети были сожраны, а ненасытное чрево еще не наполнилось, с какой холодной жестокостью она стала пожирать собственных исчадий! И зря они плакали перед ее немигающим взглядом, зря клялись ей в верности, зря вспоминали о своих заслугах перед ней.

прот. Александр Ткачев...

Она сожрала их всех одного за другим. Сожрала со вкусом, разгрызая черепа, перекусывая позвоночники, сыто отрывивая на виду у тех, кто ожидал своей очереди...

Сколько энергии высвободила эта сатанинская пляска. Если расщепить атом, то высвобожденной энергии хватит, чтобы расщепить находящийся рядом другой атом. А тот, в свою очередь, расщепит следующий. Реакция станет цепной, и что из этого выходит, знают все родившиеся во второй половине XX века.

Если растлить душу одного человека, то энергия разложения будет способна отравить и разложить другую, рядом находящуюся душу. Эта реакция тоже может быть цепной. И если Пирогов называл войну «эпидемией травматизма», то революцию можно назвать «эпидемией душевного растления».

Сколько поколений жителей Хиросимы будут болеть от того злосчастного взрыва? И сколько наших поколений еще будут болеть от последствий той эпидемии, чья вспышка надолго окрасила небосклон в красный цвет?

Может, не надо об этом думать? Может, это уже то прошлое, которое не стоит ворошить? Не думаю. Если событие это изменило жизнь всего, без исключения, мира, то разве мож-

но, оглядываясь назад, его не заметить? А заметив, разве можно его не рассмотреть пристально? Да и разве, случись все сегодня, не нашлось бы в нынешнем «человеческом материале» вдоволь горючего вещества для подобного пожара?

Как только в воздухе запахнет погромами и грабежами, неизвестно из каких щелей в огромном количестве выползают хамы и подонки. Все те, кто обижен на жизнь; все те, кто завидует ближнему; все непризнанные гении, все достойные лучшей доли. Все те, кто давно знал, что во всем виноваты (в зависимости от ситуации) капиталисты, коммунисты, евреи, негры, христиане, кто угодно. Подобного элемента было полно в 17-м году, полно его и сегодня. Причем полно и у нас, и в любой другой стране.

Неужели мне не вглядываться в черты этого дракона? Он издох, но вдруг он отложил яйца, и вдруг эти яйца уже трескаются под напором изнутри?

К кому-то революция пришла из недр его повседневной жизни. Спустилась с чердака, выбежала из его собственной спальни, пьяная, выползла из дворницкой. А к кому-то она пришла в виде экспортного товара (была же

прот. Александр Сташев...

такая теория «экспорта революции»). Но не надо винить других, не надо называть других обманщиками или оккупантами. Революция, как сифилис, передается только интимным путем. Неважно, кто заболел первым. Если ты тоже болел, значит, ты тоже развратник.

Можно плевать в революцию латышской слюной, грозить ей немецким кулаком, жаловаться на нее, плача украинскими слезами. Зря. Поздно. Сами во всем виноваты. Все!

Они были лучше нас, те, кто пережил две мировых, одну гражданскую, продрозверстку, стройки века, лагеря, психушки, скудную жизнь без всякой перспективы. Если бы это легло на наши плечи, история закончилась бы на нас. Мы бы этого не вынесли. Мир и не должен был это вынести. Он должен был кончиться, и революция делалась сознательно как рукотворный конец истории. Но чудище просто захлебнулось кровью и остановило свое победное продвижение. При этом кровь многих жертв была столь обжигающе чиста, столь непохожа на химический состав обычной грешной крови, что чудище почувствовало дурноту. Оно, привыкшее питаться грязью, грехом и прахом, отравилось съеденной чистотой. Поэтому мир продолжает жить, и дети

катаются на каруселях, а мамы, улыбаясь, наблюдают за ними.

Я не могу представить войну. И не хочу представлять. Но я могу представить неожиданный стук в дверь среди ночи. Могу представить, как вскакивают с кроватей и покрываются липким потом жители дома, под утро услышавшие визг тормозов у своего парадного. И разлука с близкими, мучающая до тошноты, и вся страна, поющая блатные песни, потому что полстраны в лагерях. Это и многое другое я могу представить. И не надо мне говорить, что «это не повторится». Не надо. Потому что революции, как скользкие гадины, выползают из развратного либерального чрева, а мы влюблены в либерализм. Потому что притупленные удовольствиями нервы требуют особых наслаждений. И конечный предел наслаждений для грешника — это дикое насилие и невообразимый разврат. А потом — самоубийство. Все это, собственно, и есть революция, если лишить ее шутовского наряда, сшитого из громких фраз.

Из газетных хроник и телевизионных репортажей мне видно, что мир болен именно этим.

Тебя, революция, извиняет только твоя неизбежность и, может, еще твоя безликая суть.

прот. Александр Стахов...

Ведь ты и вправду — «призрак, бродивший по Европе», а теперь уже и по всему миру. Но это не извиняет твоего идейного творца и вдохновителя. Он уже справедливо проклят Богом, и ничто, кроме огненного озера, его не ждет. И это не извиняет твоих рекрутов, которые готовы лить чужую кровь и чью кровь ты сама прольешь непременно.

Я помещаю свой чернильно-бумажный крик в пустую бутылку и запечатываю горлышко сургучом. Быть может, носимая волнами, она ударится о борт парохода, плывущего в светлое будущее. Может быть, из любопытства ее выловят, распечатают и прочтут содержимое.

Адреса своего я в письме не оставляю. За мной плыть не надо. Надо только прочесть письмо. Пусть не всем. Пусть только в кают-компании. А вдруг капитан заинтересуется содержимым и на следующее утро изменит курс.

Сказка о Рукавичке похожа на притчу о сердце. Потерял дед рукавичку, и залезло в нее множество разной живности. Сначала лезли те, чьи размеры сопоставимы с размерами

рукавички: комар-пискун, мышка-норушка, лягушка-квакушка. Затем незаметно для нашего сознания в рукавичку залазят те, кто намного больше ее размеров: зайчик, лисичка, волк. Абсурд становится очевидным, лишь когда в рукавичку залазит медведь и она рвется. Оказывается, мы спокойно слушали сказку со всеми этими «кто-кто в рукавичке живет?» и не замечали, что уже давно пересекли грань между возможным и невозможным.

А при чем здесь, спросите, сердце? А при том, что в нем живут вещи невозможные и неожиданные. Если не боитесь поднять грязь со дна, постучите в свое сердце, спросите: «Кто-кто в рукавичке живет?» Будьте готовы услышать и лай, и рычание, и кваканье.

Бог — это Тот, Кто смотрит тебе в лицо, куда бы ты ни повернулся. Его не бывает больше или меньше. Для Него нет «вчера» и «завтра». Он неизменен и вечен. Существо простое и блаженное, живущее в вечном «сейчас».

Его нужно полюбить всеми силами души и этой любовью заквасить муку своего естества, превратить естество в единое целое, в некое тесто, из которого Он будет печь сладкий хлеб.

Без любви к Богу человек говорит одно, делает другое, думает третье. Нет целостности. Нет целомудрия, а значит есть блуд — блуждание в потемках. Ложь признается за истину, истина не замечается. Возникают «боги» с маленькой буквы — ложные цели, ложные идеалы, жаждущие полного себе поклонения.

«Богом» с маленькой буквы могут быть вещи хорошие: наука, искусство, дети... Но любовь к ним все равно — блуд, если над всем, что мы любим, не сияет царственная заповедь: «Помни Господа Бога твоего всегда».

*Вода сквозь пальцы и песок в часах —
Вот образ жизни, движущейся прямо
И не умеющей петлять. Сокрыв в усах
Ухмылку едкую, шепчу тихонько: «Мама»,
Без всяких чувств, без всякого «спаси».
Все к смерти безразлично на Руси.
Кто нас родил, давно о нас забыли.
Болезни, знаете ли, страхи, то да се...
Нас со стола рукой, подобно пыли,
Стирает жизнь. Пиши о нас, Басе.
Как по весне порывом ветра вишня,
Оборваны, и мы из мира вышли.
Грусть грусти рознь. Одна — дитя порока,*

Другая — плод желанья перемены.
Ты — овощ. Посиди в земле до срока.
Не пей мышьяк. Не порть ножами вены.
Устали все. Терпи, браток, терпи.
Смерть только сон.
Ты засыпаешь?
Спи...

Не вставая с места, можно двигаться. Вы не верите? Но вы же движетесь — вместе с Землей вокруг Солнца и вместе с Солнцем внутри Галактики. С этим нельзя спорить, это доказано. Но это движение космическое и механическое. А есть движение духовное.

То есть ты сидишь на месте под тенистым кленом в городском саду. Твой взгляд не блуждает по детям, сидящим в колясках, и по мамашам, собирающимся в стайки и болтающим «о своем, о девичьем». Взгляд твой вообще отсутствует, так как глаза у тебя закрыты.

Ты думаешь о смерти и движешься к ней, как к порогу, за которым начнется нечто новое. Движешься умом, заранее, до прихода настоящей смерти. Когда она придет, будет поздно. Флоренский говорил, что человек умирает однажды и не успевает приобрести опыт. Таким образом, он умирает неумело и неискусно. Это страшно. Нужно готовиться к смерти заранее, чтобы войти в нее красиво и без стыда.

И вот, ты, закрыв глаза, сидишь и думаешь о неизбежном будущем, вздрагиваешь от прошедшей по коже дрожи и твердишь в уме два слова: «Господи, помилуй». Это настоящее

движение. Осознанное и свободное. Добровольное и смелое. Движение туда, куда тебя пока не звали, но непременно позовут, и куда войти нужно будет с молитвой.

Проходящие мимо думают, что ты спишь. Если им скажут, что ты движешься и трудишься, они рассмеются. Это неважно.

Скоро ты «проснешься», как Штирлиц, привыкший отдыхать быстро, и поспешишь по делам. Но та пара шагов, которую ты сделал в сторону вечности, не пропадет даром.

Молодой священник совершил отпевание. За телом приехал автобус, и священник уже стоял на улице, ожидая, когда вынесут усопшего.

— Ну что, твой Бог людей все забирает?

Спрашивал невысокого роста худощавый и живенький старичок.

— Почему «мой»? — спросил священник. — Он для всех — Бог.

— Нет, — с каким-то дерзким азартом ответил старик. — Мой бог вон идет, — и кивнул головой в конец улицы. Там, шагах в двадцати от священника и старика, цокала каблуками по мостовой стройная девица в очень коротком и обтягивающем платье.

В дверях парадного показался гроб, плывущий на плечах носильщиков. Священник запел Трисвятое. Старик, странно улыбаясь, быстро пошел в сторону удалявшейся девицы, как будто хотел ее догнать.

Необходимо вдуматься в слова Христа о птицах небесных. Они не сеют и не жнут, они не собирают в житницы. Но они вовсе не беспечны и тем более не ленивы.

Птица встает рано, чистит носик и по-своему молится Богу — поет. А затем непрестанно трудится: строит гнездо, ищет корм, стережется хищников. Бог дает ей червячка в пищу и прутик для гнезда. Но птица не может запастись червячков в холодильнике, не может сдать гнездо в аренду, чтобы с этого жить. Она ежедневно трудится и ежедневно нуждается в помощи Отца Небесного.

Как это резко контрастирует с духом нашей жизни. Человеку хочется застраховаться, обезопаситься. А любое, самое краткое евангельское изречение, если в него вдуматься, зовет нас к подвигу и отнимает самонадеянность.

РАБСТВО

Напился сладкого вина. Как сторожевой пес, постаревший, потерявший зубы, отложил свирепость и голову свою уткнул в женские колени.

Убаюкался воркованием, тихим и нежным голосом. Позволил гладить себя по голове. Позволил запустить себе в кудри белые тонкие пальцы.

Тряпка. Глупец.

Эти пальцы утром вынесут твою не протрезвевшую голову из шатра. А пьяное и обезглавленное твоё тело, так и не дождавшееся ласки, останется лежать там, где ты вчера пил. Там, откуда ты выгнал вчера гуслистов, потому что голос Иудифи показался тебе слаще музыки.

Чего стоят все твои военные победы после такого жуткого и позорного поражения?

Красивая женщина. В одной ее руке меч, а в другой — твоя голова, Олоферн. Над кроватью каждого женолюбца стоит повесить литографию любой из бесчисленных картин, изображающих ее триумф и твоё унижение.

Насколько лучше тот, юный и стройный, умный, особенный, проданный братьями в рабство из зависти. Женщина старше его

возрастом, женщина, родившаяся под знойным солнцем языческого Египта, пожелала его красоты. Она, жившая в роскоши, знавшая толк в удовольствиях, украшенная и благоухающая, могла ли подумать, что этот юный раб окажет ей сопротивление?

В нем все — слабость. Она вся — ловушка, сеть, яма, на дне утыканная копьями.

Убегает ли мужчина от женской ласки? Не горит ли и без того в юноше огонь непонятных желаний? Может ли раб говорить хозяину «нет»? Однако он сказал. И добавил: «Как же сделаю я сие великое зло и согрешу пред Богом?» (Быт. 39:9).

Царствовать над Египтом не так почетно, как одержать подобную победу.

Да и кто еще достоин власти над другими, как не тот, кто властвует над собой?

Ведь можно руками растерзать молодого льва и можно ослиной челюстью убить в бою тысячу человек, а непобедимость свою потерять не от ран и не от ударов врага. От ласковых слов публичной женщины, от ее уговоров может размякнуть сердце, и тогда бойся, Самсон. Как барана, остригут тебя, и вместе с упавшими на землю прядями волос упадут в прах и твоя сила, и твоя тайна.

Прощай тогда солнечный свет: выколют тебе глаза враги, и вместо вьючного животного будешь вращать мельничное колесо.

«Не велик ли царь властью своею? Не боятся ли все страны прикоснуться к нему? Я видел его и Апамину, дочь славного Вартака, царскую наложницу, сидящую по правую сторону царя; она снимала венец с головы царя и возлагала на себя, а левою рукою ударяла царя по щеке. И при всем том царь смотрел на нее, раскрыв рот: если она улыбнется ему, улыбается и он; если же она рассердится на него, он ласкает ее, чтобы помирилась с ним. О мужи! Как же не сильны женщины, когда так поступают они?» (2 Езд. 4:28–32).

И Давид, прогуливаясь под вечер по кровле царского дома, увидел купающуюся женщину. А затем были незаконные объятия, подстроенное убийство ее мужа, смерть первенца, родившегося от прелюбодеяния... Затем родился псалом, который читаем все мы, когда хотим покаяться перед Богом.

И разве не искусная пляска бесстыжей девицы исходатайствовала смерть Предтече и проповеднику покаяния?

Прежде чем меч исторгся из ножен, одобрительные восклицания исторглись из сердец

разгоряченных мужчин — гостей Ирода. И прежде чем померкли Иоанновы очи, их глаза сияли всеми огнями пламенеющей похоти.

И куда ни глянь, куда ни кинь грустный и внимательный взгляд, везде увидишь похоть, идущую в обнимку с кровопролитием, предательством, обманом.

Мудрых много, сильных много, а Иосиф один. Украшенный невинностью, сидевший в темнице за целомудрие, он более других прообразует Христа, родившегося от Девы.

Собирайтесь вместе, Олоферн, Самсон, Давид, Амнон, Зоровавель. Подходите ближе, Иродовы гости. Идите все, кто увяз в наслаждениях и за малую сладость вдоволь наелся полыни. Послушаем мудрейшего из людей, того, кто первым построил Богу храм, того, в чьем царстве золото было по цене меди. Он тоже был сластолюбцем. Триста жен и семьсот наложниц были к его услугам.

В старости среди прочих мудрых слов уста его произнесли следующее: «И нашел я, что горче смерти женщина, потому что она — сеть, и сердце ее — силки, руки ее — оковы; добрый пред Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею» (Еккл. 7:26).

Златоуст сказал однажды: «Все зло — от незнания Писания». Можно переформулировать максимум святого отца и сказать: «Все зло — от неправильно понятого христианства». Христианство возвестило миру свободу, равенство и братство: свободу от греха, равенство перед Богом и братство всех людей, имеющих общего Отца.

Но если Бога забыли, а от веры остались только слова, то свобода, равенство и братство теряют свой правильный смысл. Блудник и насильник грешат, говоря о свободе. Бунтарь поднимает мятеж, рассуждая о равенстве. Мнимое братство рождает такую вражду, какая не снилась многодетной семье, вступающей в право наследства над маленьким полем.

В космос, политику, бизнес устремилась женщина. За ее спиной остались распавшиеся или несозданные семьи. Не трожьте ее. Это плата за равенство с мужчиной.

Люди меняют пол, прошивают все тело железом, травят душу и тело дурманом. Не смейте им возражать. Это — «свобода».

Гермафродиты в пирсинге и татуаже, без семьи и детей, без истории и веры хотят, чтоб весь мир был похож на них. Хотят, чтобы все

покинули джунгли и шалаши и залезли в ночные клубы курить дурь и резать вены. Это в их понимании всеобщее равенство и счастье, подаренное цивилизацией. Это будет великое братство безразличных друг другу людей, в тайне сердца ежедневно удивляющихся: почему на них до сих пор не обрушилось небо?

СВОБОДНАЯ СТРАНА

Судья стоял у широкого офисного окна и вытирал скомканным платком мокрый от пота затылок. За глаза все, кто знал его, называли его «бульдогом». Его и нельзя было иначе назвать, стоило только раз увидеть его сзади.

— Что там еще на сегодня? — спросил он у секретарши и пробормотал про себя: «Адская жара».

— Один священник из греческой церкви, той, что на окраине города, — сказала секретарша, не поднимая глаз. Все знали, что шеф не любит жару и страшно зол, когда потеет.

— Вшивые эмигранты. Моя бы воля, выставил бы их всех из страны в 24 часа.

Он провел мокрым платком по шее под подбородком и брезгливо поморщился, будто раскусил лимон.

— Может, открыть окно? — спросил он у секретарши.

— Нет, шеф. В помещении + 28, а за окном все +35.

— Ну да, да. Так что этот греческий поп?

— На него опять жалоба, шеф.

— От кого? Опять из экологического надзора?

— Нет. На этот раз из этического комитета.

«Бульдог» порывисто развернулся и подошел к секретарше. Та заметно съежилась и подняла на него глаза, изобразив на лице выражение покорности и страха.

— Что за новости? Мало мне было возни с экологами и пожарниками?

Широкими шагами он промерил комнату взад и вперед по диагонали. Руки его были заложены за спину, а губы гневно шевелились, выдавая бушующий в душе огонь.

— Что еще он учудил?

— Я не знаю, шеф. В этический комитет пришли три жалобы от прихожан. Дескать, священник груб и не толерантен к людским слабостям.

— Зови его сюда.

Секретарша поспешно вышла и уже через десять секунд вошла обратно. Вслед за ней в кабинет вошел невысокий человек лет пяти-

десяти от роду, одетый в длинную одежду до пола, с длинными рукавами, закрывающими кисти рук. Он, казалось, вобрал голову в плечи, хотя в глазах страха не было. Напротив, в глазах была смелость и любопытство.

— В который раз вы приходите ко мне в качестве ответчика? — «Бульдог» цедил слова, сдерживая гнев и придавая себе лишней значительности.

— Третий.

— Разве Писание не говорит быть покорным властям? Разве весь Новый Завет, который вы день за днем проповедуете, не говорит о смирении?

— Да, Ваша честь. Но мы ни в чем не погрешили против властей и ни в чем не проявили гордыню.

— За что вас вызывали в прошлый раз?

— Экологический комитет счел опасным то, что мы разжигаем на службах кадило. Они установили в нашем храме аппаратуру, которая реагирует на дым. Все вроде для нашей пользы и безопасности, но служба лишилась кадильного благовония.

— На кой черт ваше благовоние?

— Осмелюсь сказать, Ваша честь, что черт как раз нашего благовония боится.

— Ладно. А в позапрошлый раз?

— Пожарники заставили нас тушить на службе свечи.

— И вы потушили?

— Мы потушили их, а затем снова зажгли. Мы нарушили предписание, но поймите: храм без живого огня — уже не храм. Кроме того, и в синагоге, и у кришнаитов разрешается зажигать огонь, и только у православных это запрещено.

— Я тоже христианин, но у меня в доме собраний лампы электрические. — «Бульдог» ненавидел религию и только ради мамы, которую очень любил, ходил по воскресеньям на баптистские собрания.

— Нашей вере больше двух тысяч лет, и в ней всегда было место светильникам, — видно было, что священник готов говорить больше в защиту веры, но сомневается, поймут ли его.

Мощный, размеренный и устрашающий звук работающих лопастей проник в кабинет сквозь закрытые окна. На крышу соседнего небоскреба садился вертолет. Закатное солнце пульсировало в мельнице его большого винта и порциями бросало малиновый свет в окна «бульдожьего» кабинета.

— Что теперь?

— Я не знаю.

— Что теперь? — судья повысил голос и повернулся в сторону секретарши.

— Одно заявление, — лепечущим голосом произнесла девушка, — касается того, что священник неуважительно отозвался о любителях домашних животных, а второе того, что он ругал на службе гомосексуалистов и лесбиянок. — Последнее слово она произнесла совсем тихо и, произнеся, густо покраснела.

— Это правда?

— Ваша честь. Я всегда говорил, что человека нужно любить больше, чем кошек и канареек. Можно шить собакам тапочки и спать с ними в обнимку, но при этом ни разу не пойти к больному родственнику в больницу. Это неправильно.

— А эти, как их там? Ну, эти?

— Гомосексуализм — страшный грех. Он, как магнит, тянет на себя наказание от Бога. Если угодно, я говорю об этом в целях национальной безопасности.

— Ха-ха-ха! Греческий приبلуда окопался в нашей стране и переживает о ее безопасности! — Судья подошел к священнику вплотную и сверху вниз презрительно посмотрел на

него. — Я вижу вас насквозь и ненавижу вас. Я ненавижу ваш церковный запах, вашу нелепую одежду, вашу бороду, ваши проповеди, хоть я их и не слышал. Я ненавижу законы нашей страны, запрещающие мне отвертеть вам, как цыпленку, вашу упертую башку!

Священник не изменился в лице, только опустил голову и закрыл глаза. Судья два раза сжал и разжал тугие кулаки и отошел к окну. Ему хотелось одним ударом справа сломать этого тщедушного эмигранта. Но он был судьей, а не тюремным надсмотрщиком, поэтому кровь пульсировала у него в висках и не находила выхода.

Солнце спряталось за крышу соседнего небоскреба. На улице стало чуть свежее. Судья открыл окно и, не оборачиваясь, сказал:

— Вы заплатите очередной штраф. Но это — в последний раз. Еще одна жалоба, и я закрою ваш эмигрантский клоповник, а вас на год посажу в тюрьму за злостное противление закону. Идите.

Священник вышел и неслышно закрыл за собою дверь.

— Сволочь, — сквозь зубы процедил «Бульдог». Секретарша испуганно покосилась на его мясистый затылок.

Судья открыл шире окно и посмотрел вниз. Люди с высоты тридцатого этажа казались маленькими, как муравьи. Зажглись фонари. Сновали туда-сюда машины.

— Гляди, гляди! — судья что-то увидел внизу и позвал к себе секретаршу.

Та выглянула из окна. Внизу по тротуару ползла ленточка людей в одежде одинакового цвета. Они что-то пели и бренчали не то колокольчиками, не то тарелками. «Кришна, Кришна... Харе, харе...», — слабо доносилось снизу.

— Все-таки у нас свободная страна, — сказал «Бульдог», широко улыбнувшись. Он закрыл окно и игриво ущипнул секретаршу. Та вздрогнула и глупо улыбнулась в ответ. Рабочий день окончился.

Молодые девчонки напряженно и гордо идут по жизни, как будто шагают по подиуму. Кому и что они доказывают — неясно.

Ясно одно: постареть и умереть придется. И Страшный Суд неизбежен.

Ах, так ты... — Я без души

Лето целое все пела. —

Ты все пела? Это дело.

Так поди же попляши!

Девочки, читайте Крылова и апостола Павла.

прот. Александр Сташев...

207

Когда захочешь погордиться и задрать нос так, как это делают люди, принимающие на пляжах солнечные ванны, вспомни, что кубометр земли скроет тебя от солнечного света и тесная дощатая келья приютит твои кости до дня Великого Суда.

Но если захочешь раскиснуть, вспомни, что Господь говорил через Серафима Вырицкого одному из уставших и измученных: «Ты драгоценен в очах Моих».

Таков человек. Затерянный в одном из уголков огромного мира, испуганный, он смотрит в Небеса с надеждой, и на него в это время внимательно смотрит Бог.

Поэты знают об этом.

«Ты держишь меня, как изделие, и прячешь, как перстень, в футляр», — писал Пастернак. И Тарковский подхватывал эстафету Паскаля и Державина:

*Я человек. Я посредине мира.
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.
Я между ними лег во весь свой рост.
Два берега связующее море,
Два берега соединивший мост.*

Люди упорно и постоянно спорят с Евангелием. Господь говорит, что мы не можем сделать белым или черным ни один волос, а косметическая наука говорит: можем.

Господь говорит, что мы не можем увеличить свой рост на локоть. Можем, — говорит хирургия.

Скоро малые дети — испорченный плод испорченных родителей — станут вовсе чужды чистоты и невинности. Тогда люди самую жизнь перечеркнут евангельские слова о том, что таковых есть Царство Небесное.

ЯБЛОКО

Вот яблоко — фонтан ассоциаций.

Во-первых, рай и шепот из листвы,

Доверчивая, бедная праматерь,

Ведущая беседу с хищным змеем.

Один хрустящий непозволённый откус,

И затрещала пленка в аппарате.

«Мотор», — скомандовал незримый режиссер.

Пошла сниматься киноэпопея

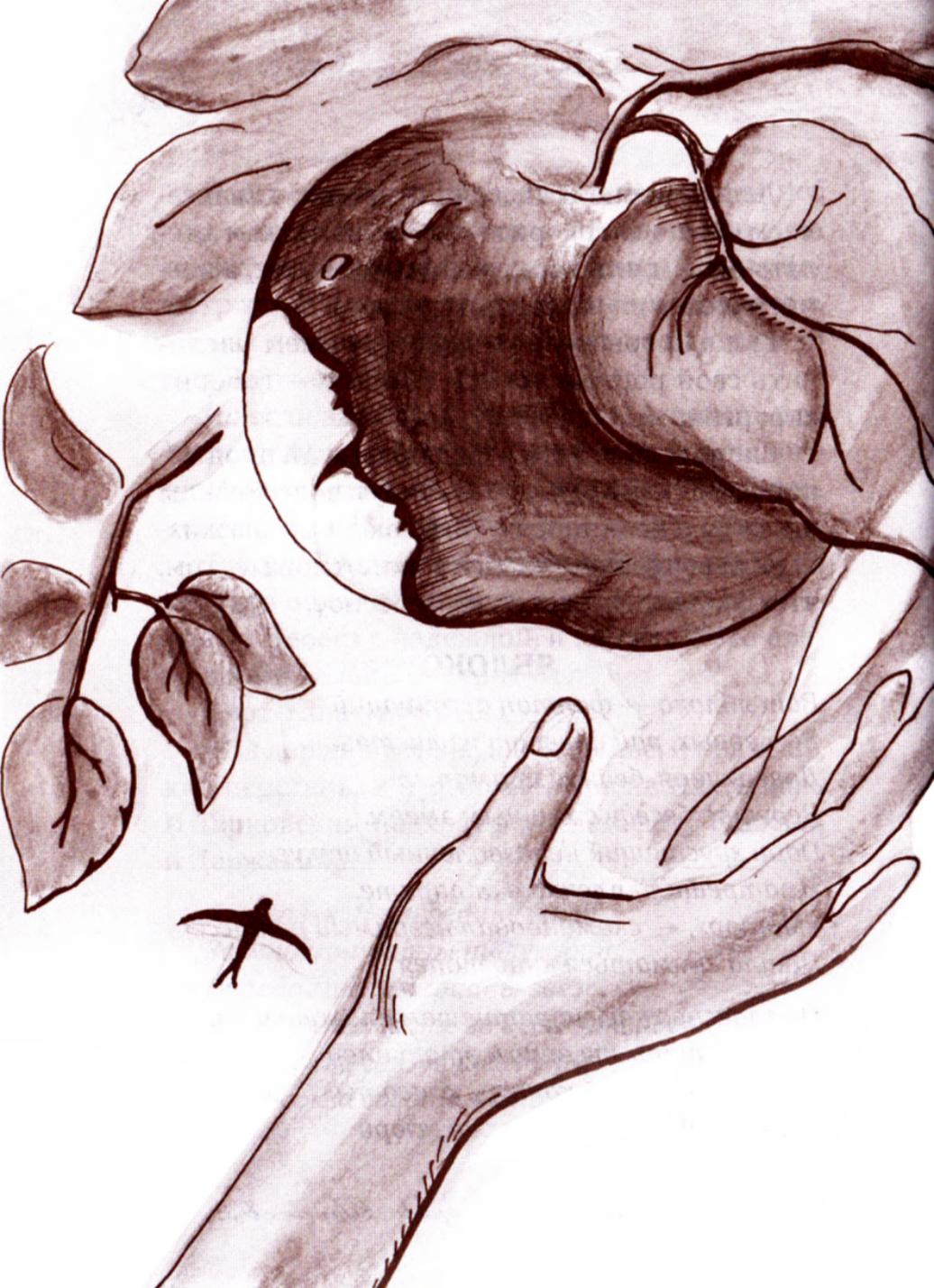
О человечестве, утратившем блаженство.

Затем опять мы видим этот плод

И самый древний конкурс красоты,

Где олимпийцы ссорятся в жюри

прот. Александр Стаханов...

И спорят, кто красивее из смертных.
Елена победила, но ее
Победа породила реки крови.
Надулись туго паруса ахейцев.

Вся Троя собирается на стены
И смотрит вдаль. На море виден флот.
Он просто так не уплывет назад,
Пока вороны всласть не наедятся
Телами воинов порубленных, пронзенных...
И снова яблоко. Мичурин ставит опыт
И хочет вырастить его на старой груше.

Он верит во всесилие прогресса.
О том, что был Адам, и змей, и древо,
Его эпоха напрочь позабыла.
А рай теперь хотят построить сами,
Причем не лиственный, а железобетонный...
Эпоха в страшных муках околела,
Надолго оставаясь разлагаться
Под жарким светом желтого светила.
Светило греет землю и дает

Возможность жить и людям, и животным.
Растет трава, желтеет колос в ниве.
Туристы рассыпаются по пляжам,
Чтоб загорать. И яблоки растут
Во всех садах и клонят ветки книзу.
Растут плоды, цветут воспоминанья.

Если хочешь учиться, весь мир станет учителем. Чему учит поезд? Опоздал на минуту — потерял все. А телефон? Сказал здесь — слышно там.

Какой великий учитель — молодая картошка! Чистить ее легко. Тонкую кожицу слегка поскоблил, промыл — и в кастрюлю. А стоит дать ей постареть в земле — и до белого тела доберешься не иначе, как срезая кожу вместе с грязью. И человеку работы больше, и картошке больней.

Так и грех, неизбежный для всех людей, скоблить нужно смолоду. Иначе он впитается в плоть и кровь, и для очистки души нужно будет срезать с нее целые пласты.

ОНА ВЕДЕТ СЕБЯ ВЫЗЫВАЮЩЕ...

Она ведет себя вызывающе, иногда просто нагло. Может прийти без предупреждения, войти без стука. Не любит, чтобы о ее приближении узнавали заранее. Впрочем, как ни узнавай, к ее приходу трудно приготовиться, трудно расплыться в улыбке, открывая ей дверь. Как-никак она, смерть, — фигура важная и требует, чтобы говорили о ней, понижая голос, как в присутствии большого начальника.

Понимая, что встреча с ней неизбежна, я давно хотел взглянуть в ее черты. Узнаваемое зло не так страшно. Именно для пущей страшности зло одевается в тайну и неизвестность. Оно само боится прямого и немигающего взгляда в упор. Потому хотелось приподнять ее капуцинский, скрывающий лицо капюшон. Хотелось взглянуть в ее пустые скелетные глазницы и, может, с удивлением увидеть вместо зияющих в черепе дыр умные и красивые глаза, полные сострадания к тем, кого она вырывает из жизни, как морковь из грядки, ежесекундно.

Я не могу быть с ней игрив. Она не Гюльчатай, и ей не скажешь: «Открой личико». Она — раба Божья и идет не туда, куда хочет, а куда прикажут. Люди, покорные Богу, ждут ее с молитвой, и только к ним она входит тихо и осторожно, потому как и сама боится Того, Кому эти люди служат.

Она носится вокруг нас, как ветер, она быстродвижна. В секунду времени ей нужно быть то у одной постели, то у другой, то возле аварии, то на поле битвы. Ей можно крикнуть: «Постой! Я знаю: ты рядом!» Но я не кричу. Страшно. Хотя мне есть о чем ее спросить.

Она забрала многих, кого я люблю. Она отделяла души от тела и целовала холодный лоб,

который и я целовал, когда он был теплым. Она провожала души на суд. Спрашивать ее об их загробной участи глупо. Ведь смерть — не хозяйка вечности, а лишь привратник, переводящий души через порог.

Однажды она сама пришла ко мне, и вот что я помню из краткого того разговора. По моей спине пробежал колючий холод. Голос предательски срывался, и заметно подрагивали руки.

— Со мной не бывает дружбы, — сказала она. — Я так же бесстрастно приду к тебе, как и к другому, хотя ты говоришь со мной, а кто-то ни разу обо мне не думал.

— С тобой знакомят риск, скорость, экстремальный спорт?

— Это — глупость глупых. Я серьезна.

— А мистерии древних, египетские, тибетские книги, они важны?

— ?!

— Ну все, кто хотел убежать от тебя, побороть тебя?..

— Один только победил меня. Он — мой Хозяин и твой. Ему служи, и Он о тебе позаботится.

— А те, которых я не могу забыть, как они умирали?

- Мы долго говорим. Меня уже заждались.
- Послушай, но...
- До встречи.
- Когда?
- До неизбежной встречи.

Она ушла, а я так и не поднял ее капюшон. И кистей рук ее я не видел, их закрывали рукава одежды. Но голос, голос я помню. Он не старушечий, не скрипучий и не могильный. В нем нет завываний. Спокойный, ровный голос, какой может принадлежать и юноше, и взрослой женщине.

Нужно было спрашивать о главном: о тех, кто встречал ее без страха, что нужно сделать, чтобы ее не бояться... Да мало ли о чем можно было у нее спросить? Но даже на первом свидании с девушкой лепечешь не то, что хочешь, и выглядишь полным идиотом. Тем более на первой встрече со смертью.

Мы с ней неминуемо встретимся снова. Она, исполняя долг, сделает вид, что меня не помнит, и, как мастер, приступит к делу. А мне до этого дня нужно будет многое исполнить и многому научиться, чтоб ее не бояться. Ведь отдавать себя в ее руки нужно так легко, как отдает таможеннику паспорт человек, улетающий за границу на отдых.

прот. Андрей Стаков...

*Точное имя ада — не «больно»,
не «страшно», А — «поздно».
Когда мы с тобой воскреснем,
Мы будем смотреть на звезды.*

*Богу в глаза посмотрят
Все люди. Все — без изъята.
Когда мы с тобой воскреснем,
Я не разожму объята.*

*Я буду самый счастливый,
Счастливей, чем все на свете.
Когда мы с тобой воскреснем,
С нами воскреснут дети.*

Резиновый мяч, с усилием погруженный в воду, тотчас выскочит из воды, как только мы его отпустим. Точно так же мысль о смерти выскакивает из сердца, как только перестаешь ее туда с усилием погружать. Мысль о смерти чужда человеку, и в этом есть тайна. Для того чтобы понять, что ты обязан уйти из мира, как и все остальные, нужно столько же усилий ума, сколько тратит человек, начиная партию с «e-2 – e-4». Но в том-то и фокус, что логические операции — это не жизнь. Это — обслуживание жизни. Сама жизнь нелогична, вернее — сверхлогична. Страшно сказать, но мне иногда и дела нет до того, что одни уже умерли, а другие умрут. Чувство вечности, чувство личного бессмертия живет в моей груди, как цыпленок под скорлупой, и с каждым ударом сердца просится наружу. А что же смертный страх? Он есть? Да, есть. Но это страх суда, это боязнь уйти на суд неготовым. Это предчувствие того ужаса, который охватит грешника, когда надо будет поднять лицо и глаза в глаза посмотреть на Иисуса Христа. Для человека, который не любил Христа и всю жизнь умудрился прожить без Него, других мук не надо. Надеюсь, для любящего все будет иначе.

прот. Александр Стаханов...

217

Трогательны слова акафиста:

*Иисусе, надеждо в смерти моей,
Иисусе, жизнь по смерти моей,
Иисусе, утешение мое на Суде Твоем,
Иисусе, желание мое, не посрами мене тогда...*

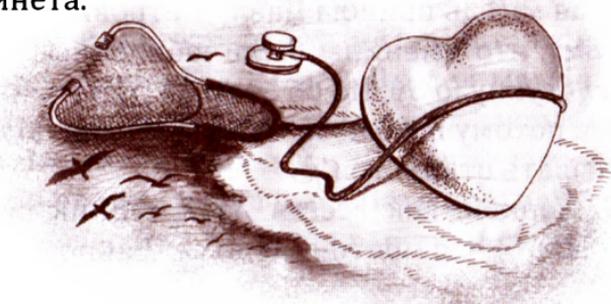
Так, посреди шума костей, сустав к суставу соединяющихся друг с другом, посреди страха от разгибающихся книг и ожидания приговора человек, любящий Христа, будет смотреть на Него с любовью. «Что бы Ты ни сказал мне, — подумает такой человек, — куда бы Ты ни отослал меня, Ты — утешение мое на Суде Твоем».

Чем опасна цивилизация? Например, тем, что дает человеку многие блага и не показывает источник их происхождения. Вода из крана, свет из лампочки, хлеб из магазина... Это похоже на то, как фокусник на глазах малышни достает из бездонной шляпы кролика, курицу, разноцветные гирлянды. Чернокожие в ЮАР говорили в период апартеида: «Скоро мы раздадим всем цветным кредитные карточки, и они будут брать продукты в магазине даром».

Те не понимали, что за простой карточкой стоят сложные товарно-денежные отношения: зарплата, счет в банке и прочее. И современный человек все чаще не понимает, откуда что берется, но только пользуется товарами и услугами и разжигает все больше аппетит.

Пришел однажды человек на прием к кардиологу, а тот не нашел у него сердца. И трубкой слушал, и на ультразвук водил — нет и все! «Где ваше сердце?» — спрашивает доктор. «Там, где мое сокровище», — улыбаясь, отвечает пациент. «Что-что?» — переспрашивает доктор. А пациент открывает Евангелие и показывает страничку, где написано: «Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет».

«Мое Сокровище, доктор, из мертвых воскресло и одесную Отца на Небесах сидит. Там мое сердце». Сказал, надел пиджак и вышел из кабинета.

прот. Андрей Ткачев...

219

СТРАНА ЧУДЕС

Вторую ночь подряд Петрович спал вполглаза. С боку на бок не ворочался и курить не вставал, но просыпался часто. Лежал, глядя на огонек фонаря за окном, и думал. Потом забывался коротким сном, чтобы через час опять проснуться. Его, Павла Петровича Дронова, водителя с 30-летним стажем, мужика, разменявшего полтинник, вот уже вторую ночь подряд тревожили слова, услышанные на проповеди.

Дело было в июле, в день праздника святых апостолов. Петрович, будучи двойным именинником (лично и по бабушке), решил пойти на службу. Во-первых, теща пристала: пойдди да пойдди. Во-вторых, храм в микрорайоне был Петропавловский. А в-третьих: хватит, подумал Петрович, в гараже да во дворе с мужиками водкой баловаться, можно на именины разок и в церковь сходить. Эта неожиданная и благая мысль пришла Павлу Петровичу еще и потому, что именины были юбилейные. Дронову стукнуло 50. Но об этом он думать не хотел, а потому в число причин юбилейную дату помещать отказался.

В церкви, как всегда на праздник, народу было — не протолкнешься. Дронов стоял

возле аналоя с иконой Петра и Павла, и ему, изрядно сдавленному богомольцами, часто передавали свечи с коротким «к празднику». Жара и многолюдство сделали свое дело. Петрович, толком не знавший службы и не умевший вникать в общую молитву, скоро устал и раскаялся в том, что именины праздновал по-новому, а не как обычно. Он бы и ушел давно, но до дверей было далеко, и иначе, как с боем, сквозь толпу прихожан было не пройти. Полегчало, когда запели «Верую». Петрович басил с народом те слова Символа, которые знал, и чувствовал при этом какую-то бодрящую и неизвестную радость, от которой хотелось то ли заплакать, то ли всех обнять. То же повторилось и на «Отче наш». А потом произошло то, что впоследствии отняло сон у 50-летнего водителя Павла Петровича Дронова, человека, сгибавшего пальцами гвоздь-сотку и сентиментальностью не отличавшегося.

Священник что-то сказал из алтаря и замолчал. Завеса закрылась. Вышел мальчик в длинной одежде и поставил перед закрытыми Вратами свечу. Народ как-то сразу засуетился, задвигался, зашушукал. Петрович подумал, что самое время из храма выйти, но услышал

громкое «Во имя Отца и Сына и Святого Духа» и решил остаться. Проповеди он слышал и раньше. Стараниями драгоценной тещи, маленькой старушки, одновременно и вредной, и набожной, Дронов переслушал в машине немало кассет. Великим постом, опять же по просьбе тещи, ходил он воскресными вечерами в храм слушать о страданиях Иисуса Христа. Но проповеди ему не нравились. Не нравился тон, торжественный и крикливый. Не нравились слова вроде «возлюбленные о Господе» или «дорогие мои». Павел Петрович дожил уже до тех лет, когда слова о любви больше раздражают, чем согревают. То, что люди живут по привычке и без радости, то, что никто никого особо не любит, а батюшки исключением не являются, Петрович понимал давно и давно с этим смирился.

Но в этот раз слова священника Дронова зацепили. Священник был незнакомый, видно, пришел в гости на праздник. Видом — не святой, ростом выше среднего, крупный. Помоложе Петровича, но и не «деточка» («деточками» называла теща Петровича тех щуплых и безбородых молодых батюшек, которых так часто можно увидеть в наших строящихся или реставрирующихся храмах).

Священник начал говорить о Петре и Павле, но быстро сменил тему и продолжил уже о Христе. О том, что Христос жив и что Он во веки Тот же. О том, что Он ближе к нам, чем воздух, которым мы дышим, и одежда, которую мы носим. При слове об одежде Павел Петрович повел плечами, почувствовал, как прилипла к спине намокшая от пота рубашка, но вместо духоты ощутил на лице прохладное дуновение, почти дыхание.

Священник продолжал о том, что Христос послужил нам, отдал всего Себя даже до излития крови, и мы теперь тоже должны послужить Ему. «Но где я найду Тебя, Господи?» — громко произнес проповедник и остановился. Храм замер и, затаив дыхание, ждал ответа.

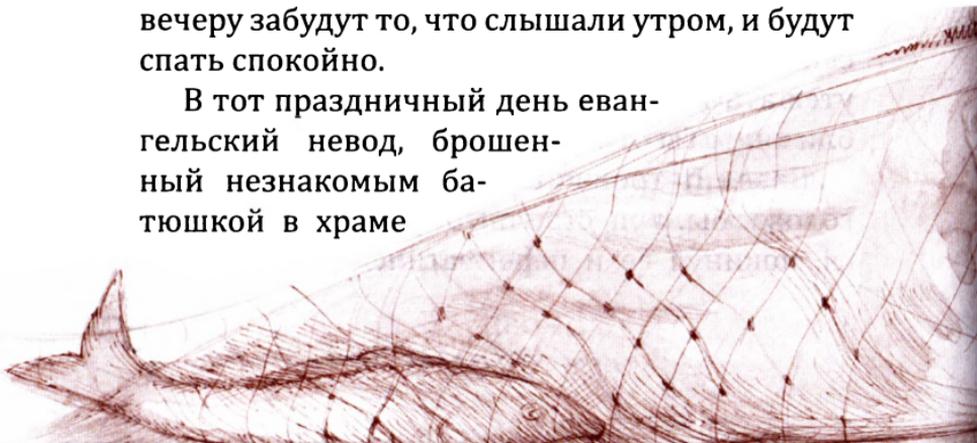
«Ты рядом, — громко продолжал проповедник. — Ты — в каждом ближнем моем. Если Ты в больнице, я могу укрыть Тебя одеялом и посидеть ночь у Твоего изголовья. Если Ты раздет, я могу отдать Тебе свой пиджак или свитер. Я могу защищать и лечить, кормить и утешать Тебя, потому что все сделанное мною ближним Ты отнесешь лично к Себе».

Павел Петрович слушал внимательно. Его голова была пуста, потому что ум, кажется, покинул ее и переместился сантиметров

на 30 ниже. Остановившись где-то в области груди, ум вместе с сердцем впитывал слова священника так, как сухая земля впитывает воду. Проповедь закончилась тем, что батюшка назвал блаженными всех медсестер, милиционеров, пожарных, поваров, — словом, всех тех, кто постоянно учит, лечит, кормит и спасает людей, — словом, ежедневно служит Христу так, как он может служить.

Заканчивал священник уже не так связно и горячо. Один за другим заплакали на руках мамаш несколько младенцев. Народ опять заерзал и зашептал. Священник сказал: «Аминь», и как-то боком, неловко вернулся в алтарь. Вскоре отодвинули завесу, и началось причащение. А Петрович вышел в образовавшийся проход и, перекрестившись на храм, пошел домой. Он не знал, да и не мог знать, что он был единственным человеком, проникшимся словами проповеди. Все остальные прихожане к вечеру забудут то, что слышали утром, и будут спать спокойно.

В тот праздничный день евангельский невод, брошенный незнакомым батюшкой в храм

Петра и Павла, вытащил из глубины на берег только одну рыбу. Этой рыбой был отпразднованный 50-летие Павел Петрович Дронов, таксист с 30-летним стажем, человек, не отличавшийся сентиментальностью.

Вторая ночь раздумий уже близилась к рассвету. «Не хирург, не офицер, не учитель», — думал про себя Петрович, перебирая в голове список профессий, основанных на человеколюбии.

— Я — таксист! — вдруг громко сказал, почти крикнул Дронов и сел на кровать, ти-

хо добавив: мать твою... От звука его голоса проснулась жена и, не открывая глаз, сонно затараторила:

— А? Что? Паша, что случилось?

— Ничего, спи.

Дронов пошел на кухню за сигаретами, закурил и вышел на балкон (курить в квартире категорически запрещала теща). Фонари уже погасли. Воздух становился серым, и первые машины уже то и дело пролетали мимо сонных девятиэтажек, шурша шинами и явно наслаждаясь пустотой дороги. Дронов глубоко затягивался и медленно повторял одну фразу:

— Я вожу Христа... я вожу Христа...

Смысловое ударение он делал на втором слове: не лечу, не защищаю, а именно вожу. Он начал представлять себе лица реальных и возможных пассажиров: спешащих на вокзал, не успевающих на работу, целующихся на заднем сидении... Всех тех, кто от привычки к комфорту или от страха опоздать стоит на тротуаре и, вытянув правую руку, с надеждой смотрит на приближающуюся машину Дронова. Они часто сжимают кулак, а большой палец отставляют так, будто стоят не на тротуаре, а на трибуне амфитеатра и дарят жизнь раненому гладиатору.

Дронов не любил пассажиров. В последнее время он заметил, что люди стали более наглыми и вместе с тем жадными. Он докурил и щелчком отбросил окурок далеко от балкона.

— Я вожу Христа, — еще раз, как мантру, твердо произнес Петрович и ощутил смысл произнесенной фразы. Теперь смысл падал на последнее слово, на имя. Тысячи людей, которых он до сих пор возил, по сути, являлись одним Человеком. Только Дронов этого не знал, не думал об этом, а значит, прошлое не считается. Все эти лица, способные составить огромный коллаж, играли роль завесы, перегородки. Они отвлекали своим многообразием и прятали того одного Пассажира, с помощью Которого все можно было собрать воедино и осмыслить. Собственно, Сам Христос играл с Дроновым в прятки. Он ежедневно клал Петровичу в багажник чемоданы и авоськи, торговался за сдачу, просил поторопиться, называл неправильные адреса и терпеливо ждал того момента, когда Петрович, наконец, поймет, кого же он возит.

Петрович понял. Он понял, что теперь нельзя возить иностранцев кругами по всему городу, чтоб содрать с них в пять раз больше денег. Нельзя задерживаться на вызове, проезжать

мимо бедно одетых людей, заламывать непомерные цены. Нужно делать все правильно, потому что это все непосредственно касается Бога. При таком отношении к работе, образно говоря, Дронов мог бы за 30 лет обеспечить место в Раю не только себе, но и своей «старушке» — 21-й «Волге», на которой намотал не одну сотню тысяч километров. Мог бы... Ему 50. В таком возрасте менять жизнь — дело нелегкое.

— И надо оно мне было — переться тогда в церковь? — спросил себя Петрович и пошел в ванную.

Спать уже было поздно, и он решил принять душ. Но горячей воды не было. Смысл жизни, недавно узанный Дроновым, работникам котельни все еще был неизвестен. Им было пока невдомек, что горячая вода в трубах и батареях нужна для того, чтобы Христу было тепло и комфортно. Поэтому аварии случались регулярно, и при многочасовых перекурах ремонт не производился неделями. Петрович умылся, пошел на кухню и поставил чайник на огонь. За окном уже рассвело. День обещал быть ясным. Этот, казалось, обычный рабочий день в своей многолетней шоферской биографии Петровичу предстояло впервые провести по-новому.

Самая простая мысль — возить людей бесплатно — оказалась невыполнимой. Во-первых, боясь подвоха, люди отказывались ехать даром. Они устраивали с Петровичем борцовские схватки, пытаясь засунуть ему деньги в карман, или просто, выходя, оставляли их на сидении. Догонять пассажиров или объяснять им мотивы своего поведения было глупо. Даже супруге Петрович не рассказал о своих внутренних переменах. Он знал: громкие декларации о начале новой жизни заканчиваются поражением в тот же день. Сколько раз он, к примеру, докуривал свою «последнюю» сигарету, обещая бросить курить, но вечером того же дня или через день покупал очередную пачку. Нет, заявлять ни о чем не надо. Кстати, у жены возник бы резонный вопрос: как он будет содержать семью? Дети, конечно, взрослые и живут отдельно, но ведь и они с Татьяной не ангелы: им есть надо. О том, что набожная теща в сердцах может проклясть его за такую странную перемену, Дронов в глубине души догадывался и думать об этом не хотел.

Был полдень первого дня новой жизни. Пять или шесть клиентов своим поведением уже внесли коррективы в планы Петровича.

прот. Александр Стаханов...

Он припарковал «старушку» возле станции метрополитена и вышел, чтобы выпить где-то чашку кофе.

В большом городе трудно найти маленькое кафе. Петровича приютил салон игровых автоматов. Внутри был бар, и там варили кофе. Было накурено, дым висел слоями, как отрезки легкой белой ткани, поднятые ветром. Автоматы мигали и звенели, а возле них, втупившись оловянными глазами в вертящиеся барабаны, сидели люди. Люди проигрывали зарплаты, пили пиво и мечтали обогатиться. Петрович подумал, что эти лудоманы в другое время могут быть его пассажирами, а значит, и они — те, отношение к кому оправдывает или осудит его на Страшном Суде. «Все, что сделали им, Мне сделали». Оговорок в законе не было.

Допив кофе, Дронов вышел на улицу. На светофоре собралась большая пробка. Какой-то старенький «Форд» заглох посреди дороги. «Баба», — с сердцем сказал про себя Петрович. Как любой нормальный мужик, женщин за рулем он, мягко говоря, недолюбливал. Подойдя ближе, он увидел, что капот открыт и под ним, согнувшись, копошится молодой человек. Объезжая его, водилы высовывались в окна и

говорили разные вещи из числа тех, что в кино перекрываются плачущим звуком. Парень не высовывал голову из-под капота, и было ясно, что он не ремонтирует машину, а, имитируя ремонт, прячется от водительского гнева.

Петрович ясно понял, что должен помочь. Но вместе с этим ясным пониманием он ощутил, что помогать совсем не хочет. Изменение жизненных ценностей с комфортом и удовольствием, оказывается, было никак не связано. Петрович вдруг вспомнил одного коллегутахсиста, который стал ходить к адвентистам. «Отвинтисты» — шутя называл их про себя Дронов. Этот коллега однажды часа два впаривал ему, Петровичу, одну простую мысль: с тех пор как он поверил, все проблемы ушли прочь. Курить бросил, матом не ругается, жене верен. А главное — полный душевный комфорт. Петрович и тогда делил услышанное на два. Уж больно жаден был мужик и с приходом в адвентизм от жадности, по-видимому, никак не исцелился. Сейчас же он вспомнил коллегу из-за контраста: у того вера рождала комфорт, а у Дронова — проблемы. Может, они в разных Иисусов поверили?

Короче, Петрович был обязан помочь и во все не хотел этого делать.

— Чего там? — спросил Дронов у водителя «Форда» таким тоном, будто сам был хозяином машины.

— Не знаю, — ответил парень. — Может, свечи, а может, еще что...

— Трос есть?

— Есть.

Водитель «Форда» засуетился, достал из багажника трос и с благодарно сияющими глазами сказал:

— Мне только до моста. Дотянете? Сколько?

Павел Петрович не ответил. Он молча пошел к «старушке», завел двигатель и с трудом стал выруливать туда, откуда можно было взять «Форд» на буксир. Минут через десять они уже ехали — счастливый водитель «Форда» и насупленный Павел Петрович. Когда подъехали к мосту, парень стал рассыпаться в благодарностях и совать Дронову в руки мятые денежные купюры. Сопrotивляться не хотелось. Петрович деньги взял и, сопровождаемый фразами типа «Дай вам Бог здоровья», «Вы мне так помогли», повел «старушку» куда глаза глядят.

Дронов ехал медленно и думал. А думать было над чем. Во-первых, опыт угождения Христу оказался опытом насилия над собой.

Об этом Петрович никогда не думал и нигде не читал. Учитывая то, что жизнь продолжается, перспектива вырисовывалась интересная. Это что же, так всю жизнь напрягаться?

Второе: когда Петрович цеплял трос и с болью в сердце тащил «Форд», слушая, как напрягается и рычит его старенькая «Волга», о Христе он не думал. Пацан, заглохший на перекрестке, в это время у Дронова с Иисусом не ассоциировался. Можно было спросить себя: «Чего ради я вообще взялся помогать?» Но вместе с тем было ясно: не будь той проповеди и тех двух ночей с размышлениями — дули с маком он бы стал помогать первому попавшемуся сопляку.

Наконец, было и третье. Была радость, вот только теперь начавшая согревать Петровичу сердце. Радость наполняла грудь теплом и даже мешала ехать. Обычно, когда Дронов радовался, он жал на газ и во все горло пел «Вот кто-то с горочки спустился». А эта радость как-то не совпадала ни с лихой ездой, ни с народной песней. Петрович взял вправо, остановился, выключил мотор. Он прислушался к себе и улыбнулся. Если бы кто-то в этот момент присмотрелся к нему, 50-летнему мужику, могущему согнуть в пальцах гвоздь-сотку, то

этот кто-то подумал бы, что Петрович через наушники слушает какую-то очень важную и долгожданную новость. И оттого глаза его ничего не видят, хоть и широко раскрыты, а лицо блаженно улыбается.

Эх, город, город. Ты взметнулся в небо домами и строительными кранами, но совсем не знаешь об ином Небе, на котором об одном покаявшемся грешнике все Ангелы радуются. Ты подгрел к себе миллионы людей и смотришь на их суету, как на растревоженный муравейник. Но ты никогда не заметишь

в этой толкотне одного
остановившегося
муравья,

ошеломленного чувством вечности. Впрочем, какой с тебя спрос? Ведь и сами снующие муравьи этого остановившегося не замечают.

Петрович вышел из машины и осмотрелся. Он тормознул недалеко от маршрутной остановки. Рядом копошился продуктовый рынок, и на остановке стояло немало людей с сумками, полными только что купленной еды. Видно, маршрутки долго не было. Внимание Дронова привлекла одна старуха. Одежда на ней была тепла не по сезону, ее сумка была почти пуста, а сама она стояла, согнувшись и опираясь на палку. Глаз не было видно. Их скрывали солнцезащитные очки, но было понятно: если их снять — на вас бы взглянули глаза человека, не знающего, зачем он живет, и уставшего от этой мысли.

Ольга Семеновна — так звали женщину — действительно не знала, зачем она живет. Всего неделю назад она похоронила единственного сына. Костя был трезв и переходил дорогу в положенном месте. А вот «джип» не только ехал на красный, но и сбив человека, не остановился.

Невестка после развода жила отдельно и единственную внучку к Ольге Семеновне не пускала. Женщина стояла в ожидании автобу-

са, но в то же время ехать в пустую квартиру не хотела. Машина, остановившаяся под носом, звуком своих тормозов заставила Ольгу Семеновну вздрогнуть.

— Садись, мать, подвезу.

Народ на остановке оживился. Молодые женщины и девушки, видя подъехавшую «Волгу», были готовы к любой ситуации, но только не к этой. Некоторые из них подумали, что шофер шутит, подтрунивает над бабкой, а на самом деле «кадрит» кого-то из молодых. Одна или две даже заулыбались и одновременно с вызовом и ожиданием уставились на Петровича.

Надо отметить, что Дронов и в свои 50 был красив той мужеской красотой, которая женщинами не созерцается, а чувствуется на расстоянии. Он мог не рассыпаться в комплиментах, быть немногословным и спокойным. Женщины все равно замечали его и к нему тянулись. Но это были дела прошедшие. А сейчас Петрович спрашивал не верящую своим ушам старую женщину, где она живет, и предлагал подвезти.

Ольга Семеновна читала в газетах и слышала по телевизору о разных маньяках и убийцах,

со старушками на лавочке песочила наставшие злодейские времена на чем свет стоит, но Дронову она сказала адрес и с большим трудом, кряхтя и охая, залезла в машину. Машина тронулась, оставив позади одних людей улыбающимися, других — пожимающими плечами. По дороге старушка медленно рассказывала про свою беду, а Петрович по-шоферски прикидывал, как долго салон его «Волги» будет хранить смешанный запах лекарств, мочи и нафталина.

Когда приехали, Павел Петрович помог женщине выйти и зачем-то сунул ей в руку двадцать долларов («заначка» в правах на всякий случай). Потом, стыдясь собственной доброты и немного жалея об отданных деньгах, сел в машину, сдал назад и лихо выехал со двора. На этот раз ни тепла, ни радости не было. Была жалость к старому человеку, брезгливость от запаха, оставленного этим человеком, и еще сложная смесь из разных чувств, в которых Петрович решил не разбираться. Он уже начал понимать, что попал в такую Страну чудес, где далеко не все поддается пониманию.

Зато радость была у Ольги Семеновны. Рассудок говорил ей, что это сон, но 20 долларов в

прот. Александр Сташев...

237

кармане рассудку противоречили. И еще было тепло в груди и хотелось плакать. Хотелось поблагодарить, поцеловать руку, поклониться. И даже не шоферу (его старушка толком и не разглядела), а кому-то другому.

В тот вечер Ольга Семеновна не включила телевизор и не стала смотреть сериал. Она зажгла возле фотографии сына свечу и долго молча сидела на кухне. Ей было спокойно. Уже совсем поздно, часов в одиннадцать, позвонила невестка и сказала, что завтра приведет Катю — внучку.

Если вы хоть раз гуляли в лесу, то, быть может, заметили: идущий по лесу человек сильно шумит и слышит только себя. Лес не отдает свою музыку идущему. Нужно остановиться и отдышаться, чтобы заметить снопы лучей, бьющих сквозь листву, мерное покачивание веток, пугливое бегство зверушек... Прислушиваясь, человек начинает различать все больше красок в звуковой палитре. А стоит опять двинуться — зазвучат лишь хрустящие под ногами ветки и собственное, участившееся от ходьбы дыхание.

Если красота природы требует от наблюдателя внимательной неподвижности, то тем более Бог. Его голос, звучащий в совести и в Писании, чтобы быть услышанным, требует, чтобы мы остановились.

Их двое — человек и Господь. Они — главные во Вселенной. Они говорят друг другу «ты». Из этого диалога рождаются мудрость, праведность, чистота. Там, где этот диалог есть, не должно быть ни гордости, ни уныния.

— Адам, где ты?

— Прости меня.

— Ты драгоценен в очах Моих.

— Слава Тебе, показавшему нам свет...

прот. Андрей Станков...

*Протез не в счет. И значит, на одной
Своей ноге ты вышел на свободу.
И смотришь так, как может только Ной
Смотреть на отступающую воду
Тебя пугает шум, хотя за сим
Ты любопытен и глядишь на лица.
Людей так много. Видно, Хам и Сим
Сумели чрезвычайно расплодиться.
Одеты ярко. Взгляд у всех остер,
А речь отрывиста. Слова у них не льются.
Гляди — не пей и не ложись в шатер,
Не то и обнажат, и посмеются.*

СОГРЕТЫЕ ПАСХОЙ

Балканы. Сербская деревушка, XIV век. Стоян был самым красивым юношей не только в своей деревне, но и в окрестных. Высокий, чернобровый, с уже покрытой черным пушком верхней губой, он давно заставлял тревожно биться не одно девичье сердце. Родители его умерли, и юноша жил в доме дяди — кожевника. Местные турки тоже любили Стояна, а кади¹ — тот и вовсе часто звал парня к себе и подолгу с ним беседовал, угощая сладостями.

То ли кади был хитрый, то ли Стоян — глупый, то ли некому было его уберечь, но решил он принять ислам. Кади уговорил. Сербы плакали, турки порадовались, а потом жизнь потекла своим чередом.

Наступила Пасха. Светозарная ночь опустилась на Балканы. В каждом христианском селе горели свечи и радостью горели глаза людей. Сулейман — так теперь звали Стояна — не мог уснуть. Он вышел на улицу, и ноги сами повели его к храму. Там только закончилась полунощница, и крестный ход с иконами и хоругвями уже выходил на улицу. Медленно

¹ Шариатский судья, выносящий решение на основе самостоятельного истолкования Корана и Сунны.

и торжественно три раза обошли церковь люди. И вот, в ночной тишине раздался громкий голос священника: «Слава Святей и Единосущней и Животворящей Троице!..» Сотни душ ответили: «Аминь», и в воздухе раздалось победное «Христос воскрес из мертвых!..»

Сердце, как пойманная в сети голубка, забилось в груди Сулеймана. Ни о чем не думая, он побежал к людям, чтобы присоединить свой голос к их хору, чтобы обняться с ними и разделить их радость. Каков же был его ужас, когда он увидел, что все, от мала до велика, сторонятся его, как прокаженного. Он понял, что нарушил их радость, и на возмущенных лицах читал: «Ты не наш».

— Скажи, кади, если кто-то продал мне свинец вместо серебра, а я по неопытности купил его, законна ли эта сделка?

Судья сидел на мягких подушках и, глядя в окно, перебирал четки.

— Нет, сынок, эта сделка незаконна.

— Могу ли я отдать свинец и забрать свое серебро?

— Можешь, сынок, — сказал кади, неподвижно глядя на дерево за окном. Но уже через секунду его глаза расширились, а лицо изо-

бразило смесь ужаса и удивления. Его приемный сын, его ученик Сулейман снял с себя турецкую феску, бросил под ноги и, наступив на нее обеими ногами, сказал:

— Забирайте свой свинец и своего Магомета. Отдайте мне мое серебро — моего Христа.

Стояна казнили на следующий день. Сначала его сильно избили, но быстро поняли, что это не поможет. Потом хотели морить голодом, но у парня в глазах было написано, что и этого он не боится. Спешили: нужно было не дать христианам окрестных сел узнать об отречении и собраться вместе. Дело могло перерасти в бунт. Поэтому юношу и судили, и обезглавили быстро.

Он вел себя смело и даже не дал завязать себе руки. Только сильно побледнел, когда увидел палача с обнаженной саблей. Были бы живы мать и отец, не избежать бы истерик и крика. А так сотни пар глаз молча и внимательно смотрели на юношу. Кто-то шептал молитву, чьи-то руки перебирали четки, кто-то лишался чувств. А турки спешили, потому что знали: кто-то мог сжимать кулаки или греть в широкой ладони рукоятку ножа.

Когда голова отделилась от тела, народ охнул и стал креститься. Мертвый он был еще красивей, чем живой. Черные глаза его были открыты, и даже не знающий грамоту мог прочитывать в них надежду и молитву юноши к Тому, за Чье имя он только что умер.

В Болгарии, Греции, Сербии эти истории не были редкостью. Пятьсот лет, шутка ли сказать — полтысячелетия, христиане здесь платили за веру кровью. Подробный курс истории Христианской Церкви никто из них не читал. Может быть, имена Траяна, Нерона, Веспасиана значили для них не больше, чем для нас — фамилии китайских писателей. Но чашу мучеников они пили до дна, и опыт их был тождествен. И тех, и других согревала Пасха. Не иудейская, с печеным ягненком и горькими травами, а хри-

стианская — с ночным торжеством и чувством того, что стоишь на пороге Вечности. В этом опыте стиралась грань между мирянами, духовенством и монашествующими. Перед лицом смертельных угроз пасхальная радость была общей и питала всех одинаково.

Когда молодая римлянка Перпетуя вздрагивала всем телом от звука лязгающего замка и открывающейся двери в ее темницу, то стражники, улыбаясь, бурчали: «Что ты будешь делать там, когда увидишь зверей на арене или разложенные перед тобой орудия пыток?» «Там, — отвечала молодая женщина, — во мне будет Другой, Который вместо меня перетерпит мои муки». Другой был со всеми и везде, где только ни лилась кровь за Его имя. Чтобы умереть за Него, мало верить верой философов и верой ученых. Нужно верить верой Авраама, Исаака и Иакова, верой Петра и Павла, верой Стефана. Эту веру рождает Пасха.

Первый век в Риме, семнадцатый в Греции, двадцатый в России... За Христа умерло и в Нем воскресло множество людей, ныне душами собравшихся воедино. Хлеб в виде зерен рассеивается по полям, чтобы потом собраться в одно в виде свежей горячей буханки. Святые живут в разных странах и в разное

время, носят разную одежду и говорят на разных языках. Но имя Иисуса им понятно, кто бы его ни произнес. Сегодня они в белых одеждах стоят перед престолом Агнца. Они пришли от великой скорби, и одежды их белы оттого, что вымыты кровью Безгрешного.

Есть смысл всмотреться в сияющие лица богомольцев на наших пасхальных всенощных в нашем, третьем тысячелетии. Возможно, мы смотрим в лица еще не прославленных святых, на иконы, еще не ставшие чудотворными...

Поэзия ближе к вере, чем наука. Наука распяляет человека между биологией и социологией, физикой и археологией. Наука дразнит человека ответами, но не дает их, потому что ничего до конца не знает. Для нее любой червяк остается вместилищем тайн и неразрешимых загадок.

Зато для поэзии человек цел. Он изранен, но жив, испорчен, но не расчленен. Поэзия интуитивно, как женщина, в секунду схватывает то, что ускользает от логики и не укладывается в готовые схемы.

Вера в науку и нелюбовь к поэзии, несомненно, — один из подвидов ненависти к Богу.

Поэзия — это не только арабские бейты и греческий гекзаметр. Поэзия — это еще и Октоих, еще и Триодь, еще даже и Требник. Кто лучше Дамаскина сказал о человеке:

*Образ есмь неизреченная Твоя славы,
Аще и язвы ношу прегрешений...*

Для Дамаскина человек находится посреди «смирения и величества», он — «из невидимого и видимого составлен естества» (чин погребения).

Если бы не Иоанн из Дамаска, Державин не сказал бы о человеке:

*Частица целой я Вселенной.
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил Ты существ телесных,
Где начал духов Ты небесных,
А цепь существ связал всех мной.*

(Ода «Бог»)

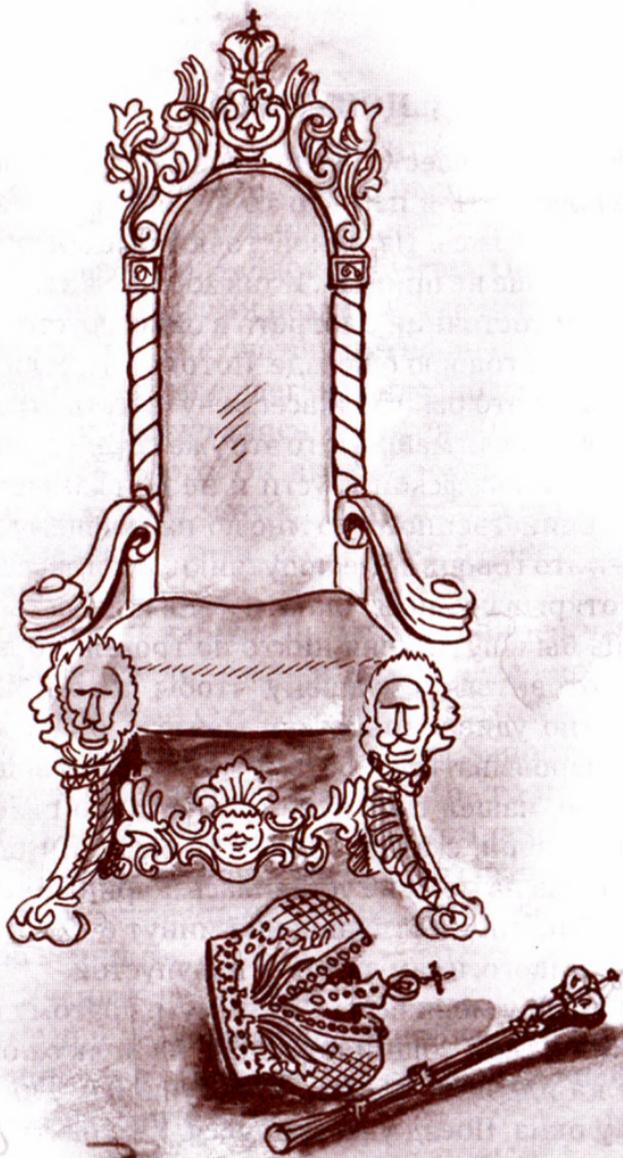
Человек — это срединное звено; это пупок, в который завязаны все проблемы и вопросы; это фокус, в который стремятся собраться все лучи. Все для него, все ради него, а он сам — для Бога.

*Толпа орет, беснуется, стремится,
Как море, выйти из положенных пределов.
А бывший царь склонился на колени,
И гильотины лезвие поднялось.*

*Ты забывал Создателю молиться,
Ты не хотел Ему поклоны класть.
Так положи теперь земной поклон
Отточенному лезвию. Смотри,*

*Палач беззубый, ухмыляясь, тащит
Корзину. Он нашел ее на рынке.
Капусту в ней зеленщики носили,
Теперь туда глава твоя падет.
Падет глава, лишенная короны,
И тело безголовое отпустит
На небо душу.
И толпа взревет...*

*Все было бы иначе, если б ты
Не забывал, что был Давид на свете,
Что он молился Богу, и взамен
Хранил Господь и царство, и Давида...*

ПОПУТЧИК

Если путешествовать нечасто, то дорогу я люблю. Есть в ней что-то честное и на саму жизнь похожее. Из одной точки выехал — во вторую еще не приехал. И так хорошо в этом зависшем состоянии смотреть в окно, грустить и думать. Я говорю о поезде. Потому что если самолет, то это быстро и всегда чуть-чуть страшновато. А если машина, то это уже труд, а значит, не до философской грусти и не до размышлений. Единственное, что мне по-настоящему мешает, это говорливые попутчики. Я согласен на не открывающиеся окна и сырые простыни, лишь бы в пути меня никто не трогал. Но лучше готовиться к худшему, чтобы потом быть приятно удивленным, чем мечтать о своем и разочаровываться. Поэтому и в тот раз я вошел в вагон, нашел свое купе и, энергично рванув ручку двери, сказал: «Здравствуйте». Ни одна пара глаз на меня не уставилась. Царица Небесная! Никого! До отправления минут 6–7, а в купе — никого, и сам вагон — полупустой.

Вещей у меня всегда минимум, поэтому положил я свой тощий портфель на полку, повесил на плечики пиджак и, разувшись, удобно сел у окна. Поезд уже тронулся. Уже наступил момент, когда неясно: ты едешь или состав на-

против начал двигаться. Я ждал проводника, чтобы отдать билет и попросить чаю. Дверь с силой открылась, и вместо проводника в купе вошел запыхавшийся мужик лет сорока и так же, как я, выпалил: «Здравствуйте». Он осмотрелся, нашел глазами номер своего места и затем втащил в купе два внушительных чемодана. Настроение мое слегка упало, но уже через минуту оно опустилось до нуля. Попутчика сразу стало много. Он прятал вещи, переодевался, расстилал матрац, и делал это так, что мне казалось, я знаю его и вижу перед собой не первый месяц.

Проводник забрал билеты и принес чай. За окном стало смеркаться. Поезд мерно раскачивался, колеса стучали, и этот ритм, казалось, убаюкал соседа. Он сел напротив и стал смотреть в окно. Но надолго его не хватило. Это была одна из тех компанейских душ, которые не могут жить, не разговаривая с первым встречным, да так, будто знакомы целую вечность.

— Ученый? — спросил сосед, улыбаясь и, видимо, предвкушая начинающийся разговор. Я улыбнулся в ответ и молча покачал головой, давая понять, что нет.

— Художник?

Ответ тот же.

— Ну не музыкант же?

— А по какому признаку вы отбираете профессии? — спросил я. Надежда на то, что разговора удастся избежать, улетала стремительно, как деревья за окном.

— Так ведь борода и хвостик, — попутчик произнес это с торжествующей интонацией, мол: «Врешь, брат, меня не обманешь».

— Я — священник.

На секунду мужик замер. Наверное, лихорадочно соображая, что говорить и как вести себя дальше. Но уже через несколько мгновений его лицо изобразило гримасу абсолютного счастья, и он произнес фразу, которая непременно была бы произнесена, будь я хоть трижды художником, хоть дважды ученым.

— Так что, по маленькой?

— Спасибо, я не хочу. Завтра рано вставать, — ответил я.

Но сосед уже разворачивал шуршащий кулек и раскладывал на столике сваренные вкрутую яйца, пластмассовый судок с котлетами, хлеб, что-то еще и, конечно, бутылку.

— Николай, — сосед протянул мне руку.

— Отец Леонид, — ответил я и протянул руку в ответ.

Водка уже была разлита в пластмассовые стаканчики, когда я сказал:

— Давайте помолимся перед едой.

— Давайте, — обрадовался Николай. Видно, это было изрядной новизной в его опыте. — А какую молитву?

— «Отче наш».

— О, эту я знаю. Я вообще только ее и знаю. Меня один негр научил.

— Негр? Сектант?

— Наш, православный. Ведь вы православный? — вдруг спросил Николай и насторожился.

— Да.

— Ну вот, и он был православный. Это лет двадцать тому назад было.

— Расскажите.

— С удовольствием.

Не вставая, мы прочли молитву Господню, я благословил еду, мы выпили по первой, и Николай начал рассказ. Находя его интересным, я хочу поделиться тем, что тогда услышал, и с тобою, дорогой читатель.

— Это было в начале 90-х. Я только что вернулся из армии, пару месяцев погулял, подурчился и устроился на работу. Работал в театре

прот. Андрей Станков...

253

монтажником сцены. Ну типа грузчиком или разнорабочим. Мы декорации к спектаклям монтировали и постановки оценивали по-своему. Плохой спектакль — это когда декораций дофига, а хороший — если пара стульев или еще чего-нибудь полегче. Однажды иду на работу днем на дневной спектакль, вижу: на встречу Игорек идет, одноклассник. Он в армию из-за института позже ушел и еще дослуживал. Домой в отпуск приехал. Мы обнялись, парой-тройкой слов перебросились и договорились вечером после позднего спектакля встретиться.

Встретились, пошли в кабак, — на этих словах Николай налил по второй, и мы выпили, — и там он мне рассказал о своей службе. Игорь был мужик спортивный, и забрали его в ВВ — «виноват-военкомат» (в милицию, то есть). Время было дурное, Союз разваливался, кругом конфликты. Его послали в Карабах. И там у него поехала крыша. Парень здоровый, на вид молодой, а тут резня, что те, что эти друг друга убивают. Игорь говорит: я разобраться хотел, кто виноват, в чем дело. Так ни в чем и не разобрался, только возненавидел и азеров, и армян.

Ну, мы пьем, разговариваем. Я смотрю: он смолкает потихоньку, пьет, больше не закусы-

вает. И глаза у него дурные становятся, стеклянные. Потом он стал кулаком по столу бить. Короче, мы расплатились и вышли. Уже стемнело. Его развезло, и он забыл, что он дома, в отпуске. На моих глазах вырвал в сквере из лавки дубье и орет: «Звери! Сволочи!», и все такое. Я уже не рад, что его встретил. Думаю: как такого бугая домой тащить? Как вдруг в конце улицы блеснули фары. Машина тихо едет на нас. Игорь вроде протрезвел в секунду и шепотом мне говорит: «Сейчас будем их брать. Не ссы, меня учили». Он ложится поперек дороги и складывает руки на груди, типа мертвый. Я стою в трех шагах за деревом и думаю: на кой хрен я с ним связался? Машина медленно подъезжает. Тушит фары... Е-мое, ментовский «бобик». Все, думаю, труба, приехали. Но стою, не убегаю.

Из машины выходит мент, наклоняется над Игорем. Тот хватается за китель и орет: «Коля! Вали его, я его держу!» Я, как дурак, выхожу из-за дерева и становлюсь рядом. Из машины выскакивает второй, по рации, слышу, зовет подмогу. Они вдвоем борются с Игорем и пробуют его из баллончика успокоить. Тот орет: «Сержант! Меня — “черемухой”?» Короче, это идиотство длится минуты три.

Подъезжает второй «воронок», нас вяжут и везут в райотдел.

Николай хотел налить по третьей, но я его удержал. Тело и так наслаждалось разлившимся теплом. Хотелось сидеть, не двигаясь, и слушать, что было дальше.

— Привозят нас к дежурному, — продолжал Николай, — и разводят в разные стороны. Игоря как буйного утащили куда-то, я остался один. Заполнили протокол, дали мне пару раз в душу для профилактики и закрыли в клетку до утра. Конечно, деньги забрали, ремень и шнурки вытащили, пендаля под зад дали, все как положено. И вот там, в клетке, в райотделе, и был тот самый негр, который меня «Отче наш» научил.

— А он что там делал?

— У него документов не было. Он вообще из России был. Мы с ним до утра проболтали, он мне много про себя рассказал. Где он там родился, я не помню, я вообще в географии слаб. В Москве учился и там женился. Жена хотела с ним венчаться и покрестила его. Ну, она так, для красоты хотела, а он серьезно в нашу веру въехал. Стал в церковь ходить, молиться. Жена даже думала, что он чокнулся. А он, понимаешь, полюбил Православие. Бабки, говорит, от

меня в церкви сначала шарахались и крестились. Священники с недоверием относились. А потом привыкли, полюбили его.

— Как его звали?

— По-нашему вроде Сергеем. В честь святого...

— Сергия Радонежского.

— Во. Точно. А по-ихнему я не помню. В общем, он зачем-то приехал к нам. Его вечером остановили. Документов не было, и его до выяснения закрыли.

— А молитва?

— Ну вот, он говорит: «Давай помолимся». А я ему: «Я не умею». Он говорит: «Я научу». И стал читать «Отче наш». Прочел раз, потом говорит: «Повторяй», и стал читать по кусочкам. Потом начал мне объяснять смысл. Я обалдел! Там столько разных вещей! Он еще говорил, что в этой молитве вся Библия скрыта. Слушай, так прикольно было. Мы с ним «Отче наш» еще пели вместе. На нас менты, как в зоопарке, через решетку смотрели и пальцем показывали. Один — негр. Черный, аж фиолетовый. А другой — белый, только что задержанный при нападении на патруль. Сидят на нарах и «Отче наш» поют. Комедия!

За окном стемнело, и в купе зажегся свет. Мы выпили по третьей и закусили. Я уже не жалел, что еду с попутчиком. История была не просто интересной, она была многозначной. Это ж надо так отбиться от веры нашему народу, чтобы не отец и мать, не крестная и не священник, а чернокожий иностранец научил нашего человека молитве Господней. Это ж надо, до чего простирается Промысл Божий! Ведь можно встретить друга, попасть в дурацкую ситуацию, сесть до утра за решетку. И все для того, чтобы там, за решеткой, услышать неожиданную проповедь.

— Давайте ложиться, — сказал я Николаю. — Завтра вставать рано.

Николай помолчал немного, видно, ему хотелось еще что-то рассказать.

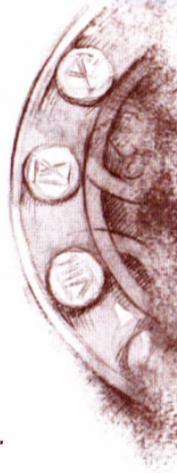
— Ну давайте, — наконец, сказал он и стал собирать в пустой кулек яичную скорлупу и прочий мусор.

Я забрался на верхнюю полку, вытянулся с удовольствием, подложил руки под голову и закрыл глаза. В тот вечер мне думалось о чем-то легком и светлом. Под эти светлые мысли и стук колес я уснул.

— Спокойной ночи, батюшка, — сказал Николай и щелкнул выключателем. Но я его уже не слышал.

*Дух времени: купи, успеи, схвати...
И душу тренируй, как шимпанзе — конечность.
А ты сидишь за столиком. Сиди,
Но мыслью цепкой ухватись за вечность.*

*Они пройдут, и с ними мы пройдем.
Они умрут, и я — должник могилы.
Но мы с тобою знаем, где наш Дом,
А где тебя, как сноп, возьмут на вилы.*

МЕЛОДИЯ ДЛЯ СТРАННИКА

Если когда-нибудь я все же умру — не дай Бог, конечно, — прошу написать на моей могиле такую эпитафию: «Для него необходимым и достаточным доказательством существования Бога была музыка».

Курт Воннегут

Человек не произошел от обезьяны. Он богоподобен и лишь живет в теле существа, отдаленно напоминающего обезьяну. Спросите меня, откуда я это узнал? Конечно, из Библии, но не только. Для того чтобы понять, что человек — небесный странник, заблудившийся на земле, достаточно произнести одну фразу: человек изобрел скрипку.

Человеку нужно пить и есть, воевать и размножаться. Значит, ему нужно придумать и сделать лопату и топор, колыбель и лук со стрелами. Но если движущий мотив человеческой жизни — это только сохранение и продолжение рода, то зачем человек придумал скрипку?

Какие такие чувства могут быть в потомке обезьяны, чтобы их нельзя было выразить ничем осязаемым — ни картиной, ни скульптурой, ни зданием? Что такое может родиться в душе примата, о чем нельзя ни сказать, ни

написать, ни пропеть, а нужно долго (столетиями) придумывать инструмент, требующий нежных пальцев и небесного слуха, и потом, полжизни проучившись играть на нем, заставлять инструмент плакать и смеяться?

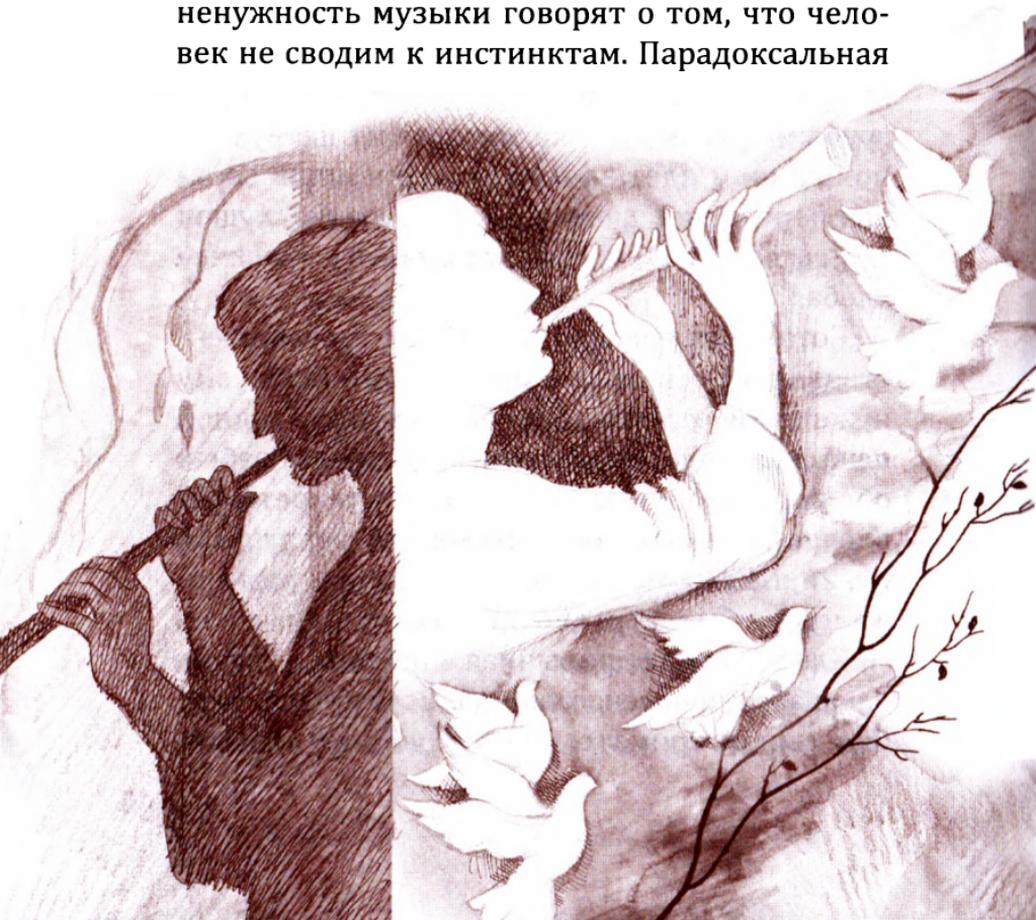
Играющий на скрипке не может быть воином. Точно так же он не может быть и пахарем. Бранные крики — не для его ушей, и тяжелые инструменты — не для его пальцев. Он бы и не прокормил себя, и не защитил, если бы не был нужен. От лица всего человечества, которое грубыми руками держит оружие и с натруженной спиной идет за плугом, один лишь скрипач переливает душу в звуки, а люди, слушая его, согласны с тем, что музыка бывает нужнее хлеба.

Сотни лет человек изобретал и совершенствовал музыкальные орудия. Они были ему нужны для отдыха и для особых дней — дней печали и радости. Долгие годы люди, забыв обо всем, перенимают у мастеров секреты извлечения живых звуков из мертвых струн или клавиш. Если бы человек только ел и размножался, он бы не тратил на это силы.

Хлеб — самая привычная и наиболее трудно дающаяся человеческая еда. Если бы человек был сыном приматов, он бы рвал то, что сви-

сает с ветвей, или выкапывал то, что растет из земли. Он считал бы ненужным трудом ради наполнения брюха пахать и сеять, жать и молотить, скирдовать и молотить. Слишком трудно и долго все это ради того, чтобы снять спазмы в желудке. Сладость и «трудность» хлеба — доказательство того, что человек — не животное.

Точно так же сложность и практическая ненужность музыки говорят о том, что человек не сводим к инстинктам. Парадоксальная

и невидимая, как Сам Господь, музыка нужна человеку.

Каждая флейта и каждый рояль осязаемо и очевидно доказывают, что человек — это небесный странник, заблудившийся на земле.

Звуки тают в воздухе, но не исчезают совсем. Они, как умершие люди, продолжают существовать, хотя и становятся на время не видны. То, как Архимед закричал: «Эврика!», и выскочил из ванны, и то, как трещал под ногами Гуса разгорающийся хворост, и скрип гусиного пера в руке у Шекспира — все это летает в воздухе.

Скрипы, шепоты, всплески, вздохи... Воздух вокруг нас не пуст. Он так насыщен памятью о тех, кто им дышал, как Индокитай перенаселен людьми. И если бы это была память только о делах человеческих, мы бы давно задохнулись.

Но, к счастью, в воздухе живет и Нагорная проповедь, и Гефсиманское моление и беседы с учениками после Воскресения. Это — главные звуки мира. Они, как весенняя гроза, очищают воздух.

прот. Андрей Ткачев...

263

ВЕРНОСТЬ

В марте 1974 года, через 29 лет после выхода Японии из войны, на одном из Филиппинских островов закончил «свою войну» один из японских воинов — подпоручик Онода. В конце 44-го он получил задание от майора Танигути и приказ воевать до тех пор, пока лично Танигути не даст команду «отбой». Дальнейшие события превосходят всякую фантазию.

В 1946 году по чащобам о-ва Лубанг (место происходящих событий) в сопровождении американских солдат ходит японец с мегафоном и оглашает джунгли вестью о капитуляции Японии. На его призыв сложить оружие из леса выходят разрозненные группы японских солдат. Оноды с подчиненными среди них нет.

Его группа редет. Один солдат сдается в плен в 1951-м. Через три года в перестрелке погибает второй. Еще через восемнадцать (!) лет погибает последний соратник Оноды. Но подпоручик продолжает выполнять приказ. Одна за другой остров посещают делегации из Японии. В их составе родственники Оноды — отец и брат. Отец выкрикивает строки хайку:

*Сколько воспоминаний
Вы разбудили в душе моей,
О вишни старого сада!*

Сын слышит голос отца, но приказ выполнять не перестает. Наконец, к воюющему подпоручику приезжает его непосредственный командир. Среди филиппинских джунглей стоящему навтытяжку с винтовкой у ноги Оноде майор в отставке Танигути отдал приказ об отмене боевого задания. Война для Оноды закончилась.

Вот уникальный пример верности долгу, присяге, императору. Думаю, что если бы Онода был христианином и ему случилось бы попасть в руки мучителей, требующих отречения от Господа, то Церковь имела бы в святцах еще одно имя — мученик Онода. Верность и твердость в одном неизбежно проявились бы и в других областях жизни.

Как правило, говоря о верности, мы касаемся одной из нескольких основных тем. Это верность Богу, верность в браке и верность Родине. Все три типа верности очень связаны между собой. Причем верность религиозная является как бы связующим звеном между двумя другими. Это потому, что верность Родине чаще всего имеет религиозное измере-

ние. Это любовь к святыням алтарей, к «отеческим гробам», к священной истории своей страны и готовность за все это умереть.

С другой стороны, верность семейная насквозь мистична и является прямым подобием верности Богу. У пророка Осии кланяющиеся идолам евреи уподоблены блудливой женщине, которую любит муж и которая, однако, постоянно изменяет ему. И апостол Павел уподобляет глубину отношений супругов отношениям Христа и Церкви.

Так что получается, в центре понятия верности расположены Бог и человек в своем взаимном отношении друг к другу. Затем, вблизи этой сердцевины находятся верность супружеская и гражданская. Далее идут верность сказанному слову, взятым обязательствам и прочие виды верности, плавно перетекающие в то, что мы называем честностью, надежностью, порядочностью.

Чем выше дерево, тем глубже и мощнее его корень. Говорят, что дерево внизу столь же глубоко в корнях, сколь высоко оно на поверхности поднимается стволом и ветвями. Должен быть корень и у верности. Это религиозное и нравственное воспитание. У поручика Оноды и многих подобных ему таким корнем

был и остается дух бусидо — моральный кодекс самураев, ставший одним из основ японской культурной традиции. Очевидно, что у нас должны быть свои корни, дающие подобные плоды. Это — вера в Бога.

Самый грубый слух не может не улавливать корневую связь между двумя этими понятиями — вера и верность. Я слышал однажды от одного глубоко образованного человека, что в древней иудейской традиции верующим называли не того, кто верит, что Бог есть. Подобное «разрешение» Богу «быть» еще ничего не означает. На подобную «веру», как говорит апостол Иаков, способны даже бесы. Верующий человек означает человека верного, человека, через исполнение заповедей доказывающего свою преданность Господу. Отсюда несокрушимая твердость трех отроков в Вавилоне. Отсюда же мужество Соломонии и ее семи сыновей, чья мученическая смерть описывается в книгах Маккавейских.

Только Бог абсолютно верен Самому Себе и всему, что Он сказал. Человек всегда стремится к высшим степеням верности и других добродетелей. Таким образом, воспитание верности — это путь уподобления Богу. И подобно самой длинной дороге, начинающейся с пер-

вого шага, воспитание верности начинается с малого. Если ты сказал: «Я сделаю», значит нужно сделать. Если ты сказал: «Приду в восемь», приди без пяти восемь, но никак не в полдевятого. Верность, как выносливость, воспитывается, тренируется. Говорят, купеческое слово ценилось больше любых гербовых бумаг с печатями.

В наше время людей больше всего волнует верность семейная, супружеская. Еще бы! Вера в Бога считается делом частным и весьма отвлеченным. Тема Родины размывается с каждым годом, и что-то, а может, кто-то стремится превратить человека в аморфного жителя Земли без гимна и флага и, конечно, без чести и совести. Лишь бы с хорошим годовым доходом. Остается семья, остаются сложности взаимоотношений. Это еще печет, и боль этой темы хороша. Она доказывает то, что человек жив. Если и эта тема его трогать перестанет, если безразличие распространится и на эту сферу жизни, то значит, человека пора закапывать. Он уже умер.

Страдая любовью к повторениям, скажу еще раз: без верности Богу верность в личных отношениях — это всего лишь сентиментальная мечта или редчайшее исключение.

Но как ее в себе развить, воспитать, вырастить?

Думаю, нужно носить в душе правильные мысли. «В мире нет женщин, кроме моей жены». «В мире нет мужчин, кроме моего мужа». «Я не должен (не должна) этого делать. Господи, помоги мне!» Чем это не броня? Мыслящий подобным образом человек похож на рыцаря, одетого в доспехи.

Слово «блудить» означает не просто телесные действия известного рода. «Блудящий» человек — это человек «блуждающий». Он, как неприкаянный, бродит туда и сюда, он не нашел ни себя, ни своего места в жизни. Во время этого броуновского, то есть бесцельного, движения он входит в соприкосновение и временный контакт с такими же приبلудами, как он сам. Человеку же нужен якорь. Нужна ясная голова и твердая почва под ногами.

И верность Богу, и верность человеческая испытываются. То есть искушаются. Взрослая вера — это «осанна», прошедшая сквозь горнило страшных сомнений. И глубокие, верные отношения — это две жизни, огнем испытаний сплавленные воедино. К этому нужно готовиться.

прот. Александр Стахов...

Если воин идет на битву, то ему нельзя слушать жалостливые или похотливые песни. Его дух нельзя расслаблять. Пусть только удары меча о щит и мужественные звуки военных песен доходят до его слуха. Жизнь — это тоже битва, и горе тому, кто войдет в ее гущу в соломенной шляпе и тапках на босу ногу.

Отнимите у человека семью, веру, Родину. Что от него останется? Нечто странное, имеющее вид человека. Нечто похожее на стоящий в витрине манекен. Можно натягивать на него любые рубашки и пиджаки, — он не согреет их своим телом, не передаст им свой запах. У него нет ни тепла, ни запаха. В редкие минуты, когда он захочет пооткровенничать, вы можете услышать горький рассказ о том, как у него украли веру, отобрали Родину и разрушили семью. Сострадайте ему и жалейте его, но знайте, что это лишь малая часть правды. На самом деле он сам потерял веру, сам покинул Родину и сам развалил семью. И все потому, что был он самовлюблен и суетен, поверхностен и невнимателен. И еще: он не был верен. Ни Символу веры, ни воинской присяге, ни брачной клятве у алтаря.

Простите меня те, кто искал в моих словах о верности конкретных советов и рекоменда-

ций и не нашел их. Я и сам хотел бы знать больше об этом священном предмете. Но вытащить из шляпы зайца, которого он туда не положил, не сможет даже самый великий фокусник. Мне, как и вам, еще предстоит долго учиться и самовоспитываться, чтобы достичь цели и насладиться плодами великой добродетели — верности.

К Богу, к семье, к Родине.

Я могу показаться веселым человеком, но внутри я угрюм. Лето с его жарой и буйством красок — не для меня. Душа во мне оживает по мере приближения осени. Желтеют листья, и ветер треплет их немилосердно, пока совсем не сорвет с ветки и не закружит в воздухе. А у меня внутри начинает звучать высокое «ля», и расправляются плечи, и появляется блеск в глазах.

Там, где я живу, течет река. На ее берегах в солнечные дни валяются целлюлитные тушки, а прибрежный песок сплошь утыкан окурками. Кое-где в воде можно найти осколок разбитой каким-то мерзавцем бутылки. И еще по вечерам над рекой то и дело взлетают и рассыпаются букетами пиротехнические ракеты. Их придумали китайцы. Китайцы придумали

прот. Александр Ткачев...

271

многое из того, что меня окружает. Например, бумажные деньги. Пока европейцы гремели медяками и серебром, братья с Дальнего Востока уже производили расчеты при помощи этой бумажной абстракции, которая теперь лежит в каждом кармане. Китайцы придумали зонтики. Осенью, когда я оживаю и когда по подоконнику барабанит мелкий дождь, граждане моей, ужасно далекой от Китая, страны прячутся под этим гениальным изобретением. Я смотрю на них из окна и горько осознаю наше культурное пленение. Ничего-то мы не сумели придумать. Ни зонтика, ни фейерверков, ни бумажных денег. Только пулеметы и Интернет. Нам, видно, хочется либо убить человека, либо сделать его идиотом. Это у нас получается. Но гордиться этим не хочется.

«Мир, — говорил один мудрец китайского происхождения, — можно познать, не выходя из комнаты». И здесь они нас обскакали. Мы все носимся по миру, фотографируемся на фоне священных развалин и покупаем сувениры. И кажется нам, что мы прикоснулись к высокому, что поняли нечто. А между тем живем бездарно и умираем дураками.

Мне не выучить китайский, и умирать придется дураком. Я смирился с этой мыслью.

Но все же хочется познать мир, не выходя из комнаты.

Пока дети в школе, пока никто не позвонил и пока за окнами, благотворно действуя на мою душу, плачет мелкий дождь, попробую думать о том, что вижу. Глядишь, додумаюсь до невидимого.

Вот иголка. С ее помощью жена вышивает бисером. Никого не знаю лучше моей жены. Трудолюбива, спокойна, рассудительна. Все хорошее в ней есть, и все без перехлеста, все в равновесии. Любит детей, но строга с ними; имеет изысканный вкус, но бережлива и деньги не транжирит. Не ханжа, но фамильярности и пошлости не переносит. Наблюдая за ней, можно созерцать целый спектр добродетелей, действительно не выходя из дома. Спасибо Тебе, Милосердный. Из всех подарков Твоих наилучший — это добродетельная супруга.

Попробуйте застать ее без дела. Скорее меня вы увидите косящим траву в противогазе, чем мою жену в праздности. Вот этой самой иголкой она вышивает, когда дома сварено и убрано, а аккуратно одетые дети гуляют на улице.

Об этой бытовой мелочи — игле — всерьез размышляли философы. Сколько, думали они,

прот. Андрей Ткачев...

273

Ангелов может поместиться на конце иглы? Это был вопрос о встрече нашего трехмерного мира с иным, четырехмерным. Сколько, мол, существ из иного мира могут поместиться на сверхмалой поверхности мира этого. А действительно, сколько? Наверно, много. Ведь Ангелы бестелесны и в нашем мире места не занимают. Это что касается кончика иглы. Другой ее конец — там, где ушко — даже попал в Евангелие. Богатому, сказано, так же трудно попасть в Царство Небесное, как верблюду пролезть сквозь игольное ушко.

То есть невозможно попасть, другими словами. Надо обнищать, все бросить, от всего отказаться. Так люди читали и понимали в древности, так до появления библейской критики они восхваляли добровольную бедность. Потом археологи объяснили, что «Игольные уши» — это ворота в Иерусалиме, что верблюд в них, хоть и с трудом, но пролазит. Только развьючиться надо. Получилось, что при богатстве спастись можно. Смысл текста изменился, а вместе с ним изменились и практические выводы. Люди стали богатеть без опасения за свою вечную участь. Добродетели стали буржуазными. Большой живот и бегающие глазки теперь так же почетны, как раньше старая

ряса и смиренный голос. А верблюда я видел однажды в зоопарке. Нет. В игольное ушко он точно не пролезет. Могу поспорить.

Нужно богатеть или нет, я толком не знаю. Но вот смотрю на иглу и изумляюсь. Ушко увековечено в Евангелии, об острие спорили богословы. А казалось бы, мелочь да и только — игла. Медленно поворачиваю взгляд в поисках предмета, на котором можно было бы остановиться.

Часы. На руках, на стене, в телефоне. Кругом часы. Тикают, мигают, отсчитывают секунды. Отсчитав, заставляют медленно двигаться минутную стрелку. Кому нужна эта точность? Ощущаешь себя космонавтом на Байконуре. Сейчас одна стрелка сольется с другой, и земля с ревом убежит из под ног. Никто так дотошно не считает время, как наша эпоха, и никто так бездарно его не тратит. Часы — не евангельский предмет. В Вечной Книге про них ничего не сказано. Пошлый предмет, мечанский. К тому же безжалостный и неумолимый, как палач.

Не хочу смотреть на часы и с досадой отворачиваюсь.

Ловлю себя на мысли, что хочется включить телевизор или радио. Хочется впустить

прот. Андрей Стахов...

275

в мою тихую комнату чужие голоса и превратить душу в базарную площадь. «Нет, братец, — говорю я себе. — Я тебе этого не позволю. Ты и так уже оглох и одурел от новостей, музыки и пустых разговоров». «Да, — думаю, — это правильно», и, сам с собой согласившись, не беру в руки телевизионный пульт и не двигаюсь с места.

«Неподвижность глаз и языка». Как это красиво звучит. Я читал об этом у Григория Богослова. А язык, негодник, не хочет быть неподвижным. Даже когда ты один и вокруг нет ни души, язык хочет болтать сам с собой, хочет напевать шлягер или вести воображаемые диалоги. На сумасшедшего похож человек, спорящий с кем-то, когда вокруг никого нет. Ладно бы, Богу молился. Нет, болтает глупости.

Надо сесть поудобней и замолчать. Когда еще удастся вот так молча посидеть? Неподвижность глаз и языка. Буду сидеть неподвижно и молча смотреть на цветок хибискуса. Это моя ботаническая гордость. Вообще, я страдаю ботаническим кретинизмом. Почти никаких цветов, кроме тюльпанов и ромашек, не знаю. То ли дело моя жена! Сотни растений помещаются у нее в голове: какое когда цветет, какому какой грунт нужен и прочее. Практический,

хозяйский и конкретный ум. Поражаюсь и восхищаюсь. Хибискус я знаю по имени и с другим цветком не перепутаю.

Монахи говорят, что келья всему научит. Можно есть, спать, только не выходить никуда, и постепенно, сам собой человек должен прийти в разум, начать молиться, плакать. Наверняка, это так. Только в келье не должно быть телевизора. Это уж как пить дать. Иначе келья тоже всему научит, только не тому, чему надо. Чем моя комната не келья? Хотя я и не монах, а вот сижу молча, не выпускаю язык из-за зубов и пощусь глазами, то есть не развлекаюсь зрелищами. Я бы сказал, не позволяю врагам залезать в дом души через окна! Надолго меня все равно не хватит. К тому же дети скоро придут.

Дети! Благословенная тяжесть и святые тревоги. Еще когда у нас их было двое, помню, я зачитался Достоевским. Читаю «Идиота» — там, в конце, где Мышкин опять болен и опять в Швейцарии, а жена с малышней возвращалась с прогулки. И так я погрузился в книгу и так измучилась вместе с князем моя душа, что того гляди сам заболеешь. А тут внизу голоса раздались, смех детский, стук коляски на лестнице. И я с радостью тогда выбежал им навстречу,

прот. Андрей Ткачев...

277

как будто выздоровел и из больницы выбежал на свободу. Мы тогда жили в старом польском доме. Двор колодцем, через двор веревки с бельем висят, вход в квартиру у всех с балкона прямо в кухню, безо всяких коридоров. Место живописное, нищенское и вовсе не современное. И я бегу им навстречу, помогаю нести коляску и радуюсь ужасно, что я здесь, с семьей, а не там, в книге. Я и сейчас радуюсь, когда о них думаю. Сохрани их, Господи, от всякого зла.

А ведь когда в семинарии учился, не раз думал о монашестве. Слава Богу, не поспешил и не залез не в свои сани. А то монах из меня был бы еще тот. Таких и без меня хватает.

Но когда ранним утром стоишь на Литургии в пещерах, надо иметь каменное сердце, чтоб не сказать себе: «Вот она, жизнь, — настоящая, полная, как переливающаяся чаша. Там, наверху, возня мышинная, а здесь полет, и теплота в сердце, и радость неложная». Нет ничего в мире красивее монашества, только, конечно, настоящего. Как они на полунощнице пели «Се Жених грядет...» Лаврским напевом. Дай вспомню. «Се-е-е...» Стоп. Договорились — неподвижность глаз и языка.

Хочется пойти пожевать чего-нибудь. Но не пойду. Раньше грешил, по ночам шарил в

холодильнике, если бессонница прицепится. Вредная привычка. Позорное рабство. Не пойду. Буду думать о пыли. Ее не видно, потому что за окнами дождь. Было бы солнце, она бы водила хороводы в косых лучах. Пыль — это одно из имен человека. «Помяну, яко персть есмы». И не только потому, что мы в прах возвратимся, а и потому, что фактически пыль — это умерший верхний слой эпидерма, отшелушившаяся мертвая кожа. Наши клетки постоянно обновляются. Уже через пару месяцев на клеточном уровне «я» — уже не «я», а кто-то другой. Только благодаря личности, благодаря этому ядру мы не рассыпаемся в пыль и не мутируем до неузнаваемости. Но что такое личность, вам никто не скажет. Она — за пределами определений, в стране невысказанной тайны.

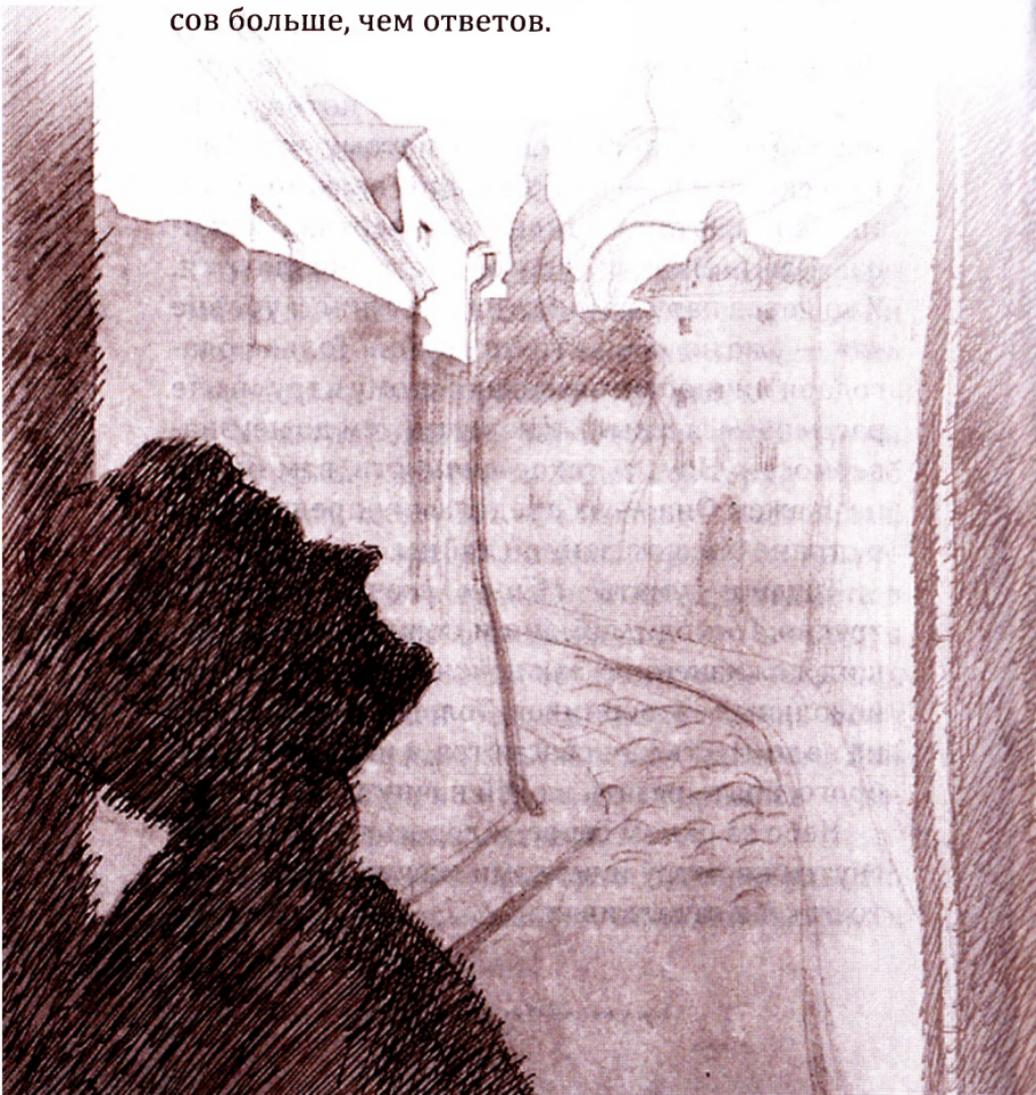
Трудно думать. Мысли скачут. Молчать трудно. Господи, помяни и пожалей отбывающих пожизненное заключение. Помяни этих невольных затворников. Только выпускать их не надо. Пусть там спасаются, а иначе, чего доброго, опять резать людей начнут.

Небо за окном серое, и деревья так грустно гнутся на ветру и ветками машут, будто кого-то от себя отталкивают.

прот. Андрей Ткачев...

279

Кто я и сколько мне лет? Как мое настоящее имя? Вспомню ли я свои черты, если год не буду подходить к зеркалу? Только кажется, что все понятно. Ничего не понятно, и вопросов больше, чем ответов.

Ключ скрежетнул в замке. О ключе я не подумал. Ключ — глубокая вещь. «Ключ Давидов», «ключи Царствия», «ключ от бездны». Надо обязательно об этом подумать в другой раз. И еще о дверях. «Аз есмь дверь. Мною аще кто внидет, спасется». Жена пришла.

— Здравствуй, любимая.

Мой маленький опыт неподвижности глаз и языка приостановлен на неизвестный срок. Буду смотреть на жену и с ней разговаривать...

ВСТРЕЧА

*Настанет время, и люди вознедугуют.
Тогда больные скажут здоровому:
«Ты болен больше других,
потому что не похож на нас».*

Прп. Антоний Великий

В книге «О встрече» митрополит Антоний (Блум) говорит о том, что вся евангельская история — это история встреч. Господь встречается с законниками, рыбаками, падшими женщинами, пылкими юношами. Со стороны людей эти встречи могут быть спланированными. Так, намеренно встречается с Христом ночью фарисей Никодим. Большинство людей встречает Бога случайно. Это рыбаки на Тивериадском озере, похоронная процессия, выходящая из города Наина, и многие другие. Но со стороны Христа все эти встречи неслучайны. В мире благодати для случая нет места. Он не только не царствует там. Он там отсутствует. Со времен грехопадения, со слов Бога: «Адам! Где ты?», Господь не устает искать человека. Когда происходит встреча, начинается диалог.

Люди общаются при помощи слова. Евангельские встречи — это евангельские диа-

логи. Есть две говорящие и слушающие стороны. С одной — дети Адама, с другой — вочеловечившийся Сын Божий.

Слушая людские вопросы, Христос ведет Себя по-разному. Он может прямо отвечать на вопросы: «А кто Он, Господи, чтобы мне верить в Него? Иисус сказал ему: и видел ты Его, и Он говорит с тобою. Он же сказал: верую, Господи! И поклонился Ему» (Ин. 9:36–38). Так же прямо говорит о Себе Христос и женщине-самарянке (см. Ин. 4:26).

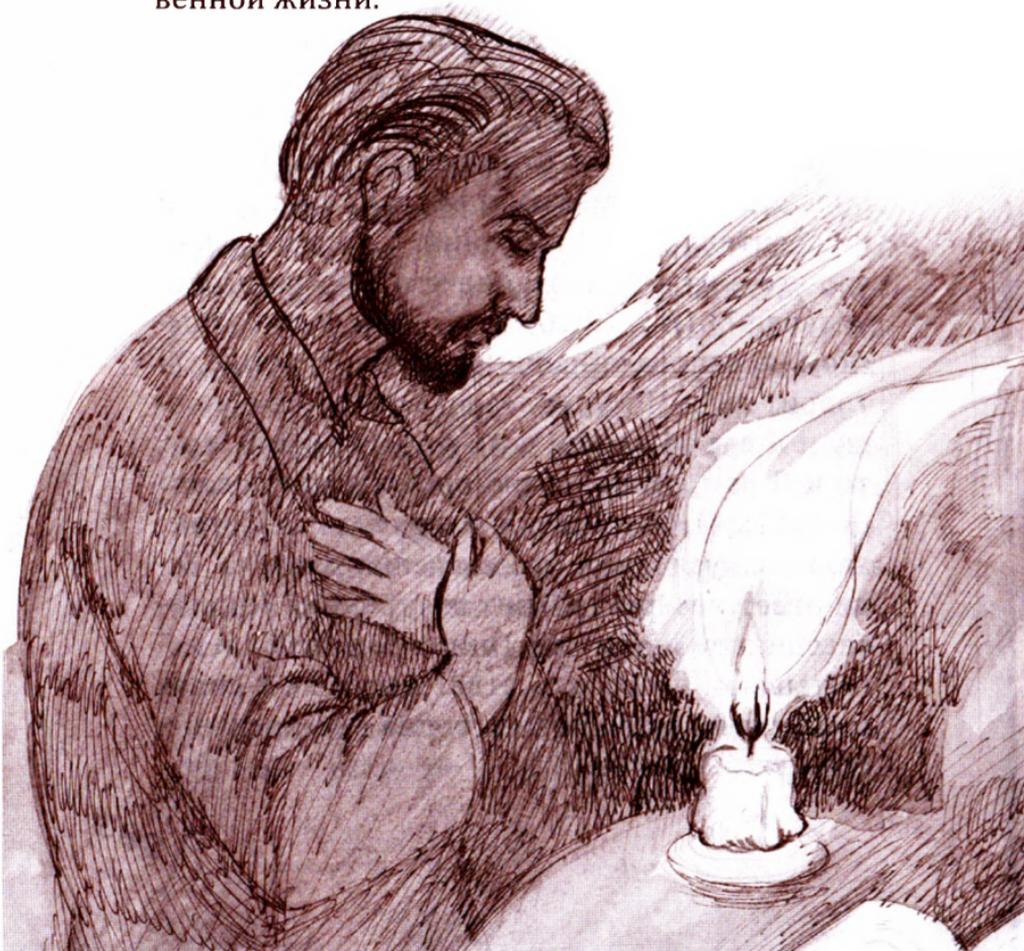
Нередко Христос отвечает вопросом на вопрос. «Как достичь жизни вечной?» — спросил у Спасителя некий книжник, и Христос спросил его в ответ: «В законе что написано? Как читаешь?» (Лк. 10:26). И в храме Иерусалимском на вопрос старейшин, какую властью Он творит дела, Иисус отвечает вопросом: «Спрошу и Я вас об одном; если о том скажете Мне, то и Я вам скажу, какую властью это делаю» (Мф. 21:24). Очевидно, что правильный ответ является условием продолжения диалога. Если ответ неверен, значит внутренний мир собеседников извращен. Они спрашивают и испытывают, но понять ответ будут не в силах по причине окаменения сердца и омертвления совести.

прот. Андрей Ткачев...

283

Наконец, Христос может просто молчать и не открывать уст перед вопрошающим, как это было перед лицом Пилата.

Итак, у нас есть три возможных варианта: Христос дает прямой ответ, Он отвечает вопросом на вопрос, и наконец, Он молчит. Все эти варианты имеют отношение к нашей молитвенной жизни.

Мы молимся Христу как Богу. Мы открываем перед Ним сердце, славим Его имя, просим, благодарим. Нередко молящуюся душу Господь тайно извещает о том, что молитва услышана

и принята. Об этом состоянии говорил Давид: «Возлюбих, яко услышит Господь глас моления моего» (Пс. 114:1). Но бывают у молящихся и свои Гефсиманские ночи, периоды внутреннего мрака и молчания со стороны Бога.

Молящемуся человеку Господь может задавать вопросы. Ты спрашиваешь у Бога: «почему?», «когда?», «за что?», а Он со Своей стороны говорит: «Спрошу тебя и Я». Эти вопросы могут касаться того, исполнил ли ты данные обеты, имеешь ли решимость менять свою жизнь, не носишь ли за душой камня злопамятства или ненависти к кому-то. Ведь нельзя забывать, что, согласно Евангелию, непременным условием слышания и исполнения просьбы является прощение тех, кто чем-то обидел нас, тех, кто является нашим должником. «И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши» (Мк. 11:25).

Вопрос Христа можно расслышать, если удалиться от шума и прислушаться к совести. И это чрезвычайно важно, поскольку можно всю жизнь прокрутиться в суете. Можно всю жизнь молиться из гущи этой суеты, но так и не войти в область правильного богообщения, поскольку на каждую твою просьбу Христос

будет задавать Свой вопрос, а ты ни одного из них так и не расслышал.

Духовная жизнь была бы непростительно легкой, а значит, и не имеющей цены, если бы каждый вздох и каждая просьба, обращенные к Богу, тут же получали ответ. Человек должен подготовиться к молчанию Небес. С мыслью о своем недостоинстве быть в поле зрения и внимания со стороны Бога молящийся человек должен терпением доказать верность Богу.

Наконец, будучи одаренным от Бога смыслом и совестью, человек должен вслушиваться в себя: не звучит ли в душе вопрос от Создателя? Не ждет ли Господь от человека чего-то такого, без исполнения чего все труды и старания окажутся напрасными?

прот. Андрей Ткачев...

287

Протоиерей Андрей Ткачев

ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО

Издательство “Послушник”

ISBN 978-966-2503-05-0

Редактор — *Антонюк С. И.*

Корректор — *Каратеев Д. А.*

Художник — *Синюк Н. С.*

Оригинал-макет — *Синюк Н. С.*

Подписано в печать 20.01.2011.

Формат 70×100/32.

Тираж 3000 экз.

Гарнитура Cambria.

Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 11,61.

Зак. № 3-1008.

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»

61012, г. Харьков, ул. Энгельса, 11

Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.

www.globus-book.com

Протоиерей Андрей Ткачев — настоятель прихода прп. Агапита Печерского (г. Киев), ведущий телепередач «На сон грядущим», «Сад божественных песен» (КРТ), член редакционной коллегии православного журнала «Отрок», автор книг «Мы вечны», «Первое чудо», «Смотри, Небо становится ближе», «Мысли о покаянии», «Тебе и мне Бог письмо написал», «Письма к Богу»...

